

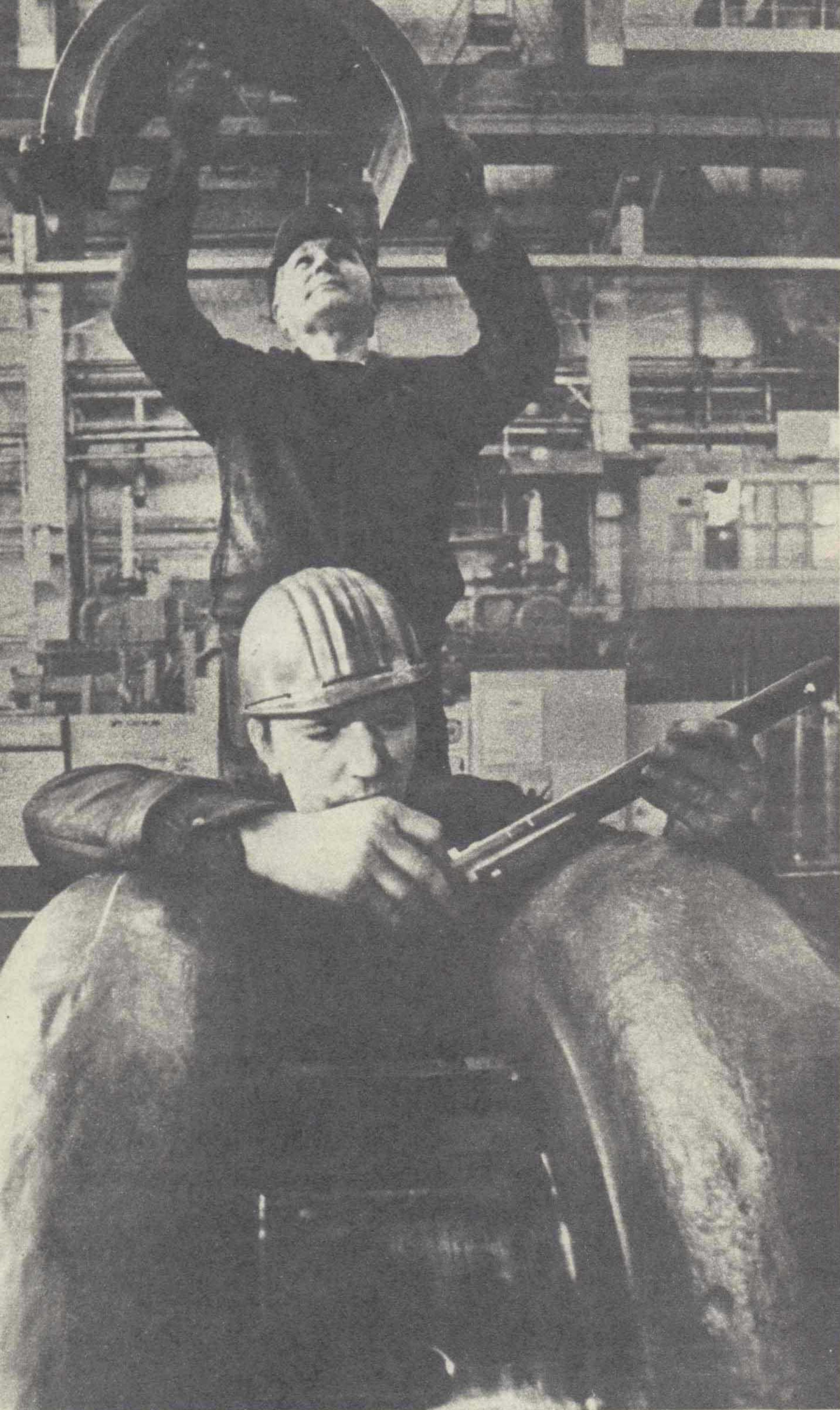


ОГОНЁК

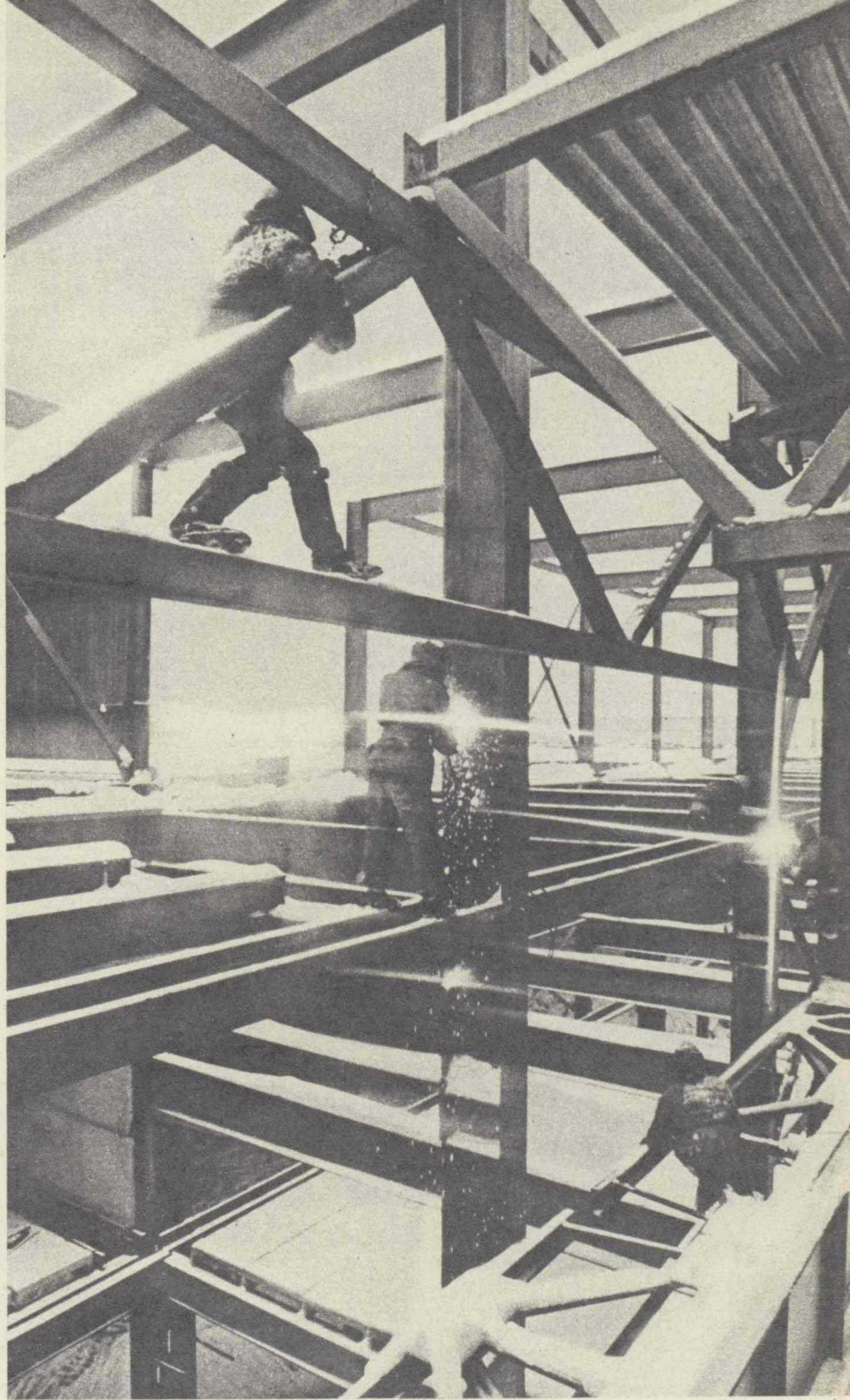
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1981





Слесари-сборщики Владимир Калинин (внизу) и Дмитрий Тюлин.



Строится цех дизельных двигателей.

Б. СМЕРНОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

БРЯНСКОЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 12 (2801)

21 МАРТА 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

Заводская оранжерея. На первом плане — старший инженер по озеленению Любовь Зворыгина.



Токарь-расточник инструментального цеха Борис Филиппович Шилкин.



АДРЕС УКАЗАН XXVI СЪЕЗДОМ КПСС

«Осуществить реконструкцию и расширение... Брянского машиностроительного...»

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

В музее все кажется простым и понятным. Несколько экспонатов под стеклом, короткая надпись на табличке — и ты одним взглядом охватываешь десятилетия.

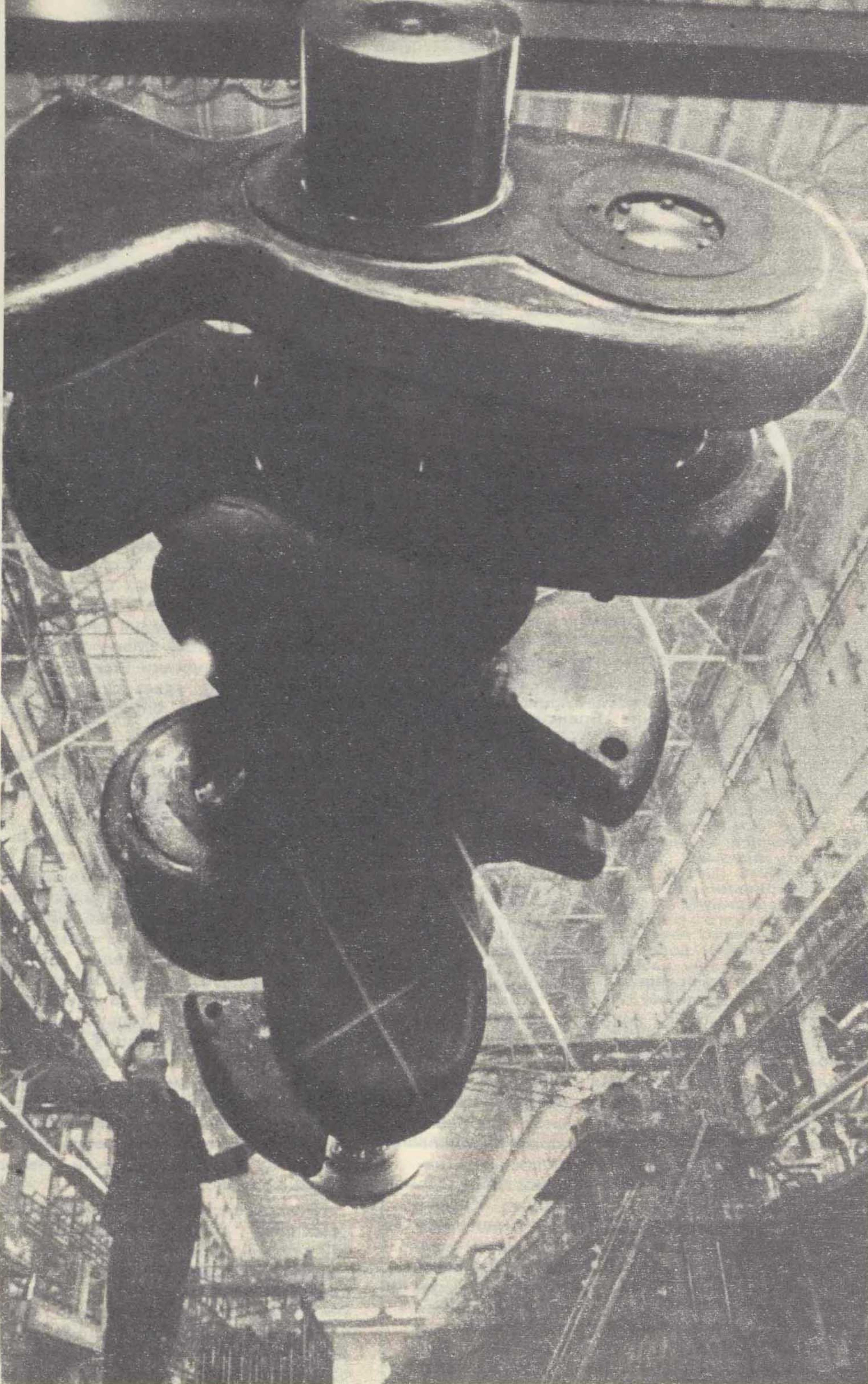
Передо мной на музейной витрине — кусок рельса, сделанного на брянском железодельном заводе сто лет назад. Сюда, в Брянск, я приехал для того, чтобы написать в журнал о сегодняшней реконструкции огромного предприятия, которое стало теперь именоваться производственным объединением «Брянский машиностроительный завод». И нельзя, просто невозможно рассказывать о реконструкции, обойдя молчанием историю завода за эти сто лет. Сама латинская приставка «ре» означает возобновление, повторность действия. Видно, таков уж закон производства: если не хочешь отставать от времени — постоянно обновляйся!

— Обратите внимание, как ловко действовали тогда предприниматели — статский советник Губонин и коллежский асессор Голубев! — предлагает мне директор заводского народного музея Елена Николаевна Федотова. — Узнали, что неподалеку пройдет железная дорога, и быстро скупили земли, выбрали место для постройки завода. Вот, на карте: рядом реки Десна и Болва, вокруг огромные чащи леса, неподалеку — Мальцевские заводы с рудой. Организовали акционерное общество, стали выпускать все, что нужно было для железных дорог, — и рельсы, и рельсовые крепления, и даже шпалы заодно делали. Это уже вскоре после основания завода, в 1874 году! Через год — новые заказы: фермы для металлических мостов, различные балки. Потом спрос на рельсы упал; завод тут же ставит новые мартеновские печи, начинает выпускать сталь для броненосцев, занимается постройкой пароходов, землечерпалок, паровозов и многого другого... После каждой такой, как мы сейчас говорим, реконструкции завод укреплял свое положение, недаром Владимир Ильич Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» упоминает это предприятие наряду с самыми крупными в царской империи...

Того, старого завода, практически уже не существует, с прошлого века не осталось ни одной стены, ни одного прежнего гвоздя — завод полностью перерожден за эти годы дважды или трижды, если не больше. Хронология предприятия буквально пестрит датами перестроенных цехов, ввода нового оборудования — особенно в послереволюционные годы, когда брянские рабочие с готовностью откликнулись на запросы страны — всегда важные, всегда крайне срочные. 1921 год — изготавливаются электропружины, которыми очень интересовался В. И. Ленин, 1925-й — выпущен первый трактор, первый мощный паровоз серии «СУ», 1941-й — построен бронепоезд «За Родину», 1951-й — начато производство паровых турбин, 1958-й — выпущен первый тепловоз, 1961-й — завершены испытания первого мощного судового двигателя...

И все же... Нашим экскурсоводом по внутривзаводским маршрутам, растянувшимся на многие километры, на этот раз был начальник управления капитального строительства Валерий Аркадьевич Андрейчиков. Капитальное строительство? Да, предприятие снова в строительных лесах, и снова переход к еще одному виду продукции, и снова впишется солидная, весомая строчка в историю завода.

— Мы строим новый цех, который будет под стать самостоятельному предприятию. Вот он, видите? Пока даже стены не готовы, но уже ясно, что новорожденный будет гигантом! — смеется Валерий Аркадьевич. — Четырнадцать пролетов, восемьдесят три тысячи квадратных метров под одной крышей!



Дизельно-испытательный цех. Установка коленчатого вала на судовом дизеле.

ПРАВИЛО

В заводских яслях-саду «Дельфин».



Я уже знал, что новый цех-гигант начнет массовое производство дизельных двигателей для тепловозов. Правда, сначала было неясно — почему эта продукция считается новой для БМЗ, ведь тепловозы с брянской маркой ходят по рельсам еще с 1958 года. Все так, только двигатели для них изготавливаются на другом предприятии — в Пензе. Уже сейчас тепловозов в стране не хватает, а в ближайшие годы, особенно после окончания строительства БАМа, нужда в них значительно возрастет. Вот и придется Брянску взять на себя основную долю нагрузки.

— Значит, хлопот прибавится?

— Конечно! — в том же шутовском тоне отвечает Андрейчиков, но в его словах теперь звучат нотки озабоченного, до предела занятого своими проблемами специалиста. — Построить цех, наладить производство дизелей — это еще полдела. Надо найти тысячи рабочих, собрать их в коллектив, обучить — это задача, тем более для нашей среднерусской зоны! А где этим новым рабочим жить? Смотрите — здесь, на берегу Десны, намыта огромная строительная площадка, а эти сваи станут основанием для домов нового микрорайона на двадцать тысяч жителей. Само собой, вырастет сектор бытового обслуживания, новые школы, больница, ясли. Реконструкция — она и на жизни города скажется.

Реконструкция... Трудное, емкое слово, в нем — ломка старых представлений, отживших понятий, в нем — новое напряжение сил. Строится новый цех для новой продукции — и весь завод заранее, исподволь готовится подняться на эту ступень.

— Если смотреть по частностям, то, кажется, особых перемен на БМЗ не происходит: там поставлены новые станки, там переставлено оборудование, там стенку передвинули. А в целом получилось — 114 миллионов рублей экономии за десятую пятилетку! Внедрено свыше двух тысяч мероприятий плана новой техники! И это, как говорят в спорте, только промежуточный финиш. Реконструкция продолжается. Сейчас на очереди — сталелитейное производство, его надо укрупнить почти в полтора раза. Будет заново построено несколько цехов, например, термообрубочный. Вот только строители нас подводят, — мрачает вдруг Валерий Аркадьевич, — брянские строительные организации оказались маломощными, не справляются с заданными темпами... Что и говорить, сложная это задача — работать в полную силу и одновременно перестраиваться... А о результатах лучше всего говорит тот факт, что недавно производственному объединению БМЗ за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании было вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Предприятие награждено памятным знаком «За высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке», занесено на Всесоюзную доску почета ВДНХ СССР. Как видите, успехи немалые, но мы знаем, что сделано еще далеко не все: например, хоть и по объективным причинам, но не удалось выполнить все задания пятилетки — недодано пятьдесят два тепловоза...

— А в чем все же причины?

— Главная — не хватает двигателей. Тех самых, которые будет выпускать новый цех. Пока их нет, как бы мы ни старались, тепловоза не построим. А старания налицо. Давайте зайдём в тепловозный цех, убедитесь!

Убедиться без пояснений было бы трудно, потому что все в этом цехе выглядит вроде бы обычно: ряды станков, оборудования, вдоль них на рельсах стоят тепловозные рамы на колесах, которые постепенно, от участка к участку, как бы обрастают все новыми деталями, приобретая в конце концов знакомые очертания тепловоза. Только вот бросается в глаза, что в этом сравнительно небольшом, давней постройки цехе не чувствуется тесноты, что проходы не загромождены — всюду всевозможные стеллажи, контейнеры. Кажется, что и народа в цехе мало — нет беготни с места на место, все заняты делом.

— Когда перед цехом поставили задачу увеличить выпуск тепловозов, стало ясно, что без реконструкции цеха такая задача невыполнима, — рассказывает директор производства Борис Романович Перлин. — Надо иметь не одну, а две нитки сборки тепловозов, а для

этого необходима площадь, вот мы и занялись расчисткой места в цехе...

Слушая Бориса Романовича, я про себя сравнил ситуацию в цехе с известным «чемоданным эффектом»: пока вещи внавалку — тесно, разложил все по порядку — и стало просторно. Видимо, что-то похожее произошло и здесь. Какие-то вспомогательные операции перевели в другой цех, что-то развернули, переставили — и за два года напряженной работы помещение преобразилось, работать в нем стало легче, удобнее, а выпуск тепловозов возрос.

— Сейчас, когда мы вспоминаем прошлое, то сами удивляемся: как это раньше все помещалось в корпусе? Заставь сейчас расставить все обратно, как было — не получится! — смеется начальник цеха Михаил Федорович Микшаков.

Да, это, конечно, шутка: дела людские, как и время, необратимы. И, может быть, главный смысл происходящих на производстве перемен в том и состоит, что рабочий процесс, сам усложняясь и совершенствуясь, выдвигает и перед людьми новые задачи, заставляет их мыслить широко, по-новому. Примеров тому много. Хотя бы тот исторический факт, который, можно сказать, стал основой истории Брянского машиностроительного завода.

В 1918 году, вскоре после национализации предприятия, управление Брянским заводом стало осуществляться непосредственно из Москвы. По заданию правительства был налажен выпуск бронепоездов, рабочие остро ощущали свою причастность к революционным событиям, но всем важнейшим процессам, происходящим тогда в стране, в душах людей. Но на заводе еще бытовали старые порядки: околки прежней администрации не желали поддерживать призывы Москвы, мешали работе всевозможные смуты, разногласия, беспорядочные «говорильни». И тогда по решению рабочих на предприятии вводятся «Временные правила внутреннего распорядка» — что-то вроде первого трудового кодекса, определившего права и обязанности рабочих. «Брянские правила», как их стали называть, были показаны В. И. Ленину и одобрены им.

Это было стремление совместить задачи того времени с рабочей совестью человека, это были первые шаги к осознанному, социалистическому понятию трудового долга...

Брянский завод и сегодня с гордостью называет десятки имен своих представителей, вошедших в ряды лучших сынов рабочего класса страны. Знакомьтесь с токарем-расточником Борисом Филипповичем Шилкиным — награжденным орденом Ленина, носящим высокое звание депутата Верховного Совета РСФСР, членом горкома КПСС, — я видел в нем прежде всего одного из тех, кто стал, если можно так сказать, наследником традиций «Брянских правил». Родословная его — от работавшего здесь деда, от отца, трудившихся в литейном цехе, от тех, кто еще в военном 1944 году наставлял его азбуке рабочего мастерства в ремесленном училище. Завод тогда был почти целиком разрушен войной — и ребята вместо практических занятий выгребали из коробок цехов мусор, чтобы можно было поставить где-то в уголке первые станки. Но завод уже выдавал продукцию. Рабочая «закваска» оказалась надежной — вскоре Шилкин стал неплохим слесарем-лекальщиком, а после службы в армии освоил координатно-расточный станок.

— Конечно, такого быть не могло, чтобы завод развивался сам по себе, а мы, рабочие, этого бы на себе не ощущали, — говорил Борис Филиппович. — Если поразмыслить — во всем, что сделано на заводе, есть частичка каждого из нас. Металл — он только металл, пока его не коснулась рука, не сделала его деталью, какой-то нужной вещью. А точная работа на металле и тебя самого как бы шлифует, учит уважать свое дело. Вот наш инструментально-штамповый цех, — все, что есть нового на заводе, имеет к нам прямое отношение, потому что все начинается с инструмента, оснастки, которую мы изготавливаем. Дизельный цех только строится — а мы на него уже работаем. И чувствуем тот уровень, на котором завод будет жить завтра. Сейчас этот класс точности для нас — норма, а завтра он должен стать еще выше. Те, кто придет в новый цех и возьмет в руки наши инструменты, это поймут — металл им расскажет!

...И снова я вспоминаю обрезок старого рельса в музее: да, металл, согретый когда-то рукой человека, хранит это тепло вечно.

Р. ГЕОРГИЕВА

Дождь «Салют-6» еще одну экспедицию. В ночь с двенадцатого на тринадцатое марта экипаж в составе Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Коваленка Владимира Васильевича и бортинженера Савиных Виктора Петровича пристыковал свой «Союз» к станции.

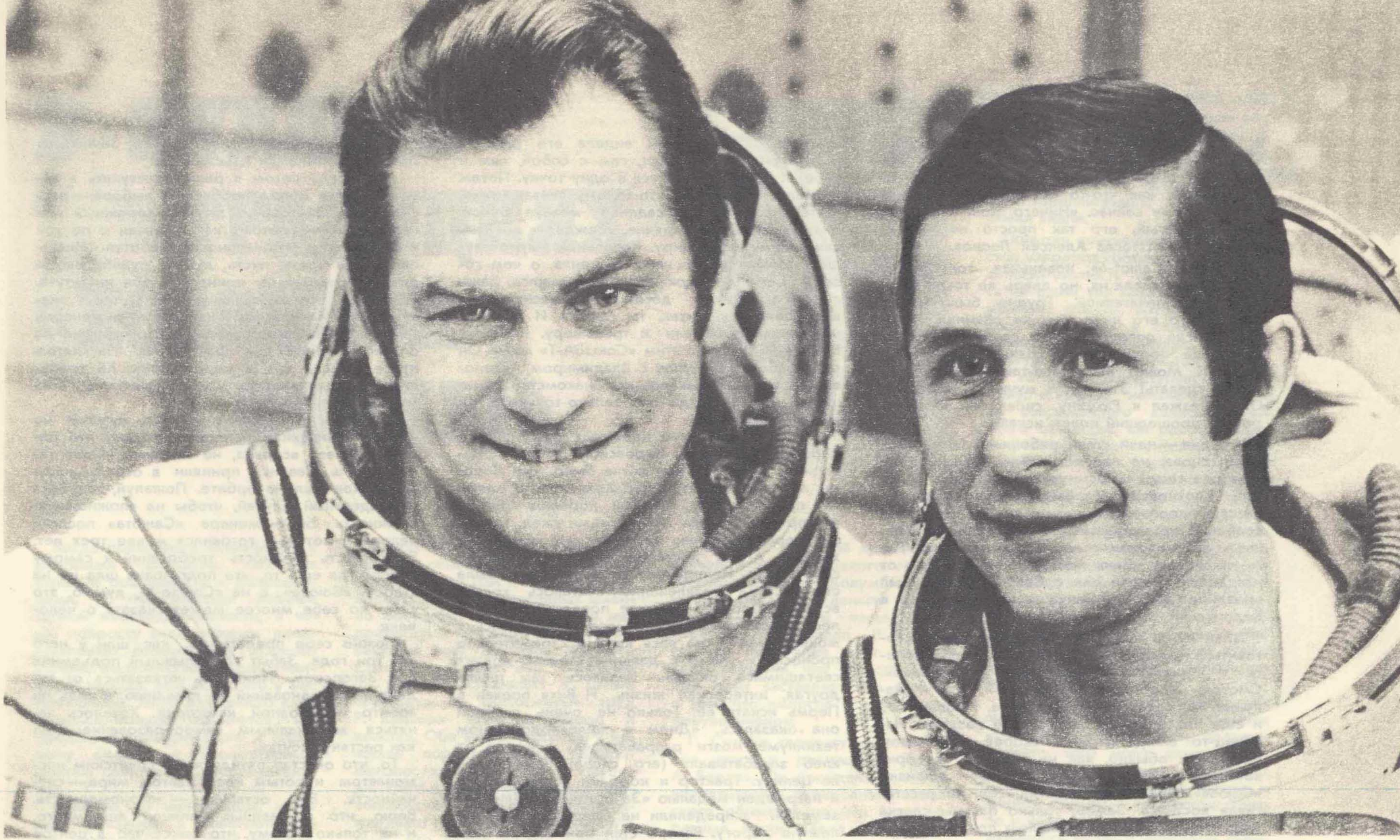
«Мы — Фотон», — зазвучало с орбиты. Этот позывной слышался оттуда в 1978 году с июня по ноябрь, целых сто сорок дней, тогда на «Салюте» работал тот же Владимир Коваленок с Александром Иванченковым. Думается, что в этом «Мы — Фотон» сейчас не только дань традиции (как правило, позывной дает командир), здесь скорее заявка на сложившийся почерк, определенный стиль работы...

Владимир Коваленок... Я видела его у классной доски, той самой белорусской школы, которую он заканчивал почти двадцать лет назад. Синеглазый, волосы хохолком, а залысины куда-то исчезли, будто скинул разом груз лет. По его инициативе тогда съехались со всей страны его однокашники. Невелик их выпуск, мало детей рождалось на белорусской земле в военном сорок втором, оттого и школа эта была одна на всю округу. От нее до деревни Белое, где жил Володя, без малого восемь километров. Зимой — на лыжах, старое ружье за плечами, из него и стрелять-то нельзя, только так, чтобы двум девчонкам соседским не боязно было, волков бродило много. А вот уже весной — осенью прыжками с кочки на кочку — справа болото и слева — трясина. Из этой школы с золотой медалью уехал он поступать в летное училище, хотя до того самолеты видел только на картинках да изредка, если повезет, далекой манящей точкой в небе.

«Отчитывайся, Володя!» — кричат ему однокурсники. А что отчитываться? Он когда 140 суток на орбите летал, перед всем миром ежедневно отчет держал, и перед этой затерянной в снегах Полесья школой, и перед учителями, так постаревшими за эти годы, и перед любимой бабкой своей. «Милый же ты мой, — говорила она, когда внук снимал ее с полатей, сухонькую, легонькую, но такую бойкую на язык (вот в кого Коваленок!) и нес в горницу. — Да ж за это время мы и посеяли и убрали все. Капуста какая уродилась, посолили, ты попробуй-ка. Уж снег повалил, а на тебя посмотреть — только по телевизору». Володя счастливо улыбался и гладил ее коричневую заскорузлую руку. «Праздник у нас какой, хозяин приехал!» И в хату валил народ, мальчишки висели на подоконниках, а кто побойчее вместе со взрослыми норавли подойти поближе, дотронуться до кителя и все расспрашивали: «Владимир Васильевич, ну какой он, космос?»

Какой?.. Был у Коваленка другой день. На аэродроме под звуки оркестра шли они с Рюминым от трапа к председателю Госкомиссии, встречающим друзьям. Шли медленно, тяжело, и в лицах у обоих, таких жестко-нездешних, ни одной плавной линии. Не было тогда

«МБ»



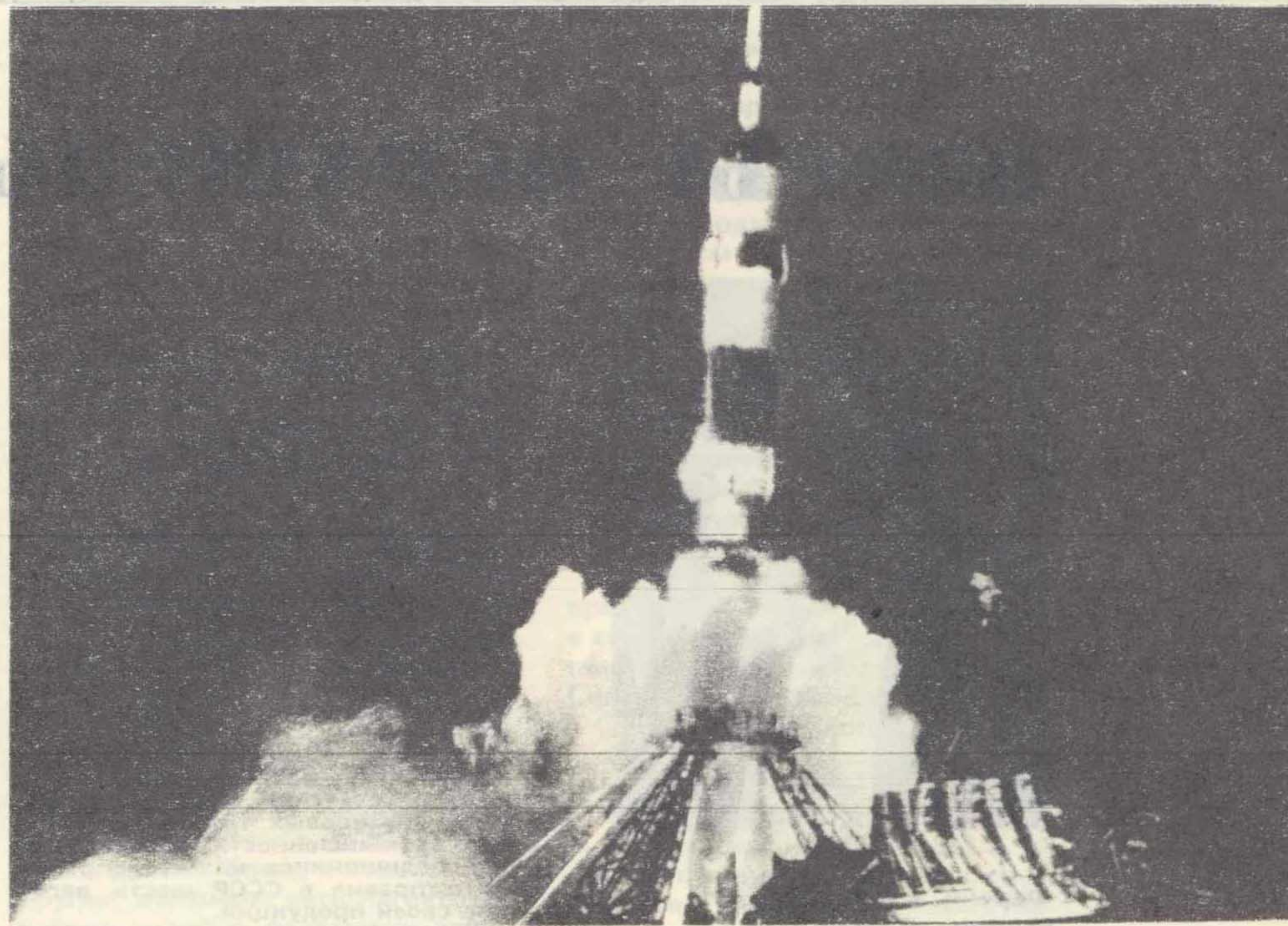
Экипаж космического корабля «Союз Т-4» — командир корабля летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза В. В. Ковалёнок и бортинженер В. П. Савиных во время предполетных тренировок в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

По традиции они пришли перед отлетом на Байконур на Красную площадь.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Старт космического корабля «Союз Т-4».

Телефото В. Кузьмина и А. Пушкарева (ТАСС)



- ФОТОНЫ »

в докладе Коваленка самых важных слов: «Программа выполнена». Был жест руки Володи, на секунду словно отстраняющий от себя цветы, как что-то незаслуженное и неприятное ему сейчас. «Ничего, Коваленок мужик жилистый, его так просто не сломаешь», — сказал тогда Алексей Леонов.

Станция «Салют-6», новенькая, только что со стапеля, ждала их, но дверь ее тогда осталась нераспечатанной. Трудно было жить, хотя никто его ни в чем не обвинял. А он сам? Когда доверена такая сложнейшая техника, где проходит эта грань: виноват — не виноват? Может быть, все-таки можно было что-то сделать? Эта мысль мучила и жгла его. Он приезжал к Рюмину, снова они анализировали прошедший полет, искали...

Что дни — ночи стали рабочими! Готовиться начал снова, не надеясь даже, доведется ли еще раз сесть в космический корабль. Полетел... Вдохновенно, я бы сказала, отработал он свою программу, многое сделал сверх нее, особенно по визуальным наблюдениям. «Главным океанологом» называли его в ЦУПе. А уж потом: «День победы, как он был от нас далек» — пели они с Сашей. Потом был праздник для Коваленка и в Звездном и в Белоруссии.

...Как легко написать эти строчки: «стал готовиться снова»... Накануне нынешнего полета я приехала к окончанию тренировок. Смотрю, еще сидят в «Союзе-Т», для Коваленка это совсем новая машина. Прошел час и еще час, и время совсем уже позднее. Наконец-то вижу, выходят, скорее, выползают. Коваленок обычно, как ни устал, а все приветлив. А тут — зеленый, в цвет обшивки «Союза». Никого не заметил, сел, не расстегивая костюма. Замер, только пальцы слегка вздрагивают. И Виктор Савиных присел рядом.

Как же он молодо выглядит для своих лет! А ведь как раз перед полетом ему исполнился 41 год. На спортсмена, тем более пловца, каковым он, по существу, является, непохож, роста невысокого и в кости узок. Он напоминает аспиранта, скромного, интелли-

гентного. Сколько ни видела его раньше, всегда он как бы один, сам с собой, сам в себе. И сейчас: уставился в одну точку. Потом потрогал Коваленка, что-то ему сказал, тихо, застенчиво. Тот досадливо махнул рукой. Виктор заговорил горячее, убеждая и доказывая своему командиру. Коваленок хмуро слушал, потом, словно наконец поняв, о чем говорит Савиных, пружинисто выпрямился, даже лицо вспыхнуло десятками проснувшихся веснушек: «Ну, Витек, ты гений!» И они как мальчишки побежали к тренажеру. Конечно, Виктору Савиных с этим «Союзом-Т» легче. Он ведь работал в группе с Владимиром Аксеновым и Олегом Макаровым. Знакомство с машиной начал, когда она только-только в КБ прорисовывалась.

Савиных — уроженец коренных русских мест, деревни Березкины, Кировской области. Наверное, в детстве ему легче было, чем Володе, все-таки при отце рос. Хотя тоже с малых лет при хозяйстве, «хвосты коровам крутил» и запрягать лошадь лет с восьми умел, только вот чересседельник затянуть сил всегда не хватало. А как постарше стал — и пахал и сено косил. Неподалеку от их деревни была станция. За развлечение считалось ходить встречать поезд. Выбегал поезд из темноты леса ярко-желтым огнем, все увеличиваясь в мощи, гремел на весь край и стремительно проносился мимо в дальние страны, дразня светящимися окнами. Казалось, там плыла другая, интересная жизнь. И Витя поехал в Пермь искать ее. Только не очень сладкой она оказалась. «Днем в железнодорожном техникуме мозги разрабатывал, а ночью на хлеб зарабатывал» (его слова). Каникулы — на целину. Трактор и комбайн водил, за что и награжден медалью «За освоение целинных земель». Распределили на Свердловскую железную дорогу. Вскоре стал бригадиром. Уж куда труднее и грубее работа — строительство, ремонт мостов и тоннелей. Но чтобы бежали поезда, кто-то же должен делать дороги для них, даже если самому приходится и в мороз с ветром и в комариную жару кочевать в вагончиках и тосковать об огнях.

А после армия... и опять дороги. Занимался проектированием и изысканием.

— И когда потом я решил поступать в институт, встал перед проблемой выбора, — рассказывает Виктор, — в железнодорожный или геодезический, потому как в армии и по той и по другой специальности работал. Поступал в оба сразу, пусть, думаю, судьба рассудит. И представьте, приняли в оба института. Пришлось все же самому решать: так я оказался в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии на оптико-механическом факультете. На пятом курсе узнал, что в королевском КБ требуются специальности моего профиля, стал напрашиваться.

Его взяли потому, что он был лучшим на курсе, ленинский стипендиат, потому что работать умеет всерьез, не напоказ. И вот такая деталь. Савиных приняли в отряд, когда Коваленок был на орбите. Пожалуй, это беспрецедентный случай, чтобы на сложнейшую должность бортинженера «Салюта» послали человека, который готовился менее трех лет. Если учесть жесткость требований к самому отбору, да еще то, что подготовка шла не на старом «Союзе», а на «Союзе-1», думаю, это само по себе многое может сказать о человеке.

Можно себе представить, как шли у него эти три года. Забыт горнолыжный подъемник под Загорском. Пришлось отказаться от судейства соревнований по плаванию, а ведь он арбитр всесоюзной категории. Хотелось заняться музыкальным самообразованием, но как растянуть сутки?

То, что он стал пятидесятым советским космонавтом и сотым космонавтом мира, — случайность. Все остальное — закономерность. Верю, что о Савиных напишут еще много, и не только потому, что он сейчас в центре внимания. В нем все обещание: в космонавтику пришла еще одна яркая личность.

А пока... а пока у него все внове. Впервые постигает космический быт, учится не ходить, а плавать в невесомости, впервые видит Землю с такой высоты...

ВЗОРЫ ОБРАЩЕНЫ К МОСКВЕ



Ференц А ЛЕКСА,
венгерский журналист

В Венгерской Народной Республике, как и везде в мире, с большим интересом следили за работой XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза. Миллионы людей смотрели телеви-

зионные передачи, слушали сообщения о работе съезда по радио. Номер центральной партийной газеты «Непсабадшаг», в котором был напечатан доклад товарища Л. И. Брежнева, разошелся тиражом на двести тысяч больше обычного.

Коллективы многих венгерских предприятий направили в адрес съезда приветственные телеграммы с добрыми пожеланиями советским коммунистам. На многих заводах были организованы коммунистические смены, в дни съезда газеты сообщали о результатах социалистического соревнования, развернувшегося в честь съезда. Например, предприятие «Таурус» значительно раньше срока поставило в Советский Союз сорок вагонов резиновых труб для нефтяной промышленности, а завод шарикоподшипников на месяц раньше отправил в СССР шесть вагонов своей продукции.

Венгерские трудящиеся особенно живо откликнулись на ту часть доклада Л. И. Брежнева, которая посвящена международной политике. «Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи...» Партия советских коммунистов подкрепляет эти слова конкретными предложениями. Они отвечают и интересам венгерского народа, живущего в центре Европы. Для нас, как и для

всех миролюбивых народов, нет иного пути, чем путь мирного развития. И потому весь венгерский народ горячо поддерживает советских людей в их грандиозных усилиях, направленных на защиту мира.

С глубоким удовлетворением восприняли венгерские трудящиеся и содержащийся в докладе анализ того, как складываются отношения между социалистическими странами. Нас вдохновляют достижения Советской страны в развитии экономики, культуры, науки.

«Непсабадшаг» обратилась к своим читателям с вопросом: «Какое ваше мнение о XXVI съезде КПСС?» Вот некоторые ответы. Лайош Халас, бригадир коллектива социалистического труда имени Ленина Мишкольцского металлургического комбината:

— Связи между предприятиями братских социалистических стран подтверждают то место в Отчетном докладе ЦК КПСС, где говорится, что отношения между государствами лишь в наше время, в мире социализма, «действительно стали отношениями между народами». В них непосредственно участвуют миллионы и миллионы людей.

Пал Ленарт, академик, генеральный секретарь Венгерской Академии наук, отметил, что его как

исследователя и организатора науки прежде всего привлекли мысли, касающиеся науки:

— Особенно важной считаю я очень метко сформулированную в докладе Л. И. Брежнева мысль о том, что «сама наука должна быть постоянным «возмутителем спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, успешнее». Я полностью согласен с этим. Ведь представители науки могут видеть такие взаимосвязи, которые не всегда очевидны для людей, занятых решением сегодняшних задач. Наука же обычно не ограничивается задачами настоящего, широкий кругозор ученых помогает им заглянуть в будущее, они действительно могут и должны играть роль «возмутителей спокойствия».

Венгерские трудящиеся, читая доклад товарища Л. И. Брежнева, слушая выступления делегатов съезда, конечно, обращались мыслями к своей работе, к тому, чем живет наша республика сегодня. Глубокий анализ экономических, политических, международных проблем, данный на XXVI съезде КПСС, действительно поможет в решении тех задач, которые стоят перед нашей страной.

В ХУДШИХ ТРАДИЦИЯХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»



Когда приходится встречаться с рядовыми жителями западных стран, в особенности с американцами, то поражаешься элементарной неосведомленности, а чаще попросту искаженному, представлению собеседника о нашей стране, ее политике, жизни советского народа, обо всем, что у нас происходит. Иной раз просто диву даешься, откуда черпаются эти бредни, противоречащие и здравому смыслу и элементарным фактам советской действительности.

Конечно, те иностранцы, которые приезжают в Советский Союз, знакомятся с нашей жизнью, разговаривают с советскими людьми, очень скоро освобождаются от своих заблуждений. Но есть другая категория визитеров с Запада, которых ничто и никто убедить не может, хотя живут они у нас подчас годами. У них совершенно иная задача. Это они, щеголяя своей «осведомленностью», поставляют на страницы западных газет, журналов и даже книг лживую стряпню о Советской стране и советском народе. Вот этим-то «знатокам» советской действительности и посвятил свою книгу «Авгуры из Нового и Старого Света»¹ А. Беляев.

Книга невелика по объему. Но в ней сконцентрирован убедительный фактический материал. Автор с большим публицистическим накалом раскрывает читателям, как готовится эта антисоветская, антикоммунистическая стряпня на пропагандистской кухне Запада.

В США немало специалистов по широкому кругу вопросов, относящихся к жизни советского общества. Их отбирают, щедро оплачивают все расходы, связанные с их подготовкой и обучением, а затем посылают в СССР в качестве корреспондентов газет или информационных агентств. Одновременно, как отмечается в книге, такой «специалист» получает четкий социальный заказ: написать по заранее сформулированной концепции книгу о советском народе, о советском образе жизни. Написать так, чтобы у непосвященного читателя возникло отрицательное отношение к социалистическому обществу, подозрительность к Советскому государству, к политике КПСС, к советскому человеку.

¹ А. Беляев. «Авгуры из Нового и Старого Света (Что и как пишут о нашей стране советологи США и Англии)», М., «Молодая гвардия», 1980 г., 95 стр.

Автор останавливает свое внимание в основном на трех книгах, вышедших в США и Англии в последнее время и написанных именно по такому заказу. Две из них претендуют на самое широкое освещение всех аспектов жизни в Советском Союзе. Это сочинение на пятистах страницах Г. Смита «Русские» и аналогичный труд Р. Кайзера «Россия: народ и власть». Оба автора провели в качестве корреспондентов американских газет в Москве по три года. Третья книга, написанная проживающим в Англии Р. Хинли, затрагивает более специфическую тему, что видно из ее заглавия: «Русские писатели и советское общество. 1917—1978».

Г. Смит в предисловии к своей книге обещает осветить «частную жизнь русских», а Р. Кайзер грозит раскрыть наконец-то, «кем же на самом деле являются русские и как они живут». Каким же образом эти «советологи» осуществляют столь обширную задачу? А. Беляев отмечает, что Г. Смит и сам не скрывает, что он искал связей прежде всего с такими людьми, которые «были бы способны видеть свое общество в критическом свете... и жаждали контактов с иностранцами». В числе «информаторов» Г. Смита, конечно же, оказались различного рода отщепенцы, так называемые «диссиденты» и лица, уже выехавшие или собирающиеся эмигрировать из СССР. Многие из них, замечает Г. Смит, стали моими очень близкими друзьями.

На суперобложке книги «Русские» обозначено: «Выводы Г. Смита потрясут благодущие, вызываемое детантом (разрядкой)».

Видимо, в этом и следует понимать главную задачу книг Смита и Кайзера: потрясти среднего американского обывателя, запугать, посеять в его душе недоверие к советскому народу.

«Россия — таинственный и мрачный континент... далекий, недоступный пониманию иностранцев, необъяснимый даже для самих русских. Таков миф о России, охотно поддерживаемый самими русскими». Это написано на первых страницах книги Кайзера, но само суждение принадлежит не ему. Задолго до него о «загадочной» душе русских, о «скрытности» наших людей и их образе жизни много писали предшествующие поколения американских советологов, сочинения которых

Р. Кайзер с супругой кропотливо изучал в течение целого года в Русском центре Колумбийского университета на деньги фонда Форда, — изучал и чаще всего следовал им. Правда, Р. Кайзер считает, что миф этот «верен лишь отчасти», что его собственный опыт заставляет его сказать о том, что «многое в этом мифе преувеличено».

Г. Смит в своих суждениях более крут и размашист, пишет А. Беляев. Он решительно и безапелляционно делит жизнь советского общества на две явно неравные части. Одна часть — это «Россия официальная». А другая — это, мол, повседневная жизнь простого народа, неофициальная, эмоциональная, импульсивная, человеческая и... «непредсказуемая».

Судя по всему, ненависть к коммунизму настолько ослепила американских авторов, что они изрыгают хулу на все и на вся в СССР. Им не нравится то, что советские люди сохраняют память о Великой Отечественной войне. Они отвергают современную советскую литературу, и даже сама природа России им не очень по душе. А. Беляев приводит множество примеров из книг американских «советологов», подтверждающих этот вывод. Говоря о системе здравоохранения в СССР, Смит ссылается на какого-то безымянного врача из Нью-Йорка, который говорил, что советские врачи якобы не знают даже, как пользоваться отоскопом — инструментом врача-отоларинголога, Кайзер также ссылается на выехавшего из СССР в Израиль некоего Любошича, утверждая, что частенько в советских аптеках продаются ампулы, наполненные не пенициллином, а... водой. И Смит и Кайзер пространно пишут о глубоком суеверии, свойственном якобы советской интеллигенции. Причем выводы обо всем этом делаются на основании сомнительных бесед с «одним или другим знакомым интеллигентом». Кайзер пишет о посещении квартиры одного из своих очередных безымянных «знакомых» в Москве, где постели никогда не убирались, стекла в окнах были разбиты, раковина на кухне всегда забита грязной посудой, а хозяйка дома ходила в джинсах, не снимая их месяцами. «Это было чудное место, в котором было приятно провести время», — сообщает Кайзер.

Ну, как говорится, о вкусах не спорят, пишет по этому поводу

А. Беляев, только позвольте сразу же поставить большой знак вопроса на утверждении Кайзера о том, что перед нами «обычное жилье московской интеллигенции». Автор явно путает московскую интеллигенцию с американскими хиппи.

Попытки американских журналистов извратить, оболгать советскую действительность предпринимаются на фоне тех многочисленных и мрачных фактов, которыми определяется жизнь в самих США и других странах капитала. В книге «Авгуры из Нового и Старого Света» автор не раз вступает в полемику, вскрывая неизлечимые язвы современного капиталистического общества. Он рассказывает, например, о действительном положении дел со здравоохранением в самих США, где приходится за хирургическую операцию по поводу аппендицита платить 1180 долларов, о непомерной стоимости лекарств, о произволе владельцев частных клиник в Америке, идущих ради выкачивания денег даже на преступные действия. Но американские журналисты молчат об этом, так же как и о безработице в США, росте дороговизны и обо всем другом, о чем невыгодно упоминать.

Книги Г. Смита и Р. Кайзера, написанные в худших традициях «холодной войны», вновь подняли уровень того моря дезинформации, в котором уже много лет дрейфует американский народ, и берега правды о Советском Союзе и советском образе жизни отодвинулись вновь к далекому горизонту, пишет А. Беляев, заключая разбор двух книг американских журналистов.

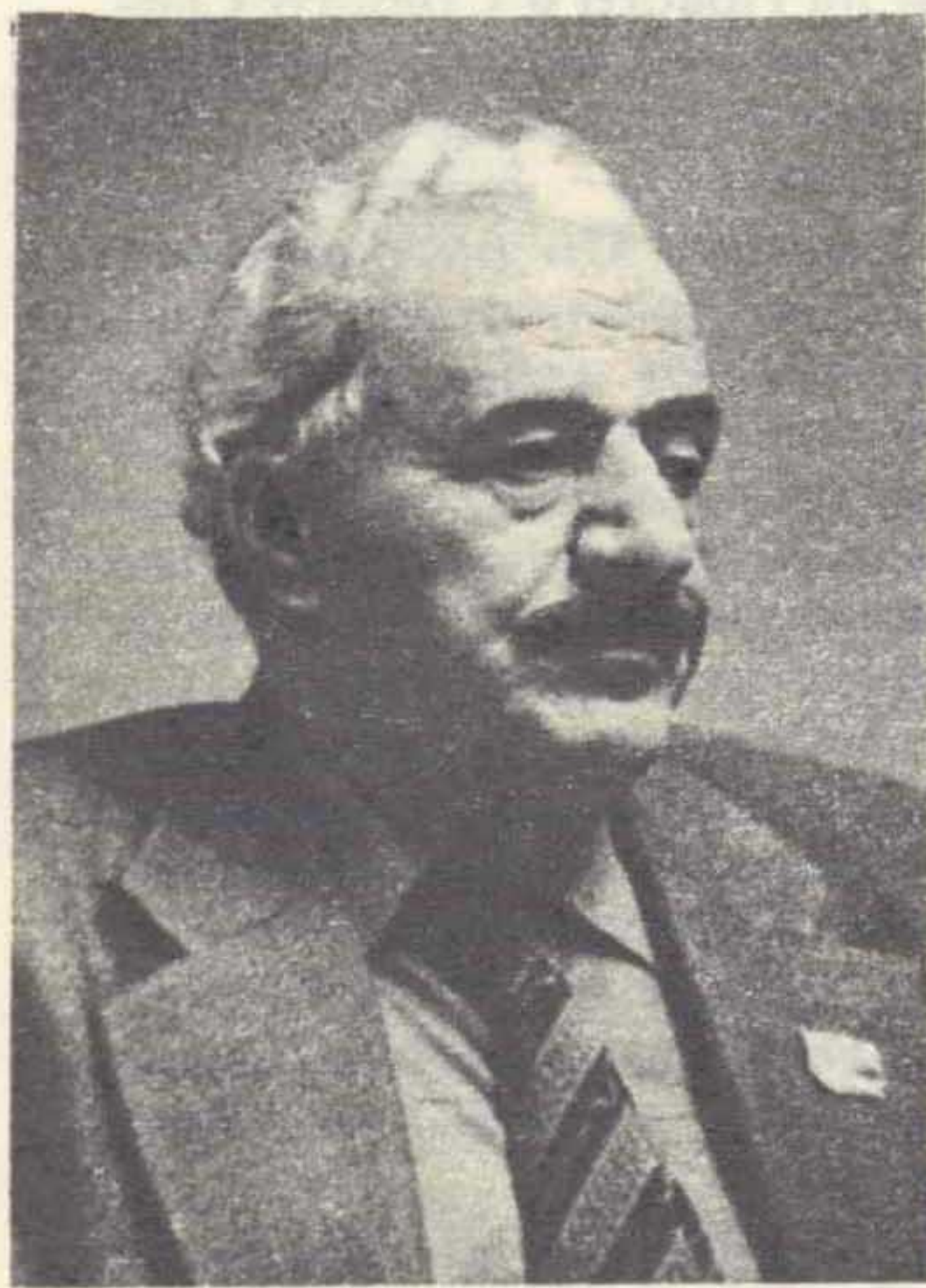
Книга Рональда Хинли «Русские писатели и советское общество. 1917—1978» выдержана, как и прежние творения этого автора, в том же духе закоренелого антикоммунизма. Она, как отмечает А. Беляев, свидетельствует о вполне определенных тенденциях перехода на пропагандистские и откровенно антикоммунистические позиции той части международной советологии, в сфере внимания которой находятся по преимуществу вопросы художественной культуры общества развитого социализма, и в особенности вопросы литературы. Р. Хинли ученически покорно повторил все стереотипы американской советологии и тем самым подтвердил униформизм и тенденциозную заданность мышления всех отрядов международной антикоммунистической советологии.

Книги Смита, Кайзера, Хинли направлены на разжигание ненависти к советскому народу, на дискредитацию общественного устройства Советского государства.

Сейчас, когда весь мир живет под впечатлением величайшего события наших дней — XXVI съезда КПСС, выступления на съезде Л. И. Брежнева и грандиозных задач, которые поставил этот форум советских коммунистов перед нашим народом, попытки продажных писаков оболгать нашу действительность выглядят особенно неприглядно. Но, как пишет в заключение своей книги А. Беляев, как никому не удавалось ладошкой прикрыть солнце и погрузить мир во мрак, так никому не удастся преградить дорогу правде о реальном социализме, о советском человеке и его образе жизни.

Ю. ПОПОВ

ВСЕСТОРОННИЙ И ГЛУБОКИЙ АНАЛИЗ



Харилаос ФЛОРАКИС,
Генеральный секретарь ЦК
Коммунистической партии Греции

Я присутствовал на нескольких съездах советских коммунистов. Был, в частности, гостем XXV съезда. И теперь на нынешнем XXVI съезде КПСС я также взволнован и счастлив встречей с советскими коммунистами.

В Отчетном докладе, с которым выступил товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде, дан обстоятельный, всесторонний и глубокий обзор и анализ основных направлений внешней и внутренней политики партии Ленина, Советского государства. Доклад, а это мнение не только мое личное, но и всех товарищей, с которыми я беседовал во время перерывов между заседаниями, — мощное политическое и идеологическое оружие всех прогрессивных сил, ведущих борьбу за мир, национальное освобождение, социальный прогресс и социализм. Это объективный, научно обоснованный анализ международной обстановки.

В сегодняшнем мире, когда требуются дополнительные усилия, чтобы не позволить империализму покончить с разрядкой и вернуть мир к временам «холодной войны», товарищ Л. И. Брежнев выдвинул новые мирные предложения, в частности о расширении зоны мер доверия и установлении моратория на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности.

Весь доклад товарища Л. И. Брежнева представляет чрезвычайный интерес. Но вы понимаете, что нам, людям из других стран, особенно интересен внешнеполитический раздел. Однако было бы неправильно ставить на второе место внутриполитический раздел доклада. Нас восхищают намеченные КПСС планы экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. КПСС ставит своей задачей улучшение всех сторон жизни советских людей — потребление и жилье, культуру и отдых, условия труда и быта. Для нас важно, что социализм идет от одного успеха к другому, в то время как капиталистический мир раздирается экономическим кризисом. У нас есть пример. Мы можем показывать нашему народу: смотрите, вот общество без кризисов, система, которая постоянно развивается. Конечно, у вас есть свои проблемы и трудности, о которых прямо и откровенно сказал товарищ Л. И. Брежнев. Нет никакого сомнения, что проблемы будут вами решены.

В последние годы можно наблюдать значительное ухудшение международного климата, и можно даже сказать, что это обострение доходит до опасных размеров. И здесь, в этом вопросе нет другого мнения у коммунистов Греции и вообще у всех прогрессивных людей земли, что ответственность за обострение международной обстановки несут Соединенные Штаты и определенные круги НАТО. Греческий народ это беспокоит вдвойне. Прежде всего наш народ не хочет войны, потому что он очень дорого заплатил за это, и знает, что он может заплатить еще дороже, поскольку на территории Греции находятся американские военные базы и ядерное оружие.

Есть и другая причина. У греческого народа очень печальный опыт в отношении периодов обострения международной обстановки. В такие моменты в стране принимаются драконовские меры против демократического движения, реакция выдвигает теорию о так называемой «угрозе с Севера», во

имя этой теории оправдываются репрессии, нарушаются элементарные демократические права греческого народа. Вот поэтому я и сказал, что у греческого народа двойная причина для беспокойства.

Сейчас не только коммунисты Греции, но и все слои населения страны, что было доказано крупными манифестациями, демонстрациями протеста и т. д., выступают против возвращения Греции в военную организацию НАТО. И мы не можем себе представить борьбы за мир, не борясь за выход страны из Атлантического блока. Мы также требуем ликвидации американских военных баз, расположенных на территории страны. Не может быть подлинной независимости, пока существует и действует ряд военных договоров, привязывающих страну к милитаристам НАТО и США. Вот те конкретные требования, которые сегодня выдвигает коммунистическая партия в рамках борьбы за мир и национальную независимость.

Задача объединения всех левых сил находится в центре политики нашей партии. Мы постоянно работаем в этом направлении, и этот вопрос в рамках массового движения уже значительно продвинул. И в профсоюзном, и в молодежном движении, и на уровне местного самоуправления мы добились сотрудничества всех левых сил в самом широком смысле этого слова. Однако на высшем уровне этого пока нет, и не по нашей вине. Некоторые политические силы бояться окраситься в красный цвет.

Наша партия также борется за демократизацию политической и общественной жизни страны, за ограничение всевластия монополий и за то, чтобы экономическое развитие Греции шло путем, который был бы в интересах греческого народа. Конечно, радикальное решение всех этих проблем даст только вступление Греции на путь социализма, но мы сегодня не можем оставаться слепыми и глухими в отношении тех проблем, которые волнуют абсолютное большинство греческого народа.

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ ЛЕНИНА



Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор
еженедельника «Хорионт» (ГДР)

конец концов остановились на этом: «Мир внимают XXVI съезду КПСС». На следующий день и другие газеты в ГДР вышли с похожими аншлагами. Не потому, что нам, журналистам, не хватило выдумки. Когда советские коммунисты собираются на свой высший форум, иную реакцию трудно представить!

Долго ломали головы в тот день и по другую сторону баррикад. Правда, задача тут была совершенно иная: как убедить читателей, слушателей, зрителей в «незначительности» происходящего события. Первое испытанное средство — вообще его замолчать. Еще накануне отравленные стрелы сыпались на Москву одна за одной, и вдруг... В утренних сводках новостей западные радиостанции лишь вскользь, в самом конце упомянули об открытии съезда. Но уже вечером того дня эта тактика, столкнувшись с реальностью, потерпела провал. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева стал в мировой политике темой номер один. В эти дни внимание мира было приковано к XXVI съезду КПСС.

Не только средства массовой информации Запада постарались принизить значение этого события. Подобной была реакция и в иных официальных кабинетах. Западногерманское агентство ДПА, например, сообщило из американ-

ской столицы: «Хотя здесь и считались с тем, что доклад Леонида Брежнева, возможно, преподнесет сюрпризы политикам, тем не менее предложение провести переговоры на высшем уровне явно застало Вашингтон врасплох». Впечатление некой растерянности производят и заявления отдельных политических деятелей других западных стран о XXVI съезде КПСС. Ясно как день — это жертвы ими самими же развязанной антисоветской истерии, иначе они давно бы уже должны были быть готовы к тому, что из Москвы вновь раздаются призывы к миру и взаимопониманию, прежде всего между двумя крупнейшими державами планеты. И такой призыв не «сюрприз», если вот уже свыше шестидесяти лет в мире нет другой страны и другой партии, которые бы выдвинули столь широкий спектр реалистических инициатив, направленных на решение важнейших международных проблем; нет другой страны и другой партии, которые оказали бы такое огромное влияние на международную обстановку. Эта страна — Советский Союз, эта партия — его марксистско-ленинский авангард. XXVI съезд КПСС в новых, осложнившихся внешнеполитических условиях продолжил историческую мирную миссию предыдущих партийных форумов.

Новые предложения, объявленные Л. И. Брежневым с трибуны съезда, направлены на конструктивное решение тех проблем, что дамокловым мечом нависли сегодня над человечеством. В то же время эти инициативы — конкретная программа действий для всех людей доброй воли. А действия, самые решительные, необходимые, если мы хотим увидеть эти предложения воплощенными в жизнь.

Агрессивные круги империализма, а с ними заодно Пекин, не останавливаясь перед самой наглой ложью, палат из всех пушек по Программе мира, принятой XXVI съездом СССР и его союзники якобы «всего лишь хотят закрепить свое военно-стратегическое

превосходство». Но истина заключается в том — и именно эту черту новых советских предложений подчеркивают многочисленные комментаторы во всех уголках земли, — что реализация их несет не односторонние выгоды. Выигрывают мир и мирное сосуществование народов — единственная приемлемая альтернатива ядерной катастрофе. Не новые и новые витки вооружений, а оздоровление международной обстановки — вот задача, на решение которой должны быть направлены политическая воля, мужество, авторитет правительств.

К такому соревнованию социалистические страны готовы — об этом вновь заявил XXVI съезд КПСС. Партийные форумы, которые соберутся в ближайшее время в других странах социалистического содружества, подтвердят эту волю. Их успехи во всех областях, достигнутые ценой самоотверженных усилий, — вот прочная база такой борьбы.

XXVI съезд КПСС, еще раз подтвердивший, что социализм и мир неразделимы, придал новые создательные силы всем, кому дорог мир и общественный прогресс.

Мы ценим, как зеницу ока храним братский союз между ГДР и СССР, прочную основу наших успехов. После опубликования материалов XXVI съезда повсюду в нашей стране началась работа над тем, чтобы воплотить их в политическую повседневность, довести до каждого. Подготовлен такой план и у нас в редакции «Хорионта». В апреле, спустя несколько недель после исторического форума в Москве, в Берлине соберется X съезд Социалистической единой партии Германии. Он наметит дальнейшие пути построения развитого социалистического общества, создания решающих предпосылок для перехода к коммунизму на родине Маркса и Энгельса. Неисчерпаемой сокровищницей для коммунистов ГДР остается опыт партии Ленина.

Берлин.



Гриша ФИЛИПОВ,
член Политбюро ЦК
Болгарской
коммунистической партии,
секретарь ЦК БКП

«Взоры коммунистов и прогрессивных людей всех стран и континентов сегодня вновь обращены к Москве. XXVI съезд КПСС — это сегодня самое крупное, самое важное политическое событие в мире. Народы ждут его решений с верой и упованием». Это слова товарища Тодора Живкова из его приветственной речи на съезде великой партии Ленина, партии, которая освещает, как он выразился, путь в коммунистическое будущее человечества. Эти слова выражают чувства болгарских коммунистов, всего нашего народа.

Исключительно сильное впечатление во всех уголках нашей прекрасной, но беспокойной планеты произвел доклад товарища Брежнева своим глубоким анализом, широтой мысли, классовым подходом, чувством ответственности за судьбы человечества, непоколебимой верой и оптимизмом. Это программный документ нашей революционной эпохи. Съезд советских коммунистов превратился в подлинное знамя мира на планете. С его высокой трибуны прозвучали новые мирные инициативы, которые нашли живой отклик в сердцах всех честных и трезво мыслящих людей.

XXVI съезд КПСС окажет огромное влияние на дальнейшее укрепление социалистического сотрудничества, которому было уделено значительное место в докладе Л. И. Брежнева. Чтобы сказать, что дает Болгарии сотрудничество братских стран, напомним: когда мы только брали старт на пути к социализму, наша экономика была одной из самых отсталых в Европе. Менее чем за четыре десятилетия Болгария превратилась в страну с мощным по ее масштабам экономическим и научно-техническим потенциалом, непрерывно растущим материальным благосостоянием народа и процветающей культурой. Это сделали люди труда под руководством партии болгарских коммунистов.

Но вместе с тем все люди в нашей стране, от мала до велика, знают, какую огромную роль в достигнутых успехах сыграло объединение наших усилий с братскими социалистическими странами. Особенно зримо предстает перед нами всестороннее сотрудничество с великим Советским Союзом, которое началось в первые же дни после победы социалистической революции. Наш народ всегда будет хранить в памяти искреннюю благодарность за бескорыстную, братскую помощь, оказанную нам Советским Союзом в тяжелые времена послевоенной разрухи, когда сами советские люди испытывали огромные трудности и лишения.

Три четверти общего товарообмена Болгарии приходится на страны — члены СЭВ, а только на Советский Союз — свыше 55 процентов. Из Советского Союза мы импортируем и будем продолжать импортировать основную часть необходимого нам оборудования, топлива, минерального сырья, древесины. Как пример нашего плодотворного сотрудничества можно привести участие Болгарии в сооружении Усть-Илимского целлюлозного завода, Киембаевского ас-



Рис. Бор. ЕФИМОВА

ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ

бестового комбината, газопровода «Союз». Действует паромная переправа Варна—Ильичевск, совместно осваиваются лесные богатства в Коми АССР. Все это создает решающие предпосылки для уверенного развития нашей экономики.

На все более широкой основе НРБ участвует в международном разделении труда, в специализации и кооперировании со странами—членами СЭВ в области машиностроения, химической промышленности, других отраслях. Сегодня Болгария — один из крупнейших производителей подъемно-транспортных машин и оборудования, а по экспорту электро- и моторов находится на первом месте в мире.

Еще на XXV съезде КПСС товарищ Брежнев выдвинул идею долгосрочных целевых программ сотрудничества в рамках СЭВ. Жизнь подтвердила, что эта форма связей отвечает новым требованиям в ус-

ловиях научно-технической революции, в условиях кризисных ситуаций на мировом рынке.

Мы гордимся, что наши партии — КПСС и БКП — и лично товарищи Л. И. Брежнев и Тодор Живков стали инициаторами разработки Генеральной схемы специализации и кооперирования в сфере материального производства между СССР и НРБ. Генеральная схема и подписанные затем отраслевые программы — это материальное выражение исторического курса наших партий на всестороннее сотрудничество и сближение между Советским Союзом и Болгарией.

Нет такой области в нашем народном хозяйстве, где СССР не делился бы с нами своим положительным опытом, — и в организации производства, в управлении, в науке, в технике и технологии. С политической точки зрения это свидетельствует прежде всего об

интернационализме Советского Союза.

В свою очередь, мы испытываем удовлетворение, когда наш опыт может быть полезен другим братским странам и партиям. В этом плане определенный интерес, по нашему мнению, представляет проведенное в шестидесятые годы в Болгарии укрупнение социалистических сельскохозяйственных предприятий, организация затем аграрно-промышленных комплексов и создание два года назад национального аграрно-промышленного комплекса.

У нашей страны есть интересный опыт в развитии культуры и искусства, в привлечении к активному творчеству широких масс. Достижения отдельных стран братского содружества становятся общим достоянием всех его членов, становятся нашим общим капиталом. В этом залог новых совместных побед.

МЕТЕЛКИ ТРОСТНИКА

Известная вьетнамская поэтесса Суан Куинь родилась в 1942 году в провинции Хашонбинь.

Творческий путь ее начался в середине шестидесятых годов. Читателям полюбили сборники стихов «Цветы вдоль траншей», «Ветер из Лаоса, белый песок», «Колыбельная над землей».

Стихи Суан Куинь неоднократно печатались в нашей стране.

Суан КУИНЬ



* *
*

Где только нет метелок тростника —
на землях, где в далекие века
отцы и дети буйволов пасли,
росли среди сельских троп, среди песка
метелки тростника.

И где ни вырастут — среди болот,
В лесу, на поле — ветер их найдет,
тростник и ветер — старые друзья,
без ветра тростнику нельзя.

Кольшутся метелки тростника
знаменами, стремящимися ввысь,
знаменами вчерашних грозных битв,
знаменами, что, воткнутые здесь,
с землей срослись.

Метелки тростника, их белый цвет
я полюбила с самых юных лет,
прошли года, и вот узнала я,
что алый цвет у них — о, этот день,
его не позабыть, не зачеркнуть,—
и это я увидела в тот миг,
когда подруга, раненная в грудь,
упала, кровью обagrив тростник...

Ее мы хоронили у моста,
где день и ночь грохочут поезда,
могильный холм, как знаменем полка,
накрыли мы стеблями тростника...

И знаю я, пройдет за годом год,
но так же будут звать они вперед.
И будут нам махать издали
те алые метелки тростника.

ИДУ ВМЕСТЕ С ВЕСНОЙ

По улице Шелков иду в Преградный ряд,
навстречу мне весна, как свеж ее наряд
и как красив!
Я вверх смотрю — крылом полнеба
прочертив,

взлетает ласточка, вся — трепет, вся —
порыв... Из-за оград
деревья тихо мне о чем-то шелестят.

Я в гости к бабушке иду в Продольный ряд,
а по пути
на рынок Донгсуан надумала зайти,
циновку новую пора приобрести —
да вон хоть ту! —
на ней весенний день, деревья все в цвету,
и птицы, лепестков касаясь на лету,
снуют в ветвях...

Сегодня нет дождя, ни тучки в небесах,
сегодня город мой купается в лучах
уже с утра,
нам больше не грозят ненастье и ветра.
Иду, хочу купить кувшин у гончара —
их сто сортов,
и в каждом дар и труд вьетнамских
мастеров,
потом иду в Нгокха, на родину цветов,
в их дом родной...

И Красная река о дамбу бьет волной,
и лодки рвутся в путь от пристани речной,
им невтерпещ.

Сегодня город мой особенно хорош...
Как хорошо, весна,
что рядом ты идешь!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАД ЗЕМЛЕЙ

Жужжит пчела, летит, чтоб мед добыть,
и гусеница шелковую нить шурша ведет,
мать сыну колыбельную поет,
цветок алеет, источая мед, горит восток.

Зерно готово выпустить росток,
спи крепко, мальчик, день еще далек,
спуст медлит он,
спи мальчик мой, к тебе приходит сон
из молодой травы, зеленых крон,
из-под земли,
где бомб осколки корни заплели,
из окон новостроек, что вдаль уже видны,
что пахнут известью, из тишины
озер, хранящих сны, через холмы,
сквозь облака,

и вот белеют струйки молока,
теперь не под землей среди песка
твоя постель
и вход в наш дом не земляная щель,
твоя младенческая колыбель —
твоя земля...

А тот огонь, что разводила я
в убежище, — он в крыльях журавля,
он не погас,
и светел день, и мы живем сейчас
с деревьями, что посадил для нас
родной народ,
и жаль мне, что забился в норку крот —
ведь смертью не грозит нам небосвод,
кругла, ясна,
плывет по небу Госпожа Луна,
и больше не обманет тишина,
не обольстит...

И колыбель уж больше не висит
у входа в подzemелье — мир открыт
твоим глазам,
привык мой мальчик к чистым небесам —
в три месяца перевернулся сам,
а в семь сидел!

Дорога вдаль идет, где ей предел?
В лесу чуть слышно ветер зашумел,
поет родник,
цветам знаком его простой язык...
О край родной, твой опаленный лик
для сердца свят!

Как поезд, что не знал пути назад,
земля прошла через огонь и ад.
От этих дней
осталась Песня о судьбе людей...
Спи, мальчик мой,
ты тоже будешь в ней!

Перевела с вьетнамского
М. ПАВЛОВА.

БЕСКОРЫСТНАЯ ПОДДЕРЖКА



Мозес М А Б И Д А,
Генеральный секретарь
Южно-Африканской
коммунистической партии

Я впервые присутствую на съезде КПСС и нахожусь под большим впечатлением от работы форума советских коммунистов. Воочию убедился, что съезд КПСС вновь демонстрирует нерушимое единство рядовых членов и руководства КПСС, неразрывную связь партии и народа, их приверженность делу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов.

Сегодня была взволнованная встреча с пионерами. Юные граждане вашей страны пришли к делегатам съезда, чтобы приветствовать их, и они поклонились, хотя они еще совсем молодые, что продолжают боевые традиции своих старших товарищей, не пожалеют сил в строительстве нового коммунистического общества. В этом есть что-то символическое, когда эстафета созидательного труда передается в надежные руки.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду — документ огромной силы. В нем глубоко научно и по-партийному страстно проанализированы важнейшие международные проблемы и главные вопросы внутренней жизни СССР. Что меня больше всего заинтересовало в докладе товарища

Л. И. Брежнева — это последовательность Советского Союза в его борьбе за мир. Я считаю, что мир является мечтой каждого человека. Но, чтобы эта мечта стала действительностью, за нее надо бороться. Мир нужен советским людям для успешного строительства нового общества, а цену миру советские люди знают хорошо, так как никто так не пострадал, не принес столько жертв во второй мировой войне, как советские люди. И заслуга партии Ленина в том, что вот уже на протяжении 36 лет на нашей планете мирное небо.

Предложение, сделанное товарищем Л. И. Брежневым западным странам, сесть за «круглый стол» переговоров с тем, чтобы избежать ядерной войны, такое предложение могли сделать только коммунисты, только социалистическое государство.

Народ Южной Африки — угнетенный народ, который борется за свое освобождение. Но мы почувствовали прилив новых сил, когда товарищ Л. И. Брежнев говорил о мире и о поддержке национально-освободительного движения.

Его слова были отпором всем тем, кто говорит, что Советский Союз якобы является организатором

ром терроризма. Прежде всего Советский Союз является другом угнетенных народов. Советская страна с первых дней своего существования оказывала помощь национально-освободительному движению, являясь примером ликвидации всех форм национально-угнетения.

Примеров братской солидарности советских людей очень много. Это и поддержка мужественной борьбы вьетнамского народа против американских империалистов, это и помощь Народной Республике Ангола, когда расистский режим ЮАР и империалистические марионетки организовали прямую интервенцию против освободившейся страны, и другие.

В настоящее время угнетенный народ ЮАР поднимается против тирании расистов. Ужасающая нищета, дальнейшее падение жизненного уровня вследствие инфляции и массовой безработицы, которой охвачено почти 3 миллиона человек, вынуждают трудящихся подниматься за борьбу за свои права, участвовать в забастовках.

Коммунистическая партия, Африканский национальный конгресс Южной Африки, все прогрессивные силы страны и впредь будут продолжать бороться с ненавистным режимом расистов, я уверен, недалек тот час, час нашей победы. И в нашей борьбе мы опираемся на бескорыстную поддержку Советского Союза, стран социалистического содружества, всех честных людей мира.





Винсент Ван Гог. ТЕРРАСА КАФЕ НОЧЬЮ.

ЛЕЙТЕНАНТ РЕВОЛЮЦИИ

Порой поиск историка приводит к находкам неожиданным. Об одной из них я и расскажу...

Было в Москве основанное в 1830 году предприятие по производству сельскохозяйственных орудий и машин. Предприятие принадлежало московским купцам второй гильдии И. Н. и Н. Н. Бутенопам. Их дом и предприятие размещались на Мясницкой (ныне улица Кирова). Как-то довелось обратиться к одному из внуков Н. Н. Бутенопа. Юрий Геннадиевич показал бережно хранимую фотографию — сейчас она передана в Государственный исторический музей. Фотоснимок сделан в Бердянске, по-видимому, в конце 1883 года. Запечатлены два молодых человека: П. П. Шмидт — в форме гардемарина — левой рукой дружески касается сидящего рядом Г. Н. Бутенопа...



Шестнадцатилетний гардемарин Петербургского морского корпуса Петр Шмидт и Геннадий Бутеноп.

Редкая фотография.

Откуда у потомков Бутенопов фотография участника революции 1905 года лейтенанта Петра Петровича Шмидта? Все объясняется просто. Адмирал П. А. Шмидт вторым браком был женат на дочери Н. Н. Бутенопа — Ольге Николаевне, ставшей мачехой Петру Петровичу и Анне Петровне, детям адмирала от его первого брака.

Отроческие годы П. П. Шмидта прошли в Бердянске, где его отец служил градоначальником. Сюда был отправлен и младший брат Ольги Николаевны. Так молодые люди познакомились. Отношения детей адмирала от первого брака с мачехой были более чем сдержанны. Сестра Шмидта Анна Петровна (в замужестве Избаш) вспоминала: «Отец был женат второй раз, и около него

создавалась новая, враждебная брату семья». Видимо, поэтому молодой Шмидт переехал в Петербург. Уговорил и сестру покинуть Бердянск и перебраться в столицу... Но к молодым представителям новой родни П. П. Шмидт относился доброжелательно и с симпатией. О своем сводном брате Владимире, погибшем во время русско-японской войны, он вспоминал с грустью; в комнате у него была фотография Владимира. «...Справа от лампы двойная рамка, в ней адмирал Макаров и мой братишка (от 2-го брака отца), погибший с Макаровым на «Петропавловске», — писал Шмидт в одном из писем. Еще более тепло относился Шмидт к своему молодому дяде: Геннадий Николаевич был на три года старше племянника. Когда де-

лался снимок, П. Шмидту было 16 лет, Г. Бутенопу — около девятнадцати. Геннадий окончил гимназию, Петр Шмидт был определен в Петербургский морской корпус. Но на рождественские каникулы и летом он приезжал в Бердянск. В один из таких приездов, по-видимому, и сделана фотография.

Предоставим слово Шмидту. «Мне было едва 16 лет, я увлекался всем и вся...» Будучи в морском корпусе, Шмидт мечтал о справедливом социальном устройстве, много читал, начал переписку с Н. К. Михайловским, познакомился с публицистом Н. В. Шелгуновым, изучал труды по политической экономии, о положении крестьянства в России. Вспоминал: «То было в тяжелые 1880-е годы репрессий и пы-

ток, которые уносили жертву за жертвой. Много лучших русских людей было замучено тогда... Во мне лично каждая мученическая смерть вызывала горе и стремление скорее набраться знаний, учиться, чтобы скорее стать в их ряды. Я чувствовал себя способным к этому и продолжал читать с лихорадочной поспешностью, переходя от одной области к другой».

А вот слова его сестры: «...я не могла не замечать сложной душевной работы, которая в нем происходит. Он очень много читал, задумывался, и уже волновали его тогда социальные темы...» В письмах самого Шмидта того же периода: «Представьте себе идеалиста, да еще молодого вдобавок, который твердо верит в существование хорошего, чистого на земле... «И вот наш идеалист попал в среду полнейшего разврата и грубой глупости».

«Он везде, даже в не особенно красивых окрестностях портового города Бердянска, умел находить красоту. Часто он ночевал один на лодке в море или уходил за город с книгой» — таково свидетельство его сестры. Но он не замыкался в себе. «Брат в эти короткие приезды в отпуск любил иногда проводить время в тесном кружке молодежи, где читал вслух».

...В дальнейшем жизненные пути двух юношей, сфотографировавшихся в Бердянске, разошлись. П. П. Шмидт принял командование на восточном крейсере «Очаков», стойко держался во время ареста и суда, мужественно принял смерть в 1906 году. А фотография после казни Петра Петровича Шмидта продолжала висеть над письменным столом в кабинете Г. Н. Бутенопа, и затем эта семейная реликвия перешла к его сыну, сохранив облик чистого и смелого юноши, отважного лейтенанта революции.

З. ЯСМАН,
старший научный сотрудник
Государственного
исторического музея

СТОЯЛ Я У МОРЯ

Исполнилось 60 лет известному абхазскому советскому поэту Ивану Константиновичу ТАРБЕ. Мы публикуем его новые стихи в переводе Владимира Солоухина.

Иван ТАРБА



Стоял я у синего моря,
Стоял и стоял,
Подвластный какой-то неведомой силе.
За валом катился
Другой закипающий вал,
Они меня в синюю даль уносили.
Стоял я у самого шторма,
Стоял и стоял,
И мысли, как волны,
Во мне, в глубине закипали.
Сказать ничего не могли мы друг другу,
Но все же я знал,
Что море и я —

Мы друг друга в тот час понимали.
Пусть — чувство шестое,
Пусть только — движенье души,
Но я же просил,
Напрягая душевные силы:
«Валы поднимай,
Их на землю кати и круши...»
И точно — оно
Поднимало валы и крушило.
Пусть — голос Вселенной,
Пусть — голос ветров и веков,
Но разве оно
Не внушало
Стоящему как бы у рампы:
«Поэт, будь, как море,

И, волны вздымая стихов,
Обрушивай их
На гранитные, серые дамбы!»
Стоял я у тихого моря,
Стоял и стоял,
Чуть слышному шелесту
Гальки прибрежной внимая.
Молчали мы с морем,
Но все же, но все же я знал,
Что море и я —
Мы друг друга всегда понимаем.

ДОМ

Что значит дом? Высок он или низок?
Промозгло в нем, уютно ли в тепле?
Не крыша дом, не стены, не карнизы,
Не свет в окне, не скатерть на столе.
Быть может, дом — все редкостные вещи,
Хрусталь, ковры, картины и фарфор,
Иль беден он и роскошно не блещет,
И окна упираются в забор?

Нет, дело не в убранстве, не в наряде,
Не ярк в нем иль очень ярк свет,
А дело в том, что встретишь ты во взгляде
Хозяев дома в первый же момент.
Досада, настороженность, опаска
Или веселье, радость, теплота...
Тот взгляд всему придаст свою окраску
И сразу все поставит на места.
Едва войдя, увидишь ты воочью
Жилища настоящее лицо.
Высокий дом тебя придавит тотчас,
А низкий дом покажется дворцом.
Дома, дома... Но можно ли ручаться
За двор, за дверь, за каждую из крыш?
И в тесноте захочешь ты остаться,
А из просторных комнат убежишь.
Так не суди, высок он или низок,
Промозгло в нем, уютно ли в тепле,
Не крыша дом, не стены, не карнизы,
Не свет в окне, не скатерть на столе.

Кадры из фильма.



Феликс АНДРЕЕВ

«По призыву партии советские люди взялись за дело возрождения любимой Родины с такой же самоотверженностью, какую проявили в годы войны».

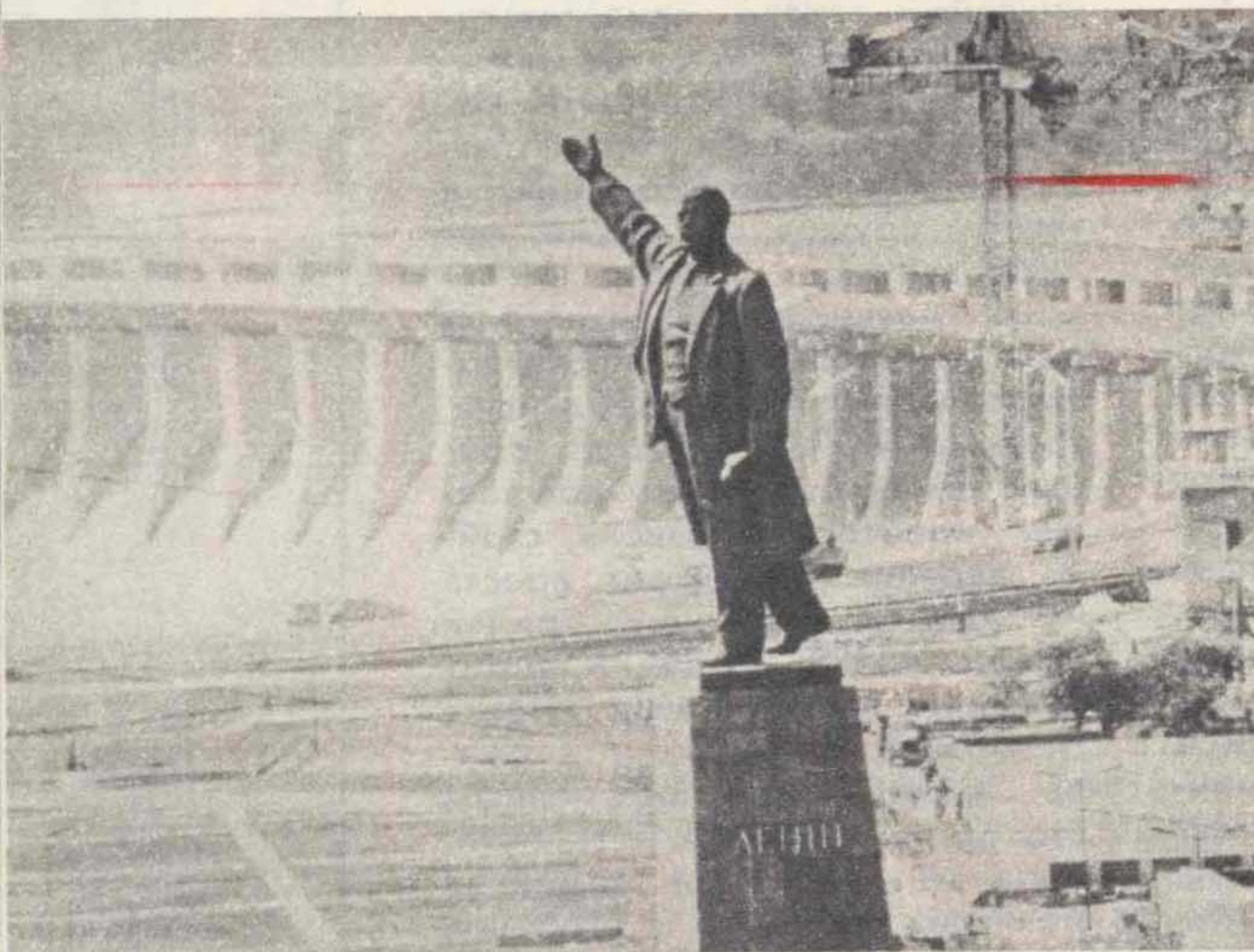
Эти слова из обращения Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева к зрителям киноэпопеи «Всего дороже» определяют суть задачи, что стояла перед творческим коллективом документалистов, создавших восемь полнометражных фильмов о послевоенных годах, о незабываемом времени, вдохновенно, с партийной страстью раскрытом в замечательной книге Л. И. Брежнева «Возрождение». Она определила смысл и настрой всех фильмов киноэпопеи, посвященной XXVI съезду КПСС. Кадры, организованные главной идеей, заложенной в первоисточнике, оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие. Ведь речь идет о героизме страны, героизме народа, в неслыханно короткие сроки поднявшего из руин сотни городов и сел, возродившего крупнейшие промышленные предприятия, разрушенные фашистами.

О ВРЕМЕНИ,

Не случайно в авторский коллектив, создавший восемь фильмов киноэпопеи «Всего дороже», вошли сценаристы и режиссеры, недавно завершившие работу над двадцатью фильмами «Великой Отечественной». Они как бы продолжили взволнованное повествование о жизнеспособности нашего строя, о бессмертии идеалов партии Ленина, о морально-политическом единстве советского общества.

Сразу же по окончании самой кровопролитной в истории человечества войны советские люди взялись за восстановление народного хозяйства. И когда познакомишься с новым документальным сериалом, видишь воочию, что образ «возрождения» наиточнейше передает трудные, но благотворные по своим результатам процессы творческого подъема.

Красавец Днепрогэс, построенный с любовью посланцами всей страны и уничтоженный, кажется, навсегда... На могучей реке горестно вздымаются к небу искореженные взрывами глыбы железобетона: останки плотины. Словно каким-то злым волшебником



СОБЫТИЯХ

прочно завязаны в тугий узел стальные прутья, перевитые водорослями... Первая мысль, которую диктует эта поистине страшная картина: легче построить сызнова Днепрогэс, чем возродить плотину, ее сложные агрегаты.

А. Лошкарева, Т. Черемискина и другие их подруги рассказывают, что, уничтожая прославленный Днепрогэс, гитлеровцы скрупулезно отработали технику взрывов, стараясь сделать невозможными восстановительные работы. Но вот эти хрупкие, совсем юные девчата вступают в единоборство с холодным и

* 1. «Первый день мира», 2. «Обгоняющие время», 3. «Трудное поле», 4. «Мир или война», 5. «Подвиг возрождения», 6. «Как феникс из пепла», 7. «И взошла заря», 8. «Надо мечтать». Авторы сценария А. Александров, Г. Воронин, В. Игнатенко, К. Славин. Режиссеры И. Григорьев, И. Гутман, С. Пумпянская, Т. Семенов. Главные операторы: В. Доброницкий, Ю. Орлов. Композиторы: В. Казенин, Я. Френкель. Ведущий Е. Матвеев. Производство ЦСДФ.



И ЛЮДЯХ

злым расчетом «лучших специалистов» третьего рейха... Двадцатилетней Т. Черемискиной был вручен орден Ленина. Прост и безыскусен ее сегодняшний рассказ:

— Девочки у нас были все хорошие, все дружные. Никогда не говорили, что я не буду, я не хочу... И присвоили нашей бригаде звание — фронтовая бригада...

Полифоничная панорама возрождения страны возникает не только благодаря обилию съемочного материала тех лет, талантливо соединенного с многими метрами пленки, которые отражают сегодняшнюю ночь. Главное, что мы видим в киноповествовании, — суть самого Времени, проступающую через характерные его приметы. Подбитый самолет, обращенный в подобие жилья, и даже с «кокетливыми» занавесками на окнах-иллюминаторах... Первый урок в полуразрушенной школе. Рабочее семейное общежитие, разместившееся прямо в цехах восстанавливаемого предприятия. Сюжеты эти выстроила и продолжает строить как бы сама жизнь. Уже потом понимаешь, что этому живому, стремительному кинорассказу мы обязаны кинематографистам, их таланту и искусству. Они сумели отобрать кинодокументы — самые яркие и самые типичные, подчиняя их эпиграфу, предпосланному всем фильмам киноэпопеи: «...Нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства...»

Всего дороже... Эти слова и дали название новой киноэпопеи.

Какой же дорогой ценой дались народу и давние его достижения и сегодняшние успехи! Они немислимы без самоотверженности советских патриотов, как на бой, поднимающихся всегда на преодоление трудностей.

Свести воедино все эти эпизоды нового кинопроизведения помогает работа народного артиста СССР Евгения Матвеева в фильмах киноэпопеи, в высшей степени активная, исполненная глубокого сопереживания. Явственно ощущаешь, что этот крупный художник кино не «играет» чувство, а впрямь волнуется в минуты прикосновения к острым моментам истории.

Приподнято звучит в исполнении Евгения Матвеева рассказ о Василии Федоровиче Антонове — простом русском человеке, который вел летопись фашистских варварских злодеяний. Гитлеровцы прямой наводкой ежедневно расстреливали новгородский храм Спаса на Нередице, и Антонов ежедневно с постоянным риском для жизни записывал все это. Летопись Василия Антонова не только свидетельство варварства фашистов, она еще и символ духовного величия и стойкости нашего народа.

Создатели киноэпопеи «Всего дороже» вообще уделяют немалое внимание острому публицистическому слову: оно, помогая полнее раскрыть иные кадры, приобретает порою самоценное значение в рассказе о времени, событиях и людях.

Председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС Н. А. Тихонов, рассказывая об организации быта и питания рабочих в трудные послевоенные годы на Никопольском трубном заводе, где он был директором, с большой теплотой вспоминает о помощи, оказанной тогда в этом важном деле первым секретарем обкома партии Леонидом Ильичом Брежневым.

«...Мне хочется отметить ту обстановку требовательного доверия, непримиримости к недостаткам, чуткости к людям, которые всегда создаются там, где работает Леонид Ильич. Такая обстановка окрыляла людей в те трудные годы, помогала найти в себе новые силы...», — рассказывает член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Полнее и рельефнее представляют обстановку тех лет и воспоминания работавшего тогда послом в США члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. Киноэпопея воссоздает политическую атмосферу, сложившуюся на мировой арене в оды возрождения.

...Самоотверженным трудом, несмотря на невероятные трудности, советские люди подняли из пепла народное хозяйство, разоренное войной, вернули народу мир, что всего дороже...

II

Тамара Иннокентьевна резко вскинулась в кресле и открыла глаза; сердце сильно частило, она уже привыкла к этому за последнее время и не особенно испугалась; на плите пронзительно свистел выкипавший чайник. Вот и новое свидетельство старости, недовольно сдвинула брови Тамара Иннокентьевна: забыла погасить плиту, еще немного, и чайник мог бы распаяться или, еще хуже того, залил бы газ.

Помогая себе руками, она встала и погасила огонь, резво и весело шипевший. У нее опять было закружилась голова, она решила не обращать внимания, прошла к окну. За окном ничего не переменялось, по-прежнему билась в стекла мутные, снежные, бесконечные потоки. Метель, самая настоящая зимняя метель, точно, как тогда, подумала она, вспоминая, из какой сказочной дали только что вернулась. Так уж оно устроено, и даже гениальный человек не может быть пророком в отношении себя, ничего не получилось из задуманного. Ни сына она не родила, ни певички из нее не вышло; жизнь распорядилась по-своему: вскоре после ухода Глеба на войну простудилась, несколько жестоких ангин — и голоса не стало, жизнь даже самые сложные задачи решает просто, даже с каким-то примитивным изяществом. Кто знает, все это, возможно, к лучшему; к счастью, она не тщеславна, с гибелью Глеба ей все стало безразлично; что же ей еще надо, работа концертмейстера ей нравится, аккомпанирует в сольных концертах, имеет нескольких учениц, поет себе во сне сколько вздумается... Без Глеба она все равно бы не пробились в большой вокал... Куда уж с ее-то робостью... Скорей бы только кончилась эта ночь, может быть, опять выпадет какая-нибудь нечаянная радость: девочки удачно сыграют или случится сходить на талантливый спектакль, — на работу иногда приносят приличные билеты... Метель вот только бы утихомирилась, тогда и давление уляжется, и сердце перестанет щемить.

Непостижимо крутящиеся снежные вихри, злая поземка — все точно так, как сорок лет назад, словно и не было никаких сорока лет, словно ничего вообще не было. А может, и в самом деле ничего не было и нет? Ни отца с матерью, ни консерватории, ни Глеба с Сней, ни войны, ни музыки... Нет, музыка всегда была, как же без музыки, музыка и сейчас есть — в снежных потоках, в вихрях, в метели.

Тамара Иннокентьевна снова ощутила неясный, настойчивый зов мятущегося, охваченного бурей пространства, словно кто-то позвал ее откуда-то из страшного далека...

Веселая, грозная пляска метели внезапно оборвалась; Тамара Иннокентьевна заставила себя оглянуться; кто-то пристально и тяжело смотрел ей в спину; она зябко поежилась, мистика какая-то, надо выпить снотворное и лечь, решила она, нельзя так распускаться. Все уже давно кончено, все когда-то должно кончиться, еще никто этого не избежал, неизбежность есть неизбежность, и нужно отнестись к ней трезво, как к неизбежности. Но другая, слабая половина ее души запротестовала, незачем было и приходить и вязываться в эту игру, если тебе уготован такой жалкий исход — в полном одиночестве, если все, что тебе было положено оставить в жизни, так и осталось неизрасходованным и уйдет с тобою.

Снова с трудом, с усилием вернувшись с зыбкой, уводящей во тьму, в провал тропинки, Тамара Иннокентьевна попыталась уверить себя, что она ни в чем не виновата, раз случилась такая ужасная, беспощадная война и эта война отняла у нее единственное, что со-

ставляло счастье и смысл ее жизни, — Глеба. Без Глеба ничто не имело смысла и не о чем было жалеть.

Ушла молодость, ушла красота, и пусть, пусть, какая разница, вот и руки становятся старыми, безобразными; как она ни ухаживала за ними, годы берут свое; по форме кисти по-прежнему оставались красивыми, пальцы все еще были сильными, но суставы распухли, кожа уже начинала жухнуть, менять цвет, кое-где уже появились коричневые пигментные пятна; Тамара Иннокентьевна опять испуганно вскинулась; она могла бы поклясться, что минуту назад видела его лицо — метнувшуюся в коридоре неясную тень, всего лишь всплеск тени, но видела, видела! И слышала его голос, ничтожную долю мгновения, но видела и слышала, и никто не смог бы разубедить ее в обратном. Его крупная лобастая голова мелькнула в проеме кухонных дверей, она даже уловила насмешливый блеск его глаз. Теперь она точно знала, что ей нужно делать. Движением плеч сбросив халат, оставшийся лежать на полу, она перешагнула через него, распахнула дверцы шкафа и долго выбирала, во что одеться, хотя выбор был достаточно скромным. Остановилась она на вязаном шерстяном платье, она любила надевать его с редкой темно-вишневой окраски крупными янтарными бусами — свадебным подарком Глеба; надев платье, она

нечеткий свет, они ввинчивались в клубящееся снежное месиво, отвоевая у хаоса часть освещенного организованного пространства: ствол дерева, балкон, залепленную снегом вывеску, контейнер для мусора. Тогда таких модных фонарей не делали, тогда кругом была просто снежная, непроницаемая тьма. Тамара Иннокентьевна поежилась, опять в ней ожил застарелый страх заблудиться, как тогда, в декабре сорок первого, и она почти заставила себя сделать первый шаг, сразу утонув в снегу. Снег плотно залепил лицо, глаза; упрямо пригнув голову, она обогнула угол дома, и сразу же стало легче дышать, здесь было затишье; присматриваясь к бешено пляшущему кружеву снега вокруг фонарей, она немного передохнула, запоминая. Все, все, что она видела, все, что было вокруг нее сейчас, ей было необходимо; проверив застежки выданной ей енотовой шубы, купленной лет двадцать назад, в пору относительного благополучия, стянув плотнее узел теплой мохеровой шали (ее она тоже сама связала), Тамара Иннокентьевна подумала, что поступила правильно, выбрав именно шаль, а не шапку. В самом неистовстве метели уже незримо присутствовала предвесенняя легкость и подвижность, тогда же все было иначе, зима только начиналась и холод был ужасный...

Кое-как одолев большой сугроб, нанесенный у самого выхода со двора, Тамара Инно-

ЧЕРНЫЕ

ПТИЦЫ

осторожно достала бусы из деревянной, старой, с почти стершейся инкрустацией шкатулки, надела их и подошла к зеркалу. Она осталась довольна; присев тут же перед зеркалом, она тщательно расчесала щеткой свои коротко стриженные седые, все еще густые, упругие волосы; волосы ложились легкой шелковистой волной, после мытья она слегка в цвет глаз их подсинивала; затем она поудрилась и подкрасила губы, с удовольствием вспоминая запах дорогой помады.

Быстро и привычно закончив свой туалет, Тамара Иннокентьевна надела теплые сапоги, поверх платья натянула собственной вязки пуловер из дорогой заграничной, кажется, шотландской шерсти, еще с минуту поколебалась, раздумывая, надеть ли меховую подстежку под шубу. Решив, что оделась достаточно тепло, проверив, не забыла ли ключи от квартиры, она вышла на лестничную площадку.

Одиноко и тускло горевшая запыленная лампочка и сумеречные, зыбкие тени в углах, исцарапанных самыми различными надписями, от признаний в любви до длинных колонок цифр, настраивали на привычный лад. Лифт еще не работал, Тамара Иннокентьевна неторопливо сошла по лестнице, почти не прилагая усилий, и только у входной двери ей пришлось задержаться, тяжелая двойная дверь поддавалась с трудом, очевидно, пристыла в петлях. Налегая на неподатливую дверь всем телом, Тамара Иннокентьевна все-таки выбралась во двор. Стоя под козырьком, она привыкала к фантастической пляске метели; но что-то мешало, было лишним. Ах да, фонари, догадалась наконец она, — новые, удлиненные, Тамара Иннокентьевна таких раньше не видела; испуская мертвенно-белый, болез-

кентьевна выбралась на улицу, совершенно пустынную; времени было что-то около часа или чуть больше. Здесь дорогу ветру и снегу заслоняли старые многоэтажные, плотно, один подле другого стоящие дома, и снег падал почти отвесно; только где-то высоко вверху весело грохотало и металось небо. Тамара Иннокентьевна неслышно пошла по мягкому тротуару; редко и одиноко светились окна домов, и Тамаре Иннокентьевне почудилось, что она совершенно одна в бесконечном городе, безвозвратно и наглухо заколдованном, и что здесь можно встретиться только с теми, кого уже давно нет. И такой метели до конца зимы, а возможно, и вообще в ее жизни больше не будет, эта метель последняя. Скоро начнет таять, снег превратится в дурную, грязную воду и уйдет в реки, в моря. Придут весна, лето, и в Москве станет душно, пыльно, опять начнутся у нее приступы стенокардии...

Тамара Иннокентьевна пошла быстрее, ей почему-то все время казалось, что она опаздывает; она все ускоряла и ускоряла шаг, ей стало жарко; на ходу, не сбавляя шага, она размотала шаль и отбросила концы ее за спину. Она и не заметила, как вышла в более людную часть города. «Я, кажется, нездорова, — подумала было она, пытаясь остановить себя, свой безудержный бег по спящему городу. — Нужно вернуться домой, вызвать «Скорую»... Или обратиться к первому постовому, попросить помощи...» Она даже стала внимательнее оглядываться по сторонам и тут же возмутилась своему малодушию. Вернуться домой и навсегда расстаться с красотой этой ночи! Нет, вернуться она всегда успеет...

Она не заметила, как подземным, тускло освещенным, но в метель уютным коридором

вышла в Александровский сад и остановилась, замороженная длинными белыми языками снега, с тихим шелестом, змеино соскальзывающими с зубцов кремлевской стены, разбойничьим посвистом ветра в деревьях, окутанных плотными, несмотря на метель, снежными коконами; ведь они живые, подумала она, еще немного, и все они проснутся, покроются зелеными листьями, и им станет тепло и не голо.

Недоуменно подняв голову, прислушиваясь к неожиданному, рокошущему гулу, опоясавшему небо, Тамара Иннокентьевна помедлила. Было похоже на гром, на грозу, но она решила, что где-нибудь поблизости идут строительные работы, что-нибудь взрывают, Москва никогда ведь не знает успокоения. Грозовые раскаты, да еще с характерным ворчанием, повторились снова, и теперь Тамара Иннокентьевна успела заметить вспыхнувшее в небе белесое свечение, на мгновение вырвавшееся из тьмы быстро бегущие тучи.

Неловко и как-то забыто перекрестившись и уже ничему не удивляясь, Тамара Иннокентьевна медленно шла вдоль кремлевской стены по Александровскому саду; что ж, о таких явлениях она когда-то читала; и у природы случаются несовместимости, несоответствия, катаклизмы. Вот и Кремль сегодня проступает из снежной бури, как фантастический корабль; сильные огни фонарей на его стенах только усиливают сходство с фантастическим кораблем, неизвестно из какой тьмы вырвавшимся и неизвестно куда плывущим.

Красную площадь она прошла всю до Василия Блаженного; она хотела сказать что-то теплое стоявшим у входа в Мавзолей часовым, но она знала, что этого делать нельзя, — своим бдением в ночи они выполняли необходимое, нужное дело. Но она все же подошла ближе, порадовалась их молодости; хорошо, что всегда где-то есть молодые, что они могут стоять вот так на метели, на холоде, всю ночь, им совсем и не холодно.

Попрощавшись взглядом с юными серьезными лицами, бледными в мертвенном электрическом свете, Тамара Иннокентьевна двинулась дальше, не заметив милиционера, появившегося из метели и державшегося в тени, позади нее; милиционер проводил ее до Исторического музея и вернулся, а Тамара Иннокентьевна, пройдя длинным тихим подземным переходом, опять окунулась в метель и ветер, уже больше нигде не останавливаясь, прошла прямо к Большому театру; идти дальше ей было некуда.

Выбрав место потише, Тамара Иннокентьевна остановилась в портике между двумя уходящими вверх, в белую кипень ночи колоннами, и от ощущения дарованной ей неожиданной удачи всей грудью глубоко вздохнула. Она сейчас видела это здание внутренним взором, и не только парадную его часть, партер, блестящие золотом ложи и ярусы, заполнявшиеся празднично одетой публикой, она слышала запах кулис, передаваемый запах декораций и сцены, когда-то предназначенной для нее. Ей так и не пришлось выйти на прославленную сцену; Тамара Иннокентьевна сквозь слезы улыбнулась, каким-то чудом увидев себя на сцене в длинном бархатном темно-вишневом платье и ощутив сдержанное доверительное ожидание зала. И она опять услышала возникающий где-то у самых отдаленных горизонтов благовест молитвы солнца, и дирижерская палочка, на мгновение взлетев, коротко кивнула, указывая ей вступление; подчиняясь и приглашающему знаку, и собственной душевной необходимости раствориться в сияющей дали, она уже готова была ответить всем откровением сердца, на которое была способна, но тут же в ней все оборвалось, — дирижер, встряхнув головой, освобождаясь от упавших на глаза неправдоподобно густых волос, взглянул на нее горячими, немигающими глазами, взглянул призывно, властно; и это было лицо Глеба. Тотчас все смешалось, закружилось и исчезло. Опять в колоннах портика гудела метель, и мимо в потоках снега осторожно проходили редкие машины. Свершилось главное, ради чего она и оказалась здесь среди метели и беспробудной ночи, — ведь именно здесь, в этих колоннах она впервые увидела Глеба, вернее, он увидел ее, подошел и спросил, не хочет ли она послушать «Хованщину», приба-

вив, что у него есть возможность провести ее. Удивленно подняв на него глаза, она хотела ответить, что может предложить ему то же самое, но как объяснить судьбу? Сердце у нее под его растерянным и восхищенным взглядом покатило, она смогла лишь утвердительно кивнуть в ответ, совершенно забывая о подруге, которая вот-вот должна была прийти в условленное место...

Теперь Тамара Иннокентьевна была спокойна, дальнейшее уже не касалось ее и не волновало. По-прежнему не чувствуя холода, охладя разгоревшиеся щеки настывшими ладонями без перчаток, она мысленно в последний раз попрощалась с театром, с колоннами, с квадригой коней, бешено несущихся сейчас в расхолодевшей вакханалии метели, и тихо, больше по привычке, пошла назад, ведь нужно же было идти куда-то дальше, а другого пути, кроме дома, она не знала. С каждым шагом и поворотом на нее все больше наваливалась усталость, начинали мерзнуть ноги, и временами тискало сердце и не хватало дыхания; добравшись до собственной двери и увидев знакомую, кое-где прорывающуюся обивку и тусклый от старости медный номер «37», ставший за многие годы неотъемлемой ее частью, она обессиленно прислонилась к двери и, чувствуя начинающийся озноб, долго отпскивала ключ в сумочке. «Ничего, ничего, — успокаивала она себя, — сейчас нагрею чаю, выпью с медом, погорячее, пройдет, главное, что я уже дома и не надо идти на холод».

Она по-прежнему была покойна, в той редкой душевной уравновешенности, когда человеку ничего, решительно ничего не надо — он все узнал и все имеет. Скинув шубу и с трудом сняв сапоги, она с наслаждением сунула ноги в теплые войлочные шлепанцы, поставила чайник на огонь и в ожидании, пока он нагреется, прошла по всем комнатам и везде зажгла свет. Теперь квартира, до самых потаенных уголков, была ярко, празднично освещена. «Сегодня мой день, мой праздник, — с некоторым вызовом в отношении того, что она сама себе его устроила, подумала Тамара Иннокентьевна. — Кто знает, сколько мне осталось... Определено было так прожить, а не иначе, я и прожила, ничего страшного... Не стала певицей, стала просто хорошим аккомпаниатором, многим детям привила настоящую любовь к музыке — тоже немало. Мне грех обижаться на жизнь, а сегодня у меня снова светлый день, праздник — я Глеба увидела, на душе как все светится, он хорошо со мной говорил...»

Тамара Иннокентьевна обнаружила, что не одну уже, вероятно, минуту находится в ярко освещенном коридоре и рассуждает сама с собой. С досадой она уловила в коридоре и характерный запах газа; чайник давно успел закипеть и залить горелку. Заварив крепкий чай, она с наслаждением, обжигаясь, выпила целых две чашки и сразу почувствовала предательскую слабость, у нее опять закружилась голова и поплыло перед глазами, озноб возобновился, но это длилось всего несколько минут, пока она не решила встать. Ей пришлось выдержать упорную борьбу с собой: безуспешно пытаясь выбраться из старенького кресла, она все оставалась на месте; ее словно кто насильно усаживал назад. «Я, очевидно, в самом деле простудилась и больна, — мелькнула у нее туманная, как бы посторонняя мысль, — надо позвонить...»

И опять ноги отказали, на лице ее отразилась растерянная, виноватая улыбка; все-таки, преодолевая слабость, она встала и тяжело дыша, помогая себе руками, шаг за шагом, медленно, по стеночке выбралась из кухни. Силась вспомнить что-то важное, необходимое, она бесцельно трогала знакомые вещи и с сердцем оставляла их; чувства прежней прочности жизни не возникало; очередной, более сильный приступ слабости и головокружения застал ее в комнате, возле рояля.

С трудом добравшись до широкого кожаного дивана, Тамара Иннокентьевна неловко, боком опустилась на него, и тут словно кто накрыл ее непроницаемым глухим колпаком. Она слабо позвала на помощь и провалилась в пустоту; приходя в себя, еще ничего не видя и не различая, она услышала тоненький, щемящий звук, похожий на плач ребенка или на поскуливание беспомощного, попавшего в беду щенка. Она инстинктивно не открывала

глаз, свет, вызывая боль, и без того режущее проникало в мозг. Рядом кто-то был, она услышала сдерживаемое покашливание и почувствовала знакомый табачный запах. Она слабо удивилась; возвращаясь, она захлопнула за собой и проверила дверь, но кто знает, могла и ошибиться. Возможно, воры, будет совсем смешно. Но что они могут взять? Уволочь рояль? Такой большой и тяжелый?

Решившись открыть глаза и преодолевая страх боли, Тамара Иннокентьевна, насколько смогла, повернула голову и от режущего света, отнесно хлынувшего на нее, слабо вскрикнула. Над ней тотчас наклонился большой, грузный человек с холеным, внушительным лицом и, внимательно всматриваясь, сказал что-то ласковое. Тамара Иннокентьевна не испугалась, невидяще глядя перед собой широко открытыми глазами, она едва пошевелила сухими губами, силась что-то сказать, и не смогла; она уже твердо знала, что это не бред, а явь.

— Саня, Саня, — прошептала она, готовая снова потерять сознание от затраченных, мучительных сейчас для нее усилий. — Опять бред... боже мой...

— Успокойся, Тамара, я с тобой... Все будет хорошо... Теперь уже скоро утро, а утро всегда облегчает. Ну, правда же, это я, в самом деле я... Выпей немного... вот так... умница... Еще немного, давай помогу.

— Как ты здесь оказался? — больше для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, слабо удивилась Тамара Иннокентьевна, сделав с помощью Александра Евгеньевича несколько глотков из чашки.

Грустно и недоверчиво взглянув на нее, Александр Евгеньевич ничего не ответил; в карих глазах, до этого ждущих, встревоженных, со всей силой устремленных на нее, что-то словно захлопнулось и затвердело.

— Хотел вызвать «Скорую», не могу дозвониться, очевидно, с телефоном что-то случилось, — сказал Александр Евгеньевич. — А пойти позвонить из автомата боялся... Теперь могу спуститься позвонить.

— Не надо, Саня, спасибо...

— Как же не надо? Очевидно, не тот случай, шутить не приходится.

— Я не больна...

— Не больна? — Александр Евгеньевич подвинул стул и сел совсем близко. — Ты утверждаешь, что ты не больна?

— Да, утверждаю. Это не болезнь, — вслух подумала Тамара Иннокентьевна. — Совершенно другое, медицина здесь ни при чем.

— Ну, как знаешь. — У Александра Евгеньевича обиженно дрогнули углы рта. — Я хотел сделать лучше.

— Дай мне еще чаю, — попросила Тамара Иннокентьевна. — Сушит внутри, все время хочется пить...

— Просто у тебя температура, — сказал Александр Евгеньевич, успокаивающе оглаживая совершенно теперь седую ухоженную, коротко постриженную бородку, мягко обрамляющую его рыхлое, полноватое, но все еще холеное лицо. — Возможно, грипп, сейчас по Москве ходит дорогой гость... многие болеют.

— Нет же, Саня, нет, — опять с досадой возразила она. — Я всегда безошибочно чувствую температуру. Совсем другое. Помогите мне сесть...

— Погоди, погоди, что за нетерпение...

— Помогите мне сесть, раз ты уж здесь, — повторила она. — Принеси, пожалуйста, из другой комнаты подушку...

Согласно кивнув, он, непривычный к домашним мелочам, всегда раздражавшим его, некоторое время неловко хлопотал, выполняя все, о чем Тамара Иннокентьевна его просила, сама она, устроившись на диване удобнее (Александр Евгеньевич вместе с подушкой принес и шерстяной плед, укрыл ей ноги), скоро почувствовала себя значительно крепче и увереннее; время от времени появляясь в дверях, чтобы убедиться, все ли в порядке, Александр Евгеньевич торопливо находил ее глаза; Тамара Иннокентьевна сдержанно улыбалась в ответ. Она очень давно его не видела и вначале внутренне съежилась от его явно проступавшей сквозь все благополучие и ухоженность физической и, главное, духовной дряхлости, но это был страх первой минуты и скорее от неожиданности.

Теперь, когда Тамара Иннокентьевна немного оправилась, она снова начинала читать в



его лице видны только ей приметы обуревавших его, глубоко запрятанных страстей; посторонние даже не догадывались о безостановочной, разрушительной работе, идущей в нем под маской вечной респектабельности и сдержанного доброжелательного равнодушия. Так, очевидно, ей выпало, и сколько бы ни прошло времени, боль, связанная с этим человеком, никуда не могла уйти; она никуда и не уходила, только ждала своего часа, чтобы снова и снова напомнить о себе, обжечь стыдом ненужного, бесполезного раскаяния. Тамаре Иннокентьевне казалось, что сколько она помнила себя, столько она знала и Саню. Их семьи (старые московские фамилии) были знакомы с незапамятных времен. Она помнила Саню милостивым мальчиком в белой крахмальной рубашечке с шелковым черным бантом в горошек и нотной папкой. И ухаживать за ней, несмотря на то, что был двумя годами моложе, он начал задолго до появления Глеба. Она знала его высокомерным, очень красивым юношей; знала молодым человеком с определившимся характером баловня судьбы; знала способным музыкантом и сочинителем, сравнительно рано получившим известность; знала она и годы его расцвета, совпавшие с их сближением; и теперь, столкнувшись с ним под самый занавес,

в самой неприглядной житейской ситуации, она видела его жестко и без прикрас, тем глубинным внутренним беспощадным зрением, которое не дает возможности спрятаться и от себя. И все-таки теперь, когда их жизнь так далеко и безвозвратно разошлась в бесконечно разные стороны и обрела необходимую и неизбежную законченность, не оставившую больше никакой неясности и никакой надежды, Тамара Иннокентьевна не могла не удивляться фатальной настойчивости судьбы, ставившей этого человека рядом с ней в самые тяжелые, непереносимые минуты.

— Ничего, ничего,— успокаивающе приговаривал он, входя в комнату с чашкой и опережая ее торопливое встречное движение.— Я столик пододвину, отдыхай, тебе надо отойти. С сахаром? С медом?— спросил он.— Я на кухне мед нашел.

— Ничего не надо,— сказала она.— Просто хочется пить...

— Хорошо...

Он поставил чай рядом с ней на круглый ночной столик; ноздри у него слегка дрогнули, в углах рта опять появилось забытое выражение затаенной глубокой обиды.

— Разумеется, ты сидишь и мучаешься.— Он привычным охватывающим жестом погладил бородку.— Никак не можешь понять, ка-

ким образом я очутился здесь. Неужели в самом деле не помнишь?

— А что такое, Саня, я разве должна что-то помнить?— неуверенно пожала плечами она.

— Ты же сама мне позвонила и попросила прийти!— все еще присматриваясь к ней, очевидно, решая, верить или нет, доверительно сообщил Александр Евгеньевич.— У тебя был такой странный голос... Я оделся кое-как, вызвал такси... взял тот старый ключ от твоей квартиры...

— Постой, постой, ты же тогда говорил... что потерял его?

— Ну, говорил, говорил, что мне оставалось?— поддразнил Александр Евгеньевич с легкой иронией.— Какое преступление! Видишь, ключ-то пригодился... Фантастика! Подумать, столько лет! Кажется, никакой замок не может выдержать столько времени... Замки в дверях... время от времени лучше менять... да и в жизни... тоже.

— А дальше, дальше, Саня, не отвлекайся!

— Я позвонил, и ты сама мне открыла.— Чувствуя ее нетерпение и пытаясь попасть ей в тон, Александр Евгеньевич по-прежнему пытливо ощупывал ее лицо глазами.— Посмотрела на меня, повернулась, пошла назад...

Слова не сказала. Я даже не знал, входить или нет... Все-таки решился, что-то в твоём лице меня встревожило... глаза нехорошие были... Не смотри, словно ты ничему не удивляешься. Знаешь отлично... кем ты для меня была всю жизнь. Стоило услышать твой голос, все забыл. Хотя раньше поклялся никогда больше с тобой не видеться...

— Ты ведь, я слышала, опять женился, — сказала, помолчав, Тамара Иннокентьевна, неловко отхлебывая горячий чай. — Это правда? Говорили, что к тебе вроде бы ушла Фаня, жена того самого Димы Горского...

— Что значит — того самого? — сразу встопорщился Александр Евгеньевич. — Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного, пришла в память, спросила. Диму Горского я хорошо знала... музыка у него удивительная, щедро одаренный человек...

— Был, — задумчиво уронил Александр Евгеньевич.

— Не понимаю...

— Пятый год в доме для престарелых. Родные от него отказались... очень уж пил, — сдержанно сообщил Александр Евгеньевич и помедлил. — Да и у меня ничего не вышло с той жёнью... От злости на тебя случилась, но что об этом теперь... Да... Год назад похоронил уж и Демьяна Андреевича... Помнишь Солоницына? Конечно же, помнишь... Единственный, пожалуй, преданный мне человек... Друг... Да, да, друг! — повысил он голос, заметив слабую усмешку, тронувшую губы Тамары Иннокентьевны. — Ты всегда к нему предвзято относилась, он же был настоящий музыкант... негромкий, но истинный... Хотя что у нас за разговор... прости...

— Было, было... И опять из этого ничего не вышло, — продолжал Александр Евгеньевич как-то равнодушно, первый порыв раздражения у него уже прошел. — Как и из всего остального, — добавил он, и взгляд у него застыл на одной точке. — У меня почти ничего не вышло... Замах был огромный, а пролетело мгновенно. Теперь, пожалуй, поздно размышлять... Зачем? — Он задумчиво оглаживал бородку длинными, по-прежнему холёными пальцами, их тыльной стороной потирая таким знакомым Тамаре Иннокентьевне жестом высокий, сильно открытый с боков лоб. — Стоит ли сейчас сводить счёты, поздно и глупо. Что же искать виноватых? И я ни в чём не виноват... в этом не закажешь. Я ей все отдал, дачу, машину, квартиру... жить я с ней больше не мог...

— У вас был ребенок?

— Сын... да... сын... Я уже дважды дед, — сообщил Александр Евгеньевич, и невольно получилось, что он словно неосознанно похвастал; Тамара Иннокентьевна ничего не сказала, потому что в следующую минуту ей стало страшно; она ясно вспомнила Диму Горского, его лицо, его улыбку, его одержимость, его музыку...

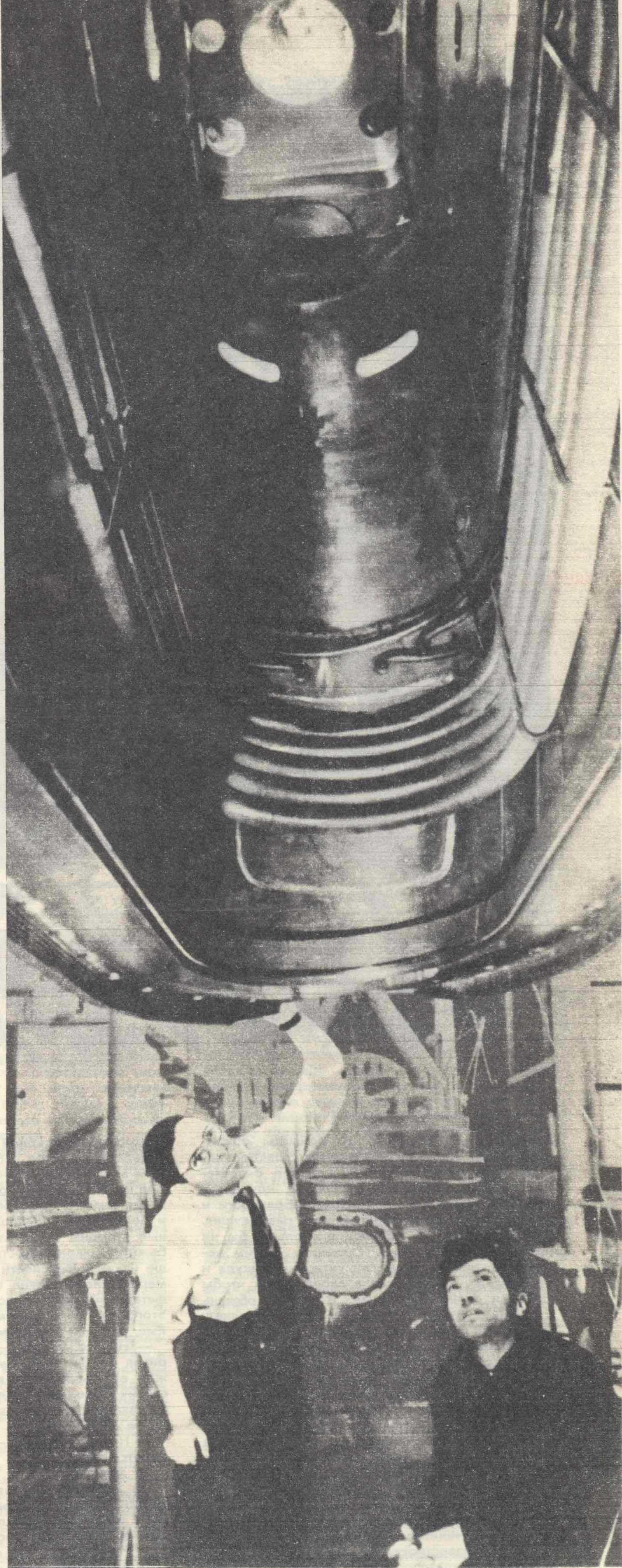
— Я все-таки думаю вызвать врача, — дошел до нее голос Александра Евгеньевича, и она удивленно посмотрела на него, подумала, что он, как всякий мужчина, так ничего и не понимает.

— Нет, нет, не надо, — остановила она его поспешно и метнулась глазами в сторону. — Надо же, с бородой ты не расстался... О чем это мы? О тебе. Как всегда — о тебе. Это у тебя ничего не вышло? Тогда у кого вышло? У Димы Горского-то? У твоего любимого Демьяна Андреевича Солоницына? Что же, у этого, пожалуй, вышло... с твоей помощью, разумеется...

— Суета, суета, если ты имеешь в виду славу, деньги... Жизни не вышло, счастья не вышло. — Александр Евгеньевич неуверенно оглянулся, точно кто-то третий мешал ему быть откровенным до конца, мешал сделать хотя бы один фальшивый жест, произнести одно неверное слово; он опять беспокойно покусился на рояль, скорее всего, неуверенность и беспокойство шли оттуда; настоящий инструмент всегда хранит душу хозяина. — Все так, так! — опережая новый вопрос Тамары Иннокентьевны, торопливо добавил он. — Ничего не вышло у меня без тебя... Жизни не вышло.

Продолжение следует

Т Е Б Е Н Е Н Е В И Ч У Д



Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото Юрия ТУМАНОВА

Зачем возникают города? Чтобы плавить металл, строить станки и машины, ткать материи, шить одежду и обувь... Но бывают города иные. Они созданы, чтобы «производить» Знание, самое ценное из всего, что рождено человечеством. Такова Дубна. Основной принцип жизни этого города физиков на Волге — интернационализм в действии.

Только что закончил работу XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. С высокой трибуны прозвучали на весь мир слова Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева о возросшем значении науки, о необходимости дальнейшего научного сотрудничества всех стран, о все более крепнущих связях государств социалистического содружества.

Ровно 25 лет назад, в марте 1956 года, в Академии наук СССР было подписано соглашение об учреждении первого в мире научного центра социалистических стран — Объединенного института ядерных исследований. Деловые, официальные строки из устава этого международного центра столь ясно и четко говорят о гуманных целях его создания, звучат сегодня столь злободневно, что в канун 25-летия института хочется напомнить всем этот уже исторический документ. Теперь каждый абзац из него подтвержден делами, исследованиями, открытиями. Этот документ исходит из идей мира и интернационализма, он как бы вобрал в себя теплоту дружбы, возникшей на берегах Волги, он овеян романтикой научного поиска.

Цели института сформулированы в уставе так: «Обеспечение совместного проведения теоретических и экспериментальных исследований в области ядерной физики учеными государств — членами института; содействие развитию ядерной физики в государствах — членах института путем обмена опытом и достижениями в проведении теоретических и экспериментальных исследований; поддержание связи с заинтересованными национальными и международными научно-исследовательскими и другими организациями в деле развития ядерной физики и изыскания новых возможностей мирного применения атомной энергии; содействие всестороннему развитию творческих способностей научно-исследовательских кадров государств — членов института».

Особо подчеркивается в уставе, что «всей своей деятельностью институт будет способствовать использованию ядерной энергии только для мирных целей на благо человечества».

Расположился этот институт в живописном местечке недалеко от Москвы — Дубне. И вскоре название молодого города облетело все научные центры мира. Отовсюду стали стремиться в Дубну крупнейшие ученые. Ведь хотя Объединенный институт ядерных исследований и является научным центром социалистических стран, на условиях взаимности в его лабораториях могут работать ученые из всех государств мира.

Ведя сложнейшие фундаментальные исследования, ученые Дубны ни на минуту не забывают, что наука — неоценимое орудие для изменения жизни. А ничто так не изменит жизнь человечества, как энергетическое изобретение, скрывающееся в познании атома. Чтобы проникнуть в его недра, в Дубне строятся сложнейшие приборы, ученые ищут и находят все новые пути применения ядерной физики в технике, промышленности, сельском хозяйстве, медицине.

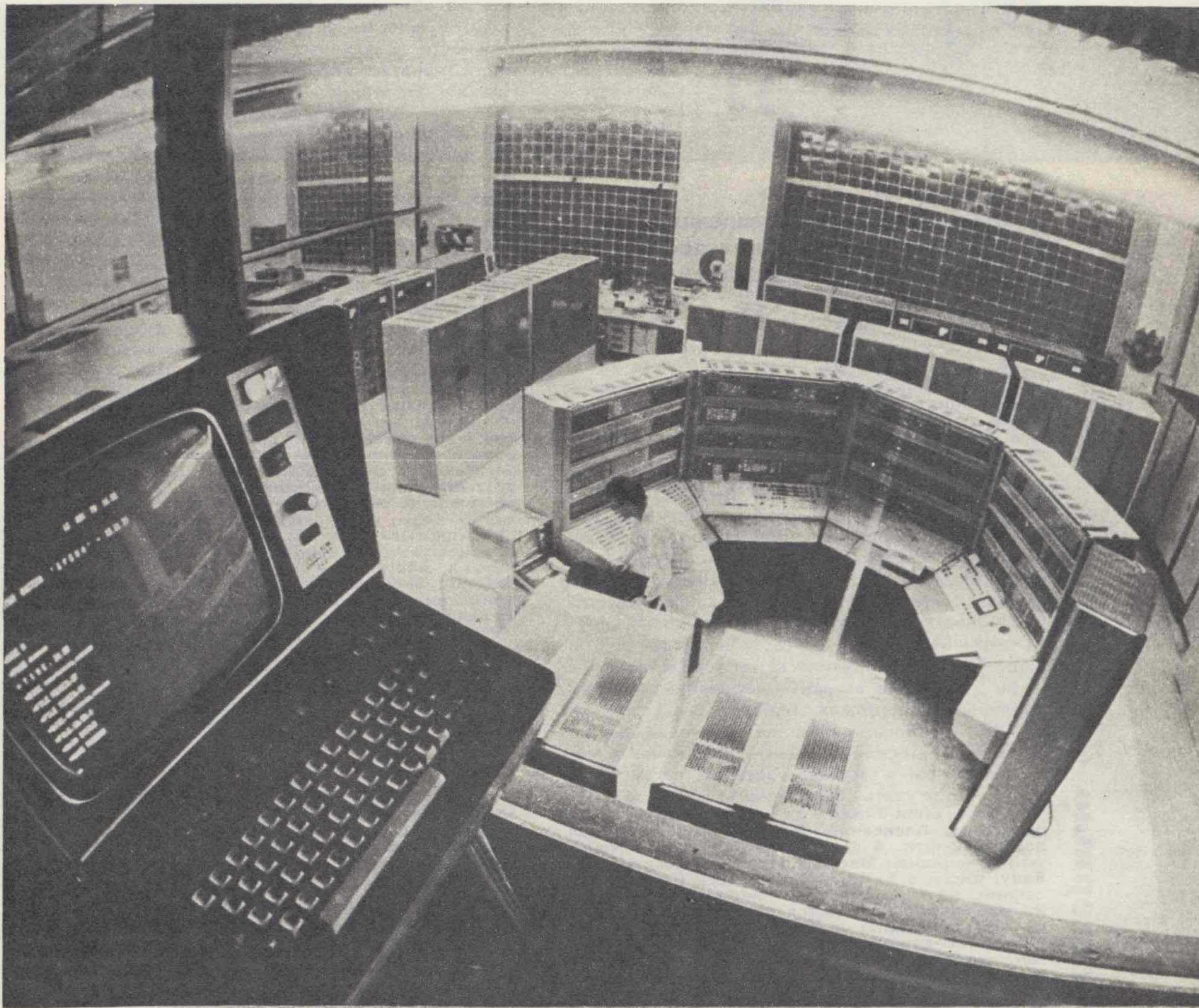
Познание, интернационализм, мирный атом — вот те незыблемые основы, на которых уже четверть века стоит Дубна.

Много тысяч часов проработала в экспериментах на ускорителе пузырьковая камера «Людмила». Идет профилактический осмотр камеры.



Директор Объединенного института ядерных исследований академик Н. Н. Боголюбов (в центре) беседует с вице-директорами института профессорами М. Совински (Польская Народная Республика) и И. Златевым (Народная Республика Болгария).

В вычислительном центре института.



ШАГИ В ОКЕАН

«Осуществить мероприятия по выявлению месторождений нефти и газа на территории Западной и Восточной Сибири, европейской части СССР, в Средней Азии и Казахской ССР, а также на континентальном шельфе».

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.



С. И. ЮДИН,
начальник Главного управления
по разведке и разработке морских
нефтяных и газовых месторождений

— Станислав Иванович, Главморнефтегаз — организация молодая, а морские промыслы нефти и газа в нашей стране имеют солидный возраст. Чем объясняется такое несоответствие?

— Строго говоря, история морской нефтедобычи насчитывает полтора века. Еще в 1824 году в районе Баку, в море, недалеко от берега, стали сооружать изолированные от воды колодцы и черпать из них нефть. А сразу же после победы Октября по инициативе С. М. Кирова бакинские рабочие засыпали землей Биби-Эйбатскую бухту, и вскоре новый промысел — Бухта Ильича — вступил в эксплуатацию. Тогда же появились непосредственно в море и буровые вышки — деревянные, на деревянных платформах. Техника была примитивная, глубины моря незначительные, но принципы морской добычи — постройка в море платформ и эстакад, засыпка части акватории — под стать современным.

Кстати, Биби-Эйбат — то самое место, где, по преданию, Александр Македонский наблюдал добычу нефти. А тысячу лет спустя знаменитый венецианец Марко Поло, тоже посетивший Баку, писал о Биби-Эйбате: «Здесь имеется источник, из которого течет жидкость, похожая на масло. Она не годится для еды, зато годится для зажигания и других надобностей. Поэтому соседние народы приходят туда, чтобы запастись ею так, что наполняют этой жидкостью много кораблей. Несмотря на это, насколько не заметно, чтобы источник, который

течет непрерывно, сколько-нибудь уменьшился».

В 1948 году вступило в строй первое морское месторождение в нашей стране — «Гюргяны-море», — а в 1951 году введено в эксплуатацию знаменитое месторождение Нефтяные Камни.

Но несоответствия, о котором вы спрашивали, на самом деле нет. Высокая себестоимость «морской» нефти по сравнению с «сухопутной» и отсутствие высокоэффективных технических средств ставили преграду широкому освоению шельфов. И нефтяные промыслы в Каспийском море оставались уникальными сооружениями, школой кадров и действующим полигоном для освоения новой техники и технологии.

— В последнее время мы все чаще встречаемся с этим словом — «шельфы»...

— Шельф — ровесник современных континентов, а вот интерес к нему возник лишь в последние десятилетия. Сначала — среди ученых-океанологов, а сейчас на наших глазах из объекта научных исследований он становится местом активной практической деятельности различных отраслей промышленности, занятых добычей минерального сырья. Что же это такое — шельф? Подводное продолжение материков. Они не кончаются границей линии прилива. Плавное понижение суши продолжается под водой довольно далеко, иногда до нескольких сот километров. А потом происходит резкий перепад — глубины быстро возрастают. Это место называется береговым склоном, здесь проходит фактическая граница континента. Средние глубины шельфовой зоны — от линии прилива до берегового склона — около двухсот метров, а общая площадь этих подводных продолжений суши составляет весьма значительную величину: она приближается к площади Африки.

Рыбаки давно знают: в пронизанных солнечными лучами водах шельфов — самая богатая концентрация рыбы и других морских обитателей по сравнению с другими областями Мирового океана. Что же касается минеральных богатств, то шельфы не имеют себе равных с другими областями суши и моря. Тут, видимо, решающую роль играют непрерывные движения воды, превращающие шельфы в гигантские промывные лотки. Практически здесь есть все: нефть и газ, золото и редкие металлы, железо и марганец — словом, как говорят, вся таблица Менделеева. Однако время для промышленного освоения минеральных богатств шельфов наступило сравнительно недавно.

Современная техника и технология уже сегодня позволяют добывать, например, нефть с больших глубин океана. «Ограничителем» является экономика. Добыча углеводородов со дна океана обходится значительно дороже, чем в освоенных районах суши, причем с увеличением глубины моря стоимость работ стремительно растет. Сегодня во многих странах есть немало месторождений, где добыча нефти и газа еще не стала рентабельной.

— И тем не менее морская добыча неуклонно увеличивается во всем мире...

— Да, и очень быстро. Главные причины: растущая потребность человечества в нефти и газе, а также то, что быстрое совершенствование техники морской добычи способствует снижению стоимости, смыканию «ножниц» между морем и сушей.

К началу 80-х годов сумма вложений в освоение морских месторождений составляла много десятков миллиардов долларов. Главные «пайщики» — США, Канада, страны бассейна Северного моря. Можете себе представить, например, какое огромное значение имеет для Англии то, что она практически полностью теперь обеспечивает свои потребности в нефти из собственных ресурсов. Еще в 1975 году в английском секторе Северного моря было добыто около миллиона тонн нефти, в 1977 году — уже 40 миллионов, а в восьмидесятые годы разведанных запасов будет достаточно для добычи 200—250 миллионов тонн ежегодно!

Норвегия в 1971 году начала эксплуатировать месторождение Экофиск. В 1975 году там было добыто девять миллионов тонн, а в восьмидесятые годы норвежцы предполагают довести годовую добычу до девяноста миллионов тонн нефти.

Есть основания полагать, что в ближайшее десятилетие разница в стоимости морской и сухопутной добычи будет ликвидирована.

— Видимо, потому многие страны в наши дни идут на временные убытки, разрабатывая морские месторождения?

— Именно так. У нас в СССР положение, разумеется, не такое напряженное, как в США и в большинстве стран Западной Европы. Запасы нефти и газа на долгие годы обеспечивают нужды народного хозяйства. Однако стремительное возрастание потребностей в минеральном сырье, связанное с научно-техническим прогрессом, требует от нас тщательно рассчитывать все наши ресурсы. Наступило время, когда уже стала целесообразной разработка нефтяных и газовых богатств шельфов. И именно поэтому два года назад было решено сконцентрировать работы на шельфе в Министерстве газовой промышленности СССР, образовав в его составе Главморнефтегаз.

Экономические проблемы у нас те же: разница в стоимости морской и сухопутной добычи. И расчеты те же: к концу 80-х годов эта разница должна быть ликвидирована. И потому государство уже сегодня оказывает развитию новой отрасли большое внимание, привлекая к решению стоящих перед ней задач многие смежные министерства, ведомства, научные организации.

— Еще лет десять назад в беседах с бакинскими нефтяниками я неоднократно слышал о том, как они мечтали о «нефтяном мосте» от Апшерона до Челекена...

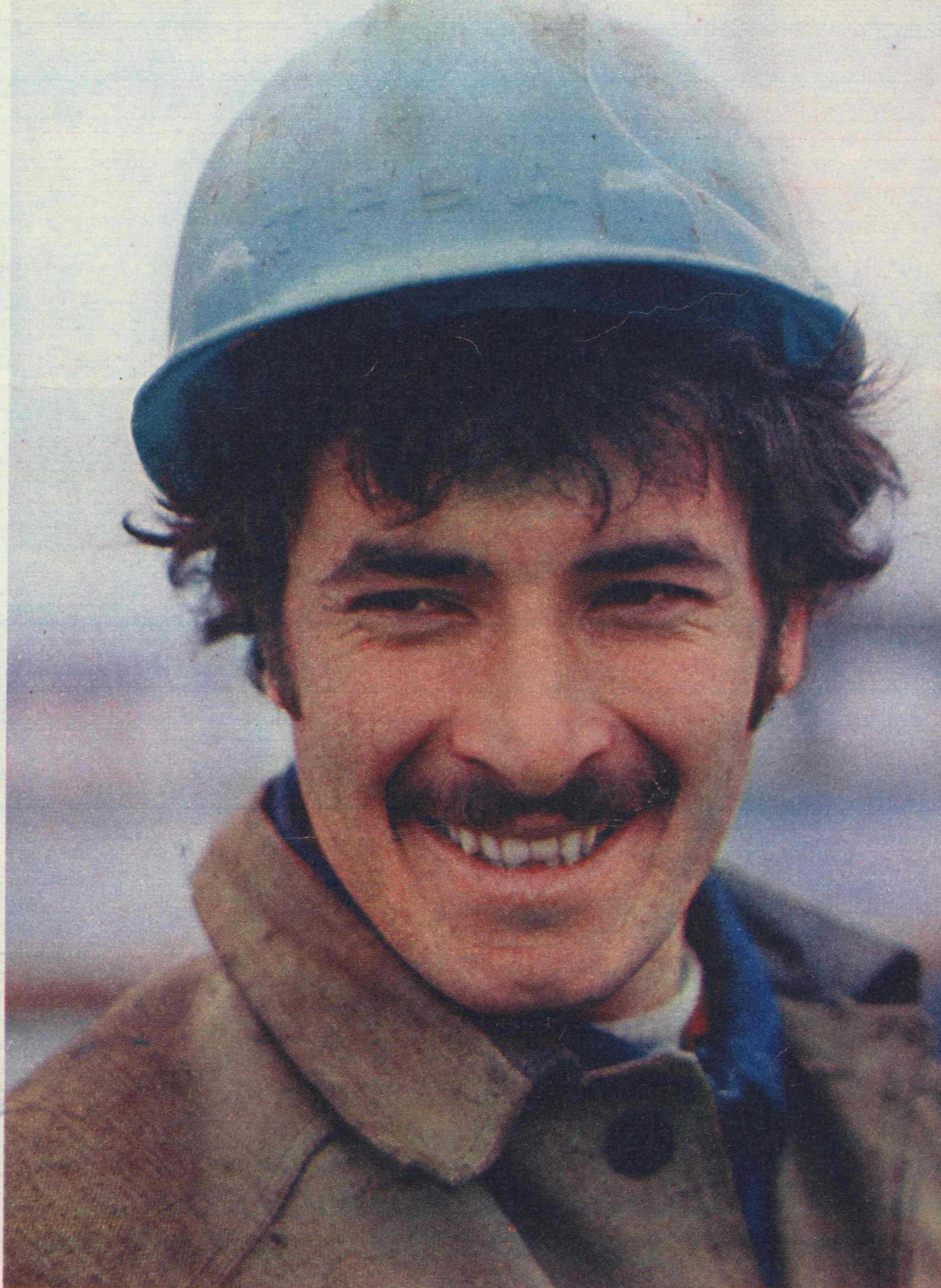
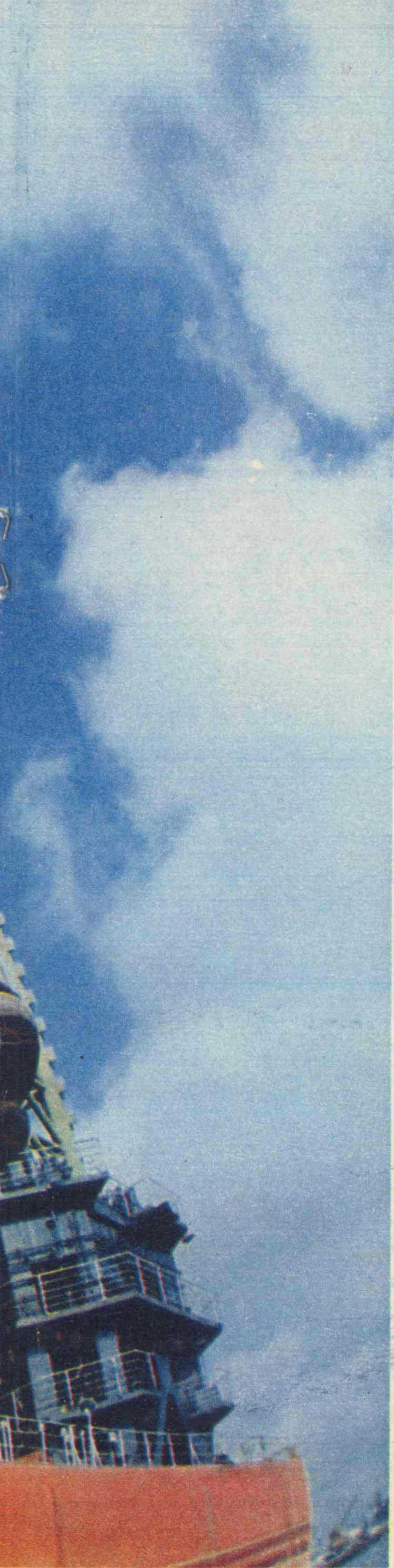
— Каспий поистине является кладовой нефти и газа. Более ста месторождений, по мнению ученых, расположены под его дном на различных глубинах. И вот в наши дни привлекает внимание морских добытчиков привлекательное геологическое образование в море, называемое Апшеронским порогом. Это

«Шельф-1» — так названа полупогружная морская буровая, которой предстоит работать на Каспии. * Нелегко дается нефть, сокрытая морской толщей. В нефтегазодобывающем управлении имени А. Серебровского трудится бригада мастера Исмаила Исмаилова.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Самоподъемная плавучая буровая установка «60 лет Азербайджана» скоро выйдет в море. * Гусейн Джафаров — рабочий с Нефтяных Камней. * Вахта прилетела. * Каспийский пейзаж.









подводная гряда, которая как бы делит море в широтном направлении от Апшеронского полуострова до противоположного берега. На этом сравнительно мелководном пороге, на глубинах в несколько десятков метров, обнаружены новые месторождения. Дерзкая мечта прошлых лет — протянуть цепь стальных островов от берегов Азербайджана до берегов Туркмении — сегодня стала нашей практической программой. Мечта могла стать реальностью потому, что освоение шельфовых богатств выходит на новую качественную ступень: мы теперь имеем несравненно более совершенную технику и технологию, у нас возникла и развивается собственная промышленность по обеспечению морской добычи нефти и газа. Сегодня мы можем проводить работы на глубинах более 100 метров. При этом с одной платформы может быть пробурено более десятка скважин. Строятся заводы по изготовлению морских стационарных платформ, обеспечивающих работу на глубинах до 200 метров.

Можно с полным основанием сказать, что в наши дни начинается новая славная страница в жизни Каспия.

— Но ведь не только Каспийское море представляет интерес для добытчиков нефти и газа?

— Практически шельфы многих морей, омывающих берега нашей страны, являются нашими «рабочими цехами». На Каспийском море работает Всесоюзное промышленное объединение «Каспморнефтегазпром». Подобные же объединения созданы и работают на шельфах Охотского, Черного и Азовского морей, на Балтике, в Арктике. Конечно, размах работ разный. Если на Каспии действуют наши ветераны, то в Арктике дело лишь в самом начале. Однако главная задача у всех одна: увеличить промышленную добычу в море уже в ближайшем десятилетии. В одиннадцатой пятилетке будет создана база для дальнейшего резкого роста добычи в двенадцатой пятилетке. Я не буду пока называть цифры, это лишь, как говорится, рабочие прикидки, но совершенно очевидно, что наша доля в топливном балансе страны станет неуклонно возрастать. И уж, во всяком случае, затраты в море окупят себя с лихвой.

— Станислав Иванович, не могли бы вы рассказать поподробнее, каким образом ведется добыча нефти и газа в море?

— В наши дни все развитые страны мира имеют для этого немалый арсенал средств. Однако неизменным остается основной принцип: с помощью пробуренной скважины сперва выясняют наличие нефти, газа или конденсата, а затем извлекают их из пласта. А вот основания для буровых установок совершенно иные, чем на суше.

Традиционное морское основание — металлическая платформа на стальных «ногах», закрепленных на дне моря. Фактически это настоящий искусственный остров, на котором имеется все для того, чтобы можно было жить и работать в течение длительного времени.

Вот, например, что представляет собой платформа «Тисл» монополии «Бритиш петролеум», установленная в 240 километрах от берегов Шотландии, где глубина 160 метров. Вес платформы — 31,5 тысячи тонн. Высота от уровня моря до верхней палубы — 40 метров. Платформа рассчитана на 60 скважин. Стоимость «Тисл» более одного миллиарда долларов.

Мы тоже строим и проектируем многоуровневые платформы, каждая из которых представляет собой отдельный нефтегазопромысел, оборудованный всем необходимым для работы и жилья.

Другая, более совершенная система — самоподъемная платформа, предназначенная для разведки месторождений. У нас представителем этой системы является самоподъемная буровая плавучая установка «Бакы». Плавучая платформа буксируется к месту работы, затем с нее опускаются опоры высотой по сто четыре метра каждая. Они заглубляются в грунт, а сама платформа поднимается над морем на

десять — двенадцать метров. Экипаж такой установки — 50—90 человек, а вышка высотой в 54 метра обеспечивает бурение шестикилометровых скважин.

И у нас и за рубежом строятся также платформы полупогружного типа. Они опираются не на грунт, а на погруженные до глубины 14—20 метров понтоны, прочно закрепленные на якорях.

В район Баку недавно прибыла на место работы такая отечественная установка полупогружного типа «Шельф-1». Ее эксплуатация обеспечит проведение разведочных работ на глубинах до 200 метров.

Существуют также корабли с буровыми установками, смонтированными на верхней палубе. Что касается хранения нефти и газа в море, то разные страны и фирмы предлагают интересные решения.

На дне Персидского залива, например, на глубине 150 метров построен гигантский купол из стали. В него закачивается нефть, которая по мере заполнения вытесняет воду. Под напором же воды происходит перекачка нефти из купола в танкеры.

В своей практической деятельности мы стремимся наряду с ультрановыми разработками применять, где это возможно и выгодно, самые простые технические решения.

Одним словом, осваивая богатства шельфов, создавая фактически новую отрасль народного хозяйства нашей страны, мы используем все технические возможности — от новейших, самых сложных и дорогих до самых простых, традиционных, «дедовских». Нам отпускаются большие средства, и мы стремимся осваивать их бережно, по-хозяйски.

— Назовите, пожалуйста, основные проблемы, которые приходится решать людям, добывающим нефть и газ в море.

— Их много. Я уже говорил о новой технике. Хочу еще раз обратить внимание на то, что, кроме высокой стоимости, эта техника на порядок сложнее сухопутной. В море все «специальное»: прочность, надежность, точность всех конструкций, приборов, механизмов, основного и вспомогательного оборудования. Мы должны создать совершенно новую специальную индустрию обеспечения морской разведки, разработки, добычи, хранения и транспортировки нефти.

Ученым предстоит решить много сложных научно-технических проблем. Взять хотя бы такую тему: человек в экстремальных условиях, человек в море. Речь идет уже не просто о том, чтобы обеспечить нормальные условия труда и быта. Задача состоит сегодня в том, чтобы разработать сложнейшую систему обеспечения длительного пребывания человека на морском дне.

— Но при всем этом, видимо, будет использоваться и зарубежный опыт?

— Разумеется. Но давайте поставим такой вопрос: где, в какой другой стране мира приходится одновременно создавать морские нефтепромыслы в Арктике и на южных морях, на шельфах Дальнего Востока и Балтийского моря?! Масштабы несравнимые. Известно, что СССР владеет самым большим шельфом в мире. А кроме того, сами условия работ в наших морях таковы, что им нет аналогов в мировой практике, и потому многие наши разработки являются первопроходческими.

Но главная проблема, как всегда и во всем, — люди, кадры. Мы должны в короткий срок создать совершенно необычную армию рабочих, специалистов, ученых. Речь идет о новом многотысячном отряде моряков небывалой специальности. Значит, нужны учебные институты, техникумы, целая система специальных ПТУ, новые педагоги, учебные пособия.

Проблема кадров имеет и другую сторону. Как привлечь людей в эту сложную, трудную сферу деятельности? Рассчитывать только на энтузиазм и высокий романтический настрой советской молодежи нельзя. Мы обязаны создать ей такие условия, при которых моряк-рабочий, вернувшийся на берег, очутился бы не в палатке, не в вагончике, а в благоустроенной квартире со всеми удобствами. Значит, среди наших забот — массовое строительство жилых комплексов. Если мы учтем, что значительную часть работ предстоит выполнять в необжитых районах страны, то становится ясно сложность и этой проблемы.

— Станислав Иванович, а существуют ли формы взаимодействия с другими странами, заинтересованными в разработке богатств шельфов?

— Разумеется. Известно, что научные исследования Мирового океана идут значительно успешнее, если выполняются международ-

ные программы. Это подтверждает и наш пока еще незначительный опыт.

Уже сегодня на польском шельфе по программе «Петробалтик» ведутся успешные совместные работы силами ГДР, ПНР и СССР. Совместно с японской фирмой «Содеко», в рамках Генерального соглашения по разведке шельфов Сахалина, мы уже выполнили большой объем поисково-разведочных работ.

Мы заключили контракты с фирмами Франции, Японии, Финляндии и других стран. Ведутся переговоры с различными странами о всевозможных формах сотрудничества.

— Как «стыкуется» деятельность Главморнефтегаза с проблемой охраны окружающей среды? Ведь океан очень нуждается в защите от загрязнений всех видов и особенно от загрязнений углеводородами.

— Ответственность за чистоту моря в районах разведки и разработки месторождений нефти и газа возложена на нас. За минувшие годы сделано тут немало. На всех морях мы полностью прекратили взрывы, бывшие прежде необходимой принадлежностью геофизической разведки. Были найдены другие, безвредные для окружающей среды способы. Весь нефтепромысловый флот оснащен оборудованием, исключающим любые виды загрязнений моря. Были проведены большие работы по изоляции всех буровых работ, чтобы ни нефть, ни конденсат из скважин, ни горюче-смазочные вещества, ни химические реагенты, ни промывочные жидкости, словом, чтобы никакие засоряющие море вещества не попадали «за борт».

Должен заметить, что лет десять назад о подобном комплексе защитных мер можно было только мечтать.

— Десять лет назад мне довелось наблюдать море в районе Нефтяных Камней, промыслов острова Булла да и просто возле знаменитых некогда бакинских пляжей. Безотрадная, прямо скажем, была картина...

— Еще бы! В 1970 году Каспийское море в районе промыслов было засорено углеводородами намного больше допустимой нормы! А сегодня, по данным Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, в тех же районах эта цифра колеблется где-то в пределах нормы.

— Значит можно считать, что вы решили проблему охраны моря?

— Давайте лучше считать, что мы только начали решать эту проблему. Сделанное до сих пор можно назвать срочными спасательными мерами. Теперь надо закрепить успех, создав надежную постоянно действующую систему охраны морской среды. До тех пор, пока такая стабильная и абсолютно надежная система не будет создана, возможны любые ЧП.

— Станислав Иванович! Я обратил внимание на то, что работники системы Главморнефтегаза носят морскую форму...

— Считаю это вполне справедливым. У нас на морских промыслах работают коллективы, по сухопутной традиции называемые бригадами. А ведь правильное было бы их называть экипажами. Коллектив уходит в море, надолго отрываясь от берега, от дома, от семьи. Точно так же, как и моряки, которые отправляются в дальний рейс.

Несмотря на то, что человек обладает сегодня могучей, совершенной техникой, море было и остается грозной и опасной стихией. Все морские добытчики нефти помнят и чтут имя бесстрашного мастера, первооткрывателя Нефтяных Камней Героя Социалистического Труда Михаила Каверочкина. Он и двадцать пять его друзей — вся бригада — погибли во время одного из страшных ураганов на Каспии. Одно из морских месторождений названо его именем.

Так что морские нефтяники по праву носят морскую форму. Она напоминает нам, что только высокой дисциплинированностью, истинно флотской сплоченностью можно победить грозного партнера — море. И не случайно в нашей эмблеме — вышка и якорь. И носят форму с этой эмблемой люди сильные, мужественные, влюбленные в море, в свое дело.

Ведь не зря же старинная моряцкая поговорка гласит: море любит сильных, а сильные любят море.

Каспий трудится * Бурильщик Рефихан Довлетханов. * Остров в море. * Строители морских буровых.

Фото Л. Шерстеникова

**Интервью взял
Марк БАРИНОВ.**

Виктор ПЕТЕЛИН

гать безудержно, ничего не требуя взамен. «Душа человек» — так определяет сущность его характера старший Лабуня. Герой Плетнева принадлежит к тем людям, которым до всего есть дело, он во все вмешивается, никогда не промолчит при виде несправедливости и неправды, беспорядка и ошибочных решений начальства.

И не случайно в свои сорок пять лет Михаил почувствовал, что сердце стало уставать: слишком напряженно жил он. Вот почему и седина густо усыпала его шею, вот почему и сердце, переполненное любовью и состраданием к людям, стало тяжелее биться в груди. «Жили вместе — изнашивались врозь», — думает он, глядя на превосходно сохранившуюся жену, которая всегда ко всему относилась с холодком.

Нет, не идеальный герой предстает перед нами. Простого человека труда рисует писатель. Только, может, чуть-чуть больше у него смелости, чем у других, чуть-чуть больше душа его открыта для людей. Ему есть дело до всего, что происходит на нашей земле. Он способен на сильные и контрастные чувства.

Настоящий писатель не только творец, стремящийся по мере сил воссоздавать правду, но и воин, отстаивающий неприкосновенность истины. Художник должен обладать сильной душой и несгиба-

чивается на Авдеевской площадке под городом Сталегорском, где строится большой металлургический завод. Чаще всего конфликтные ситуации возникают между куратором Травушкиным, представляющим интересы заказчика, и строителями, заинтересованными в сдаче объектов, построенных иной раз и не совсем добросовестно, как говорится, на скорую руку.

Характер Травушкина — большая удача автора. Как живой встает он со страниц повести — честный, принципиальный, чуть-чуть старомодный интеллигент, со своими, казалось бы, несколько устаревшими представлениями о мире деловых отношений. Вот он обходит только что законченный объект. Строителям его нужно сдать во что бы то ни стало, потому что от этого зависят заработная плата, премиальные и т. д. В сдаче объекта заинтересованы десятки, сотни людей.

Молодой прораб пытается доказать Травушкину, что недоделки строителей — это пустяки, ну, бывает, что забудут в котловане пилу или топор, забетонируют оставленную связку новых рукавиц. Плохо, конечно, но это ничьей жизни не угрожает: одно дело — ошибки хирурга, другое — строителей. Скрытая работа.

Нет, отвечает ему Травушкин, «самая скрытая работа происхо-

Философичен и глубок новый роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» — остропроблемное произведение о последнем тридцатилетии нашей жизни, о сложностях и противоречиях эпохи, о высоких духовных ценностях прелых советских тружеников.

Это роман о жизни путевых рабочих на крошечном разъезде Боранлы — «самом гиблом месте на свете». Воду приходилось подвозить в цистернах по железной дороге. А чтобы отведать родниковой воды, то целый день нужно потратить, чтобы доставить ее на верблюдах. Зимой железнодорожники расчищают снежные завалы на путях. И мало кто мог выдержать непосильную работу. Ветер, ничем не сдерживаемый в открытой степи, снова и снова заносит снежные сугробы на пути, а поезда должны регулярно проходить по этому участку — и бесконечной кажется ежедневная монотонная работа.

А летом наступала жара, порой такая яростная, что вода, доставленная цистерной, становилась чуть ли не кипятком. Одежда сгорала на плечах за два дня. И вот в такую жару путевые рабочие подновляли гравий на полотне, «разбрасывали щебень, подсовывали его в люфты под шпалы и рельсы и тем самым укрепляли оползающую от вибрации насыпь».

Наша современность — чувствуется по всему — нуждается в художественных произведениях, синтетически раскрывающих все стороны реальной действительности.

И одновременно возникает проблема героя произведения — проблема образа современного человека, раскрытая во всем многообразии черт его характера и деятельности, личности не только создающей, но и размышляющей над всей глубиной вопросов бытия. Попытаемся рассмотреть под этим углом зрения некоторые произведения советских писателей, в которых явно стремление к глубинному постижению характера нашего современника.

В центре многих книг последних лет — сильный характер человека, все силы отдающего борьбе за благо людей, за процветание своей Родины. Разные по индивидуальным наклонностям, привычкам, профессиям, герои эти привлекают своим духовным здоровьем, честностью, смелостью, бескорыстием и прямоотой.

Менее двух лет тому назад опубликован роман Александра Плетнева «Шахта», а его главный герой Михаил Свешнев вошел в наше сознание и сердце как друг, как живой прекрасный человек.

Внешне ничем не примечательна его судьба: Михаил Свешнев, как и сам Александр Плетнев, родился в сибирской деревне, до армии работал в колхозе, потом уехал в Приморье; в Сибири у родителей оставались трое малолетних детей, а в деревне в те времена жить было трудно. Вот и пришлось старшему отказаться от мечты об учебе и пойти на тяжелую, но хорошо оплачиваемую работу в шахте.

Действие в романе развивается как бы по двум руслам: то мы становимся свидетелями острых, драматических событий сегодняшнего дня, то автор переносит нас в прошлое, когда молодой Свешнев делал свои первые шаги как рабочий человек. И мы видим, как закаляется, как мужает его характер.

Михаил Свешнев по-настоящему добр к людям, готов им помо-

еым характером, не боящимся серьезных испытаний и страданий. Только на пути сближения с народной жизнью писатель может открыть в искусстве что-то новое, обогатить мир своими художественными образами.

И здесь привлекли мое внимание повести Гария Немченко, вошедшие в книгу «Скрытая работа», и роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Разные герои действуют в этих произведениях, различна их масштаб, различна и степень проникновения художников в глубь изображаемых явлений и исторических пластов народной жизни, но есть что-то роднящее эти столь различные, повторяю, произведения: художники обратили взгляд на будничные, повседневные события, ничем, казалось бы, не выделяющиеся из течения Времени.

Три талантливые повести Гария Немченко, опубликованные в сборнике «Скрытая работа», связаны одним местом действия — оно происходит в Сибири, время действия — наша современность со всеми ее острыми, незатушеванными проблемами, которые писатель вскрывает бескомпромиссно.

Особенно существенна в этом ряду повесть «Скрытая работа». Действие ее в основном развора-

дит не вокруг нас, не с материальными, если хотите, вещами, но в душе человеческой... Сегодня мы с вами топор забетонируем. Завтра забудем в котловане ту самую связку рукавиц. Не позволим ли мы себе в таком случае послезавтра засыпать землей новый бульдозер? «Не противно ли это разуму в своей основе? Будь то даже копейный гвоздь... Приходилось вам задуматься над его родословной? Когда-то очень давно люди научились плавить руду. И первый металлический гвоздь был, по сути дела, величайшим изобретением...»

В этих словах да и во многих других эпизодах этой повести раскрывается высоко нравственный облик человека, кровно заинтересованного в том, чтобы беречь каждую народную копейку, каждый винтик, каждый гвоздь, — точно и принципиально вскрывает автор недостатки и в то же время не забывает сказать свое слово художника о тех, кто трудится самоотверженно и честно.

Прекрасные повести написал Гарий Немченко, смелые, правдивые. И, прочитав их, сожалеешь, что проходит стороной мало замечаемый критикой чуткий, талантливый писатель, не боящийся ставить и художественно решать острые проблемы современности.

Мало кто выносил такую работу в «гиблом» месте. Многие уезжали, не выдерживали непосильной тяжести. Оставались на разъезде лишь немногие. И среди них два друга — Казангап и Едигей. Сорок четыре года прожил на разъезде Казангап, помогал всем, кто нуждался в его помощи, был справедливым, спокойным, уравновешенным, даже тогда, когда сердце колотало от ярости при виде той или иной творимой временем и людьми несправедливости, был чутким и внимательным к нуждам людей и вместе с ними переживал и радости и горе. Редкостной трудолюбивости и редкостной души человеком был Казангап. И вот он умер в одиночестве, никто из близких не омыл слезами его последний час. Лишь старый и верный друг Едигей оплакал его смерть. Только, может, он один знал, каким человеком был Казангап. Дети разбежались из родительского дома, рабочие на станции часто менялись и мало что о нем знали.

Приехавший сын Казангапа, вздорный и самолюбивый Сабитжан, думает о предстоящих похоронах как об устаревшей традиции, лишней и пустой. Он готов как можно скорее покончить с этими «формальностями», закопать отца побыстрее — и все. Нет,

КОРНИ

возражает ему Едигей, такой человек, как Казангап, достоин быть похороненным на Ана-Бейите, на родовом кладбище, где хоронили самых знаменитых людей сарозекской степи, на кладбище, овеянном национальными легендами.

И вот в далекую дорогу на древнее кладбище двинулась похоронная процессия во главе с Едигеем. Дорога по казахским степям предстояла длинная, и сколько воспоминаний было связано с этими родными степями, сколько радостных и печальных событий вновь проходило через сердце стареющего Едигея, и чувствовал он, что скоро и ему отправляться в последний путь.

Так и построен роман: современные события не так уж много занимают места в нем. Смерть Казангапа, приезд родственников покойного, разговор с Сабитжаном, приготовления к похоронам, отъезд со станции, неожиданное препятствие на пути к кладбищу (кладбище давно «законсервировано» и ограждено колючей проволокой, стало запретной зоной космодрома, а на месте кладбища решено построить новые жилые дома) и сами похороны на обрыве Малакундычапе. Вот, пожалуй, и все, что касается современных событий. Весь интерес писателя «прокинут» в прошлое героев, которое и может дать ответ на сегодняшние вопросы. Да и не только на сегодняшние. Сколько уж тысячелетий человек пытается проникнуть в тайны жизни и смерти, постичь добро и зло, ответить на извечный вопрос бытия: зачем рождается человек на свет? Почему существует ненависть в сердце человека и что движет личностью, когда она себе подобным хочет не добра, а несчастья и зла?

Едет на своем верблюде Едигей, а вопросы, которые он задает себе, остро тревожат его старое сердце, беспокойное, честное сердце рабочего человека, который так же, как Казангап, остался на разезде, выходил детей, дал им счастье и на этой безрадостной земле, где не было ни единого деревца, ни единого ручейка вокруг, где нещадно палило солнце и ходили бурные ветры.

Нет, не идиллическая мужская дружба роднила их. «Однажды на заносах двое суток не покладая рук бились, расчищая пути от снега. На ночь паровоз подвели с фарами, чтобы освещать местность. А снег все идет и ветер крутит. С одной стороны счищаешь, а с другой уже сугроб намело. И холодно — не то слово: лицо, руки повспухали. Залезешь в паровоз на пять минут погреться — и опять за это гиблое сарозекское дело. И самый паровоз-то уже замело по колесам с верхом. Трое из новоприбывших рабочих к ночи в тот день ушли. Обматерили сарозекскую жизнь на чем свет стоит. Мы, говорят, не арестанты, в тюрьмах и то дают время выпастись. И с тем подались, а наутро, когда пошли поезд, свистнули на прощание:

— Эй, дуrolомы, хрен вам в зыбы!»

И снова снег поросил, ветер со всех сторон наметал снег, верблюды отказывались везти волокушу, упали в снег — и ни с места. Что делать? И вот тут-то и не выдержал Едигей, запротестовал против такой работы. «Да что мы, не люди?» — выкрикнул в отчаянии Едигей и бросился с кулаками

на Казангапа. «Ну и схватились, поразбивали губы друг другу. Хорошо еще кочегар вовремя выпрыгнул из паровоза, разнял.

Вот такой он был, Казангап. Теперь таких не сыщешь. Нет теперь Казангапов. Последнего везут хоронить...»

А потом воспоминания увели Едигея к трагической судьбе молодого учителя Абуталипа, ставшего жертвой навета грязного доносчика.

Естественно, я обхожу сознательно многие стороны романа, сложного и остропроблемного. В данном случае меня интересовали только два образа — путевых рабочих Едигея и Казангапа, в чем-то весьма существенном схожие со старым Травушкиным из повести Гария Немченко «Скрытая работа», схожие в своей высокой и бескорыстной устремленности быть полезными людям.

Но не могу не сказать, что в романе есть и не совсем органичная сюжетная линия — это фантастическая его часть, связанная с посещением землянами иной цивилизации на планете, названной уж очень по-земному, — «Лесная грудь».

Конечно, проблема поставлена остро: а что будет, если обнаружится связь с другими галактиками, более передовыми в техническом и государственном развитии. И решение писателя в данном случае представляется неоправданно пессимистическим, впрочем, ведь мы говорим о линии фантастической и здесь каждый фантазирует в меру своих представлений о современном мире и его перспективах.

Но, несмотря на фантастические перекосы, которые, правда, не так много места занимают в художественной структуре, роман Чингиза Айтматова читается с интересом: и это оттого, что ему удалось показать обычных людей, людей высокого долга, высокой нравственности и морали. Сколько прекрасных эпизодов можно было бы привести в качестве иллюстрации несомненной удаче талантливого художника.

Бегут дни за днями... Сменяются поколения людей, которые живут обычной жизнью, мало заботясь о своем высоком предназначении на земле. И горе тому, кто в гордыне своей отвергает все, чем жили его предшественники, лишь бы заявить миру о своем стремлении не походить на них. За бегущим днем мелькает следующий, совсем, кажется, непохожий, но в чем-то коренном и существенном мало чем отличается он от предыдущего. Понять закономерности этих бегущих дней и показать людей, творящих эти закономерности, — вот, видимо, главная задача современных писателей.

В этой связи интересна книга Михаила Колосова «Три куля черных сухарей», в которой он как бы исподволь, издаликает исследованию современного характера человека, скрупулезно докапываясь до корневой системы, способствовавшей росту и формированию его основных черт и свойств.

Автор вполне мог бы, определяя жанр своей книги, на титульном листе написать: роман в повестях и рассказах.

«Тимкина балалайка», «Гаврюшкина любовь», «Карповы эпопеи», «Старая акация» — эти малые про-

изведения, опубликованные много лет тому назад, «жили отдельной друг от друга жизнью, но с выходом повести «Три куля черных сухарей» сразу стали восприниматься по-другому, как единая книга, в которой повествуется о жизни одного рабочего поселка, его жителях сквозь судьбу главного героя Василия Гурина. На наших глазах развивается эта судьба, от мальчишеских повседневных мелочей и забот до поседевшего в тяжелых боях и тревогах известного писателя, прошедшего полную и большую жизнь.

«Три куля черных сухарей» — повествование о нашем современнике, о становлении его характера, об обстоятельствах, которые способствовали его более раннему, чем обычно, возмужанию и закалке.

Во второй части повести М. Колосов определяет свой творческий замысел: «...Прошлое не забывается, раны бесследно не заживают...» Эта фраза была сказана экспромтом, но вынашивалась она, наверное, всю жизнь. Действительно, не заживают раны бесследно ни на теле, ни на сердце. Прошлое преследует нас всю жизнь, и чем дальше мы уходим от него, тем явственнее оно проявляется, тем чаще вспоминается, тем чувствительнее начинают зудеть старые шрамы.

«Тимкина балалайка», «Гаврюшкина любовь», «Карповы эпопеи», «Старая акация» — во всех этих рассказах и повестях автору удается высветить какую-нибудь сторону минувшей жизни. Особый интерес представляют собой «Карповы эпопеи».

Карпо Гури — бригадир ремонтной бригады. Будни его трудовой жизни автор описывает как бы мимоходом. Все его «истории» начинаются, как только он приходит домой. Он любит мастерить, строить, «у него просто руки чешутся, и тоска съедает, если нечего перестраивать...». «Шпальная история», «Шлакобетонная история», «Эпопея свинья», «Эпопея земельная»... Во всех этих историях, комических и драматических, отражена наша современность... Запрещали, например, рабочим держать домашний скот, а Карпо, Неботов и другие не могли со своими большими семьями прожить без домашнего скота. Вот и пришлось этим неплохим людям обходить государственные решения и выкармливать поросят в обход постановлений. Отсюда всяческие комические и драматические ситуации... Но во всех этих историях и «эпопеях» Михаил Колосов подчеркивает главное в характере своего героя: «Работа для Карпо никакая не в тягость, от работы Карпо не устает — был бы толк от нее». И в этом главный жизненный принцип положительных героев Михаила Колосова: созидательный труд на благо общества.

Перед нами прошли судьбы различных, столь непохожих друг на друга героев разных книг. Но одновременно с различиями есть то, что роднит их: судьбы каждого уходят глубоко в прошлое, в ту, так сказать, корневую систему народной жизни, которая всегда питала и будет питать людей. У каждого из этих героев тысячи корней, благодаря которым они крепко стоят на земле.



ВЕРНОСТЬ ВРЕМЕНИ

Изданная в Челябинске книга Леонида Ханбекова «Выбираю бой» посвящена творчеству поэта, лауреата премии Ленинского комсомола Валентина Сорокина. Поэзия В. Сорокина, автора таких значительных произведений, как поэмы «Евпатий Коловрат», «Плывущий Марс», «Орбита», «Дмитрий Донской», «Полководец», требует принципиального разбора, считает автор. И грешно не согласиться с ним. В поэтической критике сложился какой-то определенный круг авторов, о которых писать удобно, тогда как другие остаются вне наших забот и упований. Уметь выделять из общего потока наиболее ценное и значительное явление — примета критической одаренности. И в этом мне так же близка книга Л. Ханбекова.

Главным моментом в формировании поэтической личности В. Сорокина критик считает его рабочую биографию, его тяготение к эпосу. Отсюда, отмечает автор книги «Выбираю бой», упорное обращение В. Сорокина к сквозным образам. К примеру, к образу огня, лейтмотивом проходящему сквозь все творчество поэта (одна из поэм так и называется — «Огонь»). Отблеск пламени домен вообще замечен на всей поэзии В. Сорокина. Уместны здесь и литературные параллели, которые проводит автор, обосновывая влияние на творчество поэта музы В. Федорова, Я. Смелякова. Впрочем, Л. Ханбеков не особенно почитает термин «рабочий поэт». И справедливо. Будучи расхожим, такое определение не выявляет сути критических оценок, ибо нет поэзии городской и деревенской, нет поэтов рабочих и крестьянских. То есть все это уместно, но слишком условно для серьезного разговора. Время от времени мы можем увлекаться, деля поэзию на «тихую» и «громкую», отдавать предпочтение урбанистам, но нельзя возводить это в степень концептуальности поэтических методов. В книге Л. Ханбекова интересен взгляд на поэтику В. Сорокина, решительный его возражения по поводу некоторых свойств сорокинских стихов, то чрезмерно раскованного, то невнятного и головомомного. Быть может, возражения эти даже мягки. Но поиски критика в области литературного портрета, очерка творчества заслуживают внимания и одобрения.

Поэт и его трудовая биография, школа жизни и школа литературы, школа традиций, «вызревание» характера лирического героя и одержимое стремление внести свой вклад в жанровое многообразие современной поэмы, лепка характеров — все это в разговоре о творческом лице, о самобытности поэта автор книги анализирует свободно; чувствуется внимательное, многолетнее наблюдение за творчеством поэта, и потому сравнительно небольшая по объему книга дает осязаемое представление и о творчестве Валентина Сорокина и о современном литературном процессе, в частности, о развитии поэмы.

Валентина ЛЕВОЧКО

Л. Ханбеков. Выбираю бой. Челябинск. Южно-Уральское кн. изд-во. 1980.

ПЕСНИ КЛАВДИИ ШУЛЬЖЕНКО

Песня, музыка окружали Клавдию Ивановну Шульженко с детства. Играл в клубном духовом оркестре, пел на любительских концертах отец, работавший бухгалтером управления Харьковской железной дороги. А если по вечерам никого не было дома, девочка распевала знакомые песни во весь голос. Почему громко? Со страху. Их домик находился на самой глухой окраине города.

Однажды Клавдия пела, как всегда, и вдруг услышала рукоплескания.

— Девушка, покажитесь! Мы хотим вас видеть! — кричала «публика». Осторожно выглянув, Шульженко узрела первых поклонников ее таланта...

Знакомые и родные советовали семнадцатилетней Клавдии идти в театр. Она и сама мечтала об этом. Наконец решилась, прибежала в драматический театр к самому Николаю Николаевичу Синельникову, да некстати: только что кончили репетировать. На сцене — беспорядочно расставленные стулья, усталые артисты: В. Петипа, Н. Рыбников, Н. Светловидов. Совсем оробев, Шульженко на вопрос, что она умеет делать, выпалила: «Все! Петь, танцевать, декламировать!» И запела «Распрягайте, хлопцы, коней». Молодой пианист начал ей аккомпанировать, удивительно тонко улавливая настроение певицы. Это был И. О. Дунаевский. Отлично разобрался в вокале и Синельников, сам когда-то певший в оперетте. В те-

атре угадали талант девушки, и она была принята в труппу, получая по возможности роли с пением. Впервые со сцены был исполнен романс «Снился мне сад в подвечном уборе...».

Н. Н. Синельников неустанно поучал дебютантку. «Помни, — говорил он, — ты должна играть песню, играть, как играют спектакль, и притом одна исполнять в нем все роли».

Заветы своего учителя Клавдия Ивановна запомнила. Она им следовала всегда: и когда пела в концертах с Изабеллой Юрьевой, Вадимом Козиним, и когда была солисткой джаза под руководством Я. Скоморовского, и когда просто выступала перед началом сеанса в кинотеатрах. Но в афишах писали: «Завтра — новый боевик «Колочая проволока» с участием Поллы Негри. И концерт Клавдии Шульженко».

В спектакле Ленинградского мюзик-холла «Условно убитый» главные роли она играла с Л. О. Утесовым; к этому представлению специально для Шульженко Д. Д. Шостакович написал песни: «Ах, как приятно вечером» и «Милый, видишь там и тут».

В 1940 году вышла грампластинка с песнями «Записка» и «Андрюша». Они сделали Клавдию Шульженко знаменитостью. Вслед за ними появились новые записи: «Челита», «Встречи», «О любви не говори», «Дядя Ваня».

В военные годы Шульженко вместе с В. Коралли организовала



фронтальной джаз-оркестр, а новые ее песни обрели героизм и драматизм. Именно в эти дни прозвучал ее чудесный «Синий платочек» (музыка Ю. Петербургского, слова М. Максимовича) — своеобразный эталон лирической песни тех лет, ставший символом для людей, сражавшихся за Отчизну, за любимых, желанных, родных, о чем и пела актриса.

Где бы ни проходили концерты в то время, в блиндаже или кубри-

ке боевого корабля, кузове разбитого грузовика, всегда бойцы требовали песню «Синий платочек». Больше того, на ее мотив стали появляться новые тексты. Я сам до сих пор помню, как на Курской дуге мы, танкисты, распевали сатирический вариант: «Синенький скромный платочек немец в деревне украл...» Брянские же партизаны сочинили еще одну:

В Брянских лесах мы готовим
Немцам «радушный» прием:
Мы их встречаем
И угощаем
Русским горячим свинцом!

После Победы актриса продолжала неустанно искать новые песни. И становятся особенно популярными в ее исполнении «Россия», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Школьный вальс», «Молчание», кубинская «Голубка» (последняя записана на грампластинке тиражом в два миллиона экземпляров).

Все в певичке нравится людям: непосредственность и элегантность, темперамент и художественный вкус, использование разговорных интонаций, филигранная отделка репертуара.

Исполняя свои песни, актриса создает образ человека духовно богатого, умеющего сильно и глубоко чувствовать.

Выбирая песню, Клавдия Ивановна придерживается принципа: «Прежде всего — содержание. Остальное потом».

Встречи с Шульженко вызывают волнение, восторг. Слушатели всегда настойчиво требуют исполнения старых, любимых песен и при этом восхищаются неиссякаемой, нестареющей энергией актрисы, которая как была, так и остается звездой советской эстрады.

В. ВИРЕН,
кандидат искусствоведческих наук

ЗАБОТЯЩИЕСЯ ЗАРАНЕЕ

Что должен знать провизор? Если судить по вопросам, которые ему, провизору, были заданы на конкурсе, все должен знать. Ну хорошо, не все... Но очень многое. И вопросы не заставляют себя ждать. По истории фармации, таксированию рецептов, составу лекарств, о допустимых дозах, о том, из чего лекарства делают.

Оживление в зале Центрального дома культуры медицинских работников сменяется напряженным ожиданием. Участницы финала Всероссийского конкурса профессионального мастерства провизоров-технологов на сцене. Зал полон. Даже проходы заняты — такой интерес к конкурсу. Вопрос — ответ, вопрос — ответ... Уже ясно: легкой победы не будет. И дело не только в том, что соревнуются лучшие. Им предложена исключительно сложная (может, даже излишне сложная?) программа.

Не внешний блеск определяет профессию провизора, а трудолюбие, ответственность, преданность делу, милосердие. Обязательно милосердие, качество, без которого белый свет был бы беднее и суше.

Пришедшему в аптеку надо и объяснить, как принимать лекарство, где хранить. Нужно и теплое слово сказать, ободрить.

Большая часть аптечного ассортимента приходится сейчас на медицинскую промышленность. Но часть лекарств, которые нельзя долго хранить или нестандартные, делают, как делали прежде, — в аптеке. Провизор делает.

Человек, заботящийся заранее, — так переводится это слово с латыни. Делает и отвечает при этом за жизнь больных. Поэтому детские лекарства пробуют на вкус, подвергая органолептическому контролю, а внутривенные, глазные проходят количественный и качественный анализ. Выборочно проверяются и все остальные готовые в аптеке лекарства. Девушки — участницы конкурса показывают, что делается для того, чтобы полностью избежать в этом случайностей. Вопрос — ответ, вопрос — ответ...

Какой будет аптека грядущего? В XXI веке аптек не будет! Люди научатся хранить здоровье, и лечить их будут воздух и вода, так считает Татьяна Лукина из подмосковного города Одинцово. Но пока без аптеки не обойтись...

Сочинение Диоскорида «О лекарственных средствах» разбирает Алевтина Дворцова из заполярного Мурманска. Она считает, что профессия фармацевта («гуманная, прекрасная») требует от человека всестороннего развития.

Когда готовилась к ответу Ирина Полонская из Краснодара, принесли телеграмму от пассажиров поезда, в котором она ехала. Стали читать телеграмму, а там слова благодарности — Ира оказалась в пути помощь неожиданно заболевшему.

Конкурсу предшествовали соревнования в семидесяти трех автономных республиках, краях и областях Российской Федерации. Победители приняли участие в зональных турах. А лучшие приехали в Москву. Во всех турах



Татьяна Лукина, провизор.

Фото А. Козьмина

смотр-конкурса участвовало всего около тысячи провизоров.

— Победительницы впервые организованного республиканского конкурса, — сказал начальник Главного аптечного управления Министерства здравоохранения РСФСР, председатель жюри А. Д. Апазов, — показали высокий профессионализм, находчивость, продемонстрировали и другие достоинства, без которых нынешнему провизору обойтись трудно. Ответы интересны, глубоки. Смотр-конкурс доказал свое практическое значение, помог уточнить уровень организации работы аптечных учреждений, выявил лучших работников нашей профессии, передовые приемы и методы труда; все это скажется положительно. Хотелось бы искренне поздравить победительниц — Татьяну Лукину, Алевтину Дворцову и Ирину Полонскую.

Позволю предположить, что кон-

курс будет способствовать и популяризации профессии провизора — ведь он показал не только гуманность и ответственность этого дела, но и диапазон знаний, которыми должен владеть провизор. Аптечная сеть испытывает потребность в хороших специалистах. И мы приглашаем юношей и девушек в фармацевтические вузы.

...На днях я позвонила Татьяне Лукиной:

— Как вам работаете теперь, после победы на конкурсе?

— У меня новость. Назначили заместителем заведующего аптекой, — ответила Таня. — Теперь и ответственности и дел стало больше. Значит, и жизнь интереснее. В выходной иду на лыжах, для работы провизора физическая закалка просто необходима... Да и природа в Подмосковье очень хороша.

Н. МИХЕЕВА

Мерст в по-американские

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

Лишь в конце 70-х годов вскрывается, что штат Аризона, как отмечала специальная журналистская комиссия¹, превращен «мощными группами заинтересованных лиц из сферы организованной преступности, коррумпированных политических структур и бездействующей юстиции» в центр преступной деятельности, влияние которого распространилось на все Соединенные Штаты. Только в двух городах штата — Тусоне и Фениксе — насчитывается более 170 мафиози. Они действовали, как выяснили журналисты, в тесном контакте с «ведущими маклерами власти в обеих партиях». Следы мафии журналистская комиссия обнаружила в жизни самых известных граждан Аризоны: сенатора Барри Голдуотера, его брата Роберта, мультимиллионера, а также их близкого друга, ювелира и бизнесмена Гарри Розенцвейга, который до 1972 года возглавлял в Аризоне партию республиканцев. На протяжении трех десятилетий эти трое не только терпели присутствие мафии и близких к ней гангстеров, но, согласно специальной журналистской комиссии, и «обделяли с ними делишки, причисляя к своим друзьям». Так, один из гангстеров, по словам комиссии, оказывал Голдуотеру существенную помощь в начале его политической карьеры. Это был Вилли Биофф, компаньон Гэса Гринбаума, «короля организованной преступности Аризоны». Гринбаум являлся одновременно другом Барри Голдуотера.

Все эти «проделки» ультраконсерватора Голдуотера не могли быть секретом для Гувера даже при той странной «идиосинкразии», которую он испытывал ко всякого рода деяниям мафии. Ибо кандидат партии на кресло в Белом доме проходит по просьбе руководства партии доскональную проверку ФБР. И то, что без особого труда удалось установить журналистам относительно дружбы Голдуотера и Гринбаума, мог бы обнаружить начинающий сыщик мистера Гувера в Аризоне.

В который раз самым неожиданным и замысловатым образом переплетаются в Америке пути политиков и преступников. Джимми Хоффа — Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди — Карлос Марчелло, Эдгар Гувер — Мейер Ланский, Барри Голдуотер — Гэс Гринбаум и т. д. Как тут не вспомнить еще раз слова Ральфа Салерно о том, что мафия вмешивается в политическую деятельность, лидеры мафии поддерживают дружественных им кандидатов, дискредитируют кандидатов, которые им не подходят, готовы уничтожить, убить политических лидеров, чтобы заменить их другими.

Продолжение. См. «Огонек» № 9—11.
¹ Была создана в 1977—1978 годах из 36 журналистов, прибывших в административный центр Аризоны — город Феникс — со всех концов Америки, чтобы расследовать деятельность местной мафии, уничтожившей аризонского журналиста Дона Боллса.

И все же, как мы указывали, у братьев Кеннеди был план сместить Гувера, который тревожил их той скрытой властью, которую он сосредоточил в своих руках за 40 лет на посту директора политической полиции. Они, как пишет Шлезингер, собирались выпроводить его 1 января 1965 года, то есть через два месяца после президентских выборов. Далласская трагедия, выстрелы, сразившие президента в ноябре 1963 года, расстроили этот план. В 1964 году журналист Энтони Льюис спросил Роберта Кеннеди, считает ли он Гувера неприятным, злым человеком или же по-настоящему опасным лицом. «Нет, — ответил бывший министр юстиции, — я думаю, что он опасен». «Скорее всего он сумасшедший и маразматик, — сказал о Гувере Р. Кеннеди своему биографу Джону Бартлоу Мартину, — я думаю также, что ФБР представляет собою очень опасную организацию... вместе они вызывают... ужас».

Но лишь спустя 7 лет после убийства Роберта Кеннеди журналист Джек Андерсон сообщает, что Гувер признавался начальнику полиции Атланты Герберту Дженкинсу: «Больше всех в мире я ненавижу троих: Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и бывшего агента ФБР Куинна Тамма».

Опасный, ужасный. Самый ненавистный. Такие «комплименты» говорят сами за себя. Невозможно поверить в то, что убийцы президента не знали о чувствах Гувера к братьям Кеннеди. Гувер, как свидетельствуют документы, действительно знал и скрыл от секретной службы по охране президента, что в Далласе 23—24 ноября готовилось покушение. После убийства президента Гувер позволил себе маленькую месть: он ледяным тоном сообщил об этом Роберту, а потом более месяца не звонил и не заходил, вообще игнорировал министра («теперь просто юриста», как сказал Джимми Хоффа). Но ограничилось ли дело лишь этой маленькой мстостью? История пока не дает прямого ответа, но косвенные свидетельства указывают на то, что Гувер вполне мог приложить руку и к большой мести в отношении Роберта Кеннеди, как и Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга.

Во всяком случае, заместитель директора ФБР Клайд Толсон, которого за близость к директору величали «близнецом» Гувера, в год убийства Роберта Кеннеди говорил о нем: «Я надеюсь, что кто-нибудь выстрелит в него и убьет этого сукиного сына».

Слышавший это высказывание другой заместитель директора ФБР, Уильям Салливан, позднее меланхолично заметил: «Трудно сказать, что было у него (Толсона) на уме».

КОНФЛИКТ С РАСИСТАМИ

У Эдгара Гувера, как писал один из его биографов, были инстинкты белого расиста. Он особенно любил отпускать скабрзные шуточки в адрес черных женщин. Читатель мог составить себе представление об отношении Гувера к движению за гражданские права негров. Здесь нас интересует то, как директор ФБР пытался использовать свой вес и влияние для того, чтобы помешать тем шагам, которые администрация Кеннеди вынуждена

была предпринимать в области гражданских прав, дабы сбить накал социально-политической борьбы более чем 20-миллионного негритянского населения.

Характерные особенности отношения Гувера и ФБР к этой проблеме, с которыми столкнулись братья Кеннеди, сложились задолго до их прихода к власти. В 1957 году Гувер сделал доклад на заседании правительства Эйзенхауэра о расовых трениях. На Юге, сказал он, зреет бурное недовольство белых жителей попытками вмешательства в дела их штатов. Они против «смешанного образования», которое «испортит белую расу», тем более, что вслед за ним может наступить «период смешанных браков». Гувер заверил, что так называемые советы белых граждан, являвшиеся главными бастионами расизма, были эдакими невинными и «ненасильственными» организациями, что ку-клукс-клан якобы «выдохся» и не представлял более угрозы неграм. А что касается участников «походов в поддержку интеграции», то они были... коммунистами.

Принимая дела у своего предшественника, Роберт Кеннеди поручил помощникам выяснить вопрос, в какой степени ФБР координирует деятельность с отделом гражданских прав министерства юстиции. За десять дней до официального принятия полномочий, 11 января 1961 года, Роберт Кеннеди получил докладную от одного из помощников. «По-видимому, узкое звено здесь ФБР, — писал Харрис Уофффорд. — Оно фактически не реагирует на просьбы о расследованиях, поступающие от отдела гражданских прав. Более того, у ФБР вообще, кажется, нет никаких следователей-негров. Белые следователи ФБР, имеющие южный акцент, наталкиваются на серьезные трудности: опасаясь их, негры не хотят помогать им».

Через несколько недель состоялся примечательный разговор между Гувером и новым министром. Сколько в ФБР агентов-негров? — спросил Роберт. Мы, ответил директор, не разделяем наших агентов по цвету кожи или исповедуемой вере. Похвально, заметил министр, но все же скажите мне, сколько у вас негров. Внятного ответа не последовало. Харрис Уофффорд был прав: ни одного, если не считать двух «специальных агентов», каковыми числились... шофер и повар Гувера.

«Внутри его ведомство сохраняло цвет белых лилий. Политические причины и расовые предрассудки подтолкнули Гувера отключить ФБР почти полностью от каких-либо расследований, касавшихся нарушений различных гражданских прав американских негров».

Так писал публицист С. Унгар в книге «ФБР», подчеркивая, что в южных штатах ФБР и местная полиция были врагами движения негров за человеческие права. Сторонники расовой сегрегации на Юге смотрели на агентов ФБР как на своих покровителей. В этом воочию смог убедиться вскоре Роберт Кеннеди. Ему показали фотоснимки, изображавшие его сотрудника Джона Сейгенталера, помогавшего ему писать книгу «Внутренний враг», избиваемого южными расистами под отеческими взорами агентов ФБР, стоявших чуть поодаль с блокнотами и карандашами в руках. Эпизод произошел во время протеста против сегрегации на транспорте, в том числе на автобусных

станциях, в мае 1961 года в Монтгомери (штат Алабама). Протест возглавлял Мартин Лютер Кинг, организовавший поездку борцов за свободу по различным городам южных штатов. В одних их забрасывали камнями, в других бросали в тюрьмы. В Монтгомери озверевшие расисты пустили в ход цепи и лопаты, хотели взорвать негритянскую баптистскую церковь. Во всех городах агенты Гувера занимались в лучшем случае лишь фиксированием происходившего.

В 1963 году министр юстиции заявил, что систематическая сегрегация негров в межштатных перевозках на автобусах, поездах и самолетах практически исчезла. Но главная и основная заслуга в этом принадлежала не министерству юстиции, а движению за гражданские права, и досталась эта победа американским чернокожим дорогой, кровавой ценой.

Однако в глазах Гувера и южных расистов причиной отступления сегрегации на одном из фронтов была позиция братьев Кеннеди. Пропаганда расистов на Юге не жалела красок, в особенности когда речь заходила о Роберте Кеннеди. «Кампания рейсов свободы за десегрегацию транспорта на Юге, кажется, не очень повредила президенту Кеннеди... вину здесь возлагают больше на «брата Бобби» в кресле министра юстиции», — писал политический обозреватель Сэмюэл Лубелл.

Пребывая в состоянии расистского шовинистического угара, мракобесы и «средние» американцы на Юге либо не могли, либо не хотели понять смысл стратегии братьев Кеннеди, которые вслед за десегрегацией автобусов (и то не всех, а только идущих из одного штата в другой), поездов, самолетов приступали к десегрегации избирательных участков, а не жилья, например, как того требовали прежде всего черные американцы. Они не видели или не хотели видеть, что братья старались сдерживать движение, сократить и свернуть вообще митинги, протесты, марши свободы. Кеннеди боялись перерастания этих форм сопротивления в активную наступательную борьбу, которая затронула бы не только моральные, нравственные устои расизма, но и жесточайшую экономическую эксплуатацию капиталом миллионных негритянских масс.

Радикальная часть негритянского движения предъявляла братьям Кеннеди суровые обвинения. Лидеры студенческого координационного комитета ненастоящих действий подстрекали их в желании «убить движение, переведя его в другое русло».

«Это была попытка, — пишет негритянский историк Винсент Хардинг, — убрать ниггеров с улицы. Кеннеди, вероятно, осознали, что постоличные уличные протесты могут повести к разрыву материальной ткани общества... Видимо, они смертельно боялись этого».

Братья Кеннеди призывали к мирным переменам в обществе. Роберт Кеннеди доказывал, что регистрация черных избирателей принесет больше результатов, чем демонстрация. «В этом контексте, — вспоминал Роберт Кеннеди, — я имел несколько разговоров с Мартином Лютером Кингом. Думается, что он обиделся».

У Кинга было смешанное отношение к стратегии братьев Кеннеди. Он высоко оценил заявление Роберта Кеннеди в 1962 году, что борьба за гражданские права получает приоритет над вопросами внутренней безопасности и борьбы с организованной преступностью. «Нынешняя администрация, — говорил Мартин Лютер Кинг, — предприняла некоторые конструктивные шаги по сравнению со своими предшественниками. Но все же грустным фактом является то, что правительство добивается лишь ограниченных целей символической интеграции».

После марша негритянских борцов на Вашингтон летом 1963 года и беседы с президентом Кеннеди Мартин Лютер Кинг заметил, что у президента достаточно понимания негритянской проблемы, достаточно политического опыта и мастерства добиваться ее решения, но у него не хватает «моральной решимости».

Другой негритянский лидер, Бэйнард Растин, после того же марша отозвался менее лестно о хозяине Белого дома. «Кеннеди, — заметил он, — хитрейший политикан, который в последнее время восседал в Белом доме. Он приглашает к себе негритянских лидеров

и говорит им: я хочу помочь вам получить ассигнования с тем, чтобы негры могли голосовать. Это поклон в нашу сторону. Затем он поворачивается и кланяется южным расистам и дает им южных расистских судей, которые засучивают рукава, и в результате деньги, полученные неграми, не приносят пользы».

Критика со стороны негритянских борцов распространялась и на среднего брата Кеннеди. «В течение какого-то периода, — констатирует Артур Шлезингер, — Роберт Кеннеди стал почти таким же непопулярным среди борцов за гражданские права, как и среди сегрегационистов».

Иначе и быть не могло. Прямолинейность была не в характере братьев Кеннеди. Раздвоенность в угоду политическим целям — и по отношению к Гуверу и по отношению к проблемам расизма, дискриминации, десегрегации — не уменьшала число их врагов или интенсивность их антагонизма, а лишь усиливала лагерь антиккеннедиевцев, влекла неумолимо к краю пропасти.

Но критика и недоверие со стороны негритянских лидеров меркнут по сравнению с накалом злобы и ненависти в противоположном лагере. Чувства достигали высшего накала по мере того, как движение за гражданские права стремилось взять новые барьеры, стоявшие на пути равенства, втягивая в борьбу министерство юстиции. «Я надеюсь, — сказал мэр Бирмингема Артур Хэйнс, предварительно обругав публично Роберта Кеннеди, — что он захлебнется в крови, которая пролилась в нашем городе, и таким путем найдет себе смерть».

Что же произошло в Бирмингеме? Мартин Лютер Кинг прибыл в этот южный расистский город, чтобы добиться десегрегации магазинов и закусочных. Начальник полиции Коннор бросил его в тюрьму, но через десять дней после вмешательства братьев Кеннеди был вынужден выпустить. Кинг возглавил демонстрации в городе, в которых участвовали школьники. Против них Коннор бросил полицию с собаками и пожарными брандспойтами. Расисты забросали гранатами дом, где проживал младший брат Кинга, а также мотель, в котором находился штаб движения. Возмущенные негры беднейших кварталов вышли на улицу и дали суровый отпор расистской полиции, белым «сверхчеловекам». Такого взрыва черного гнева не знал до этого Юг Америки.

Движение за гражданские права вселяло все больше страха в правящие классы. Братья Кеннеди настаивали на необходимости уступок со стороны бизнеса, чтобы выпустить пары социального протеста из негритянских масс, не допустить вызревания революционных настроений. Это отчетливо видно в методах урегулирования ими кризиса, возникшего в связи с попытками черных юношей и девушек поступить в сегрегированный университет штата Алабама.

В столицу штата для конференции с губернатором, расистом Джорджем Уоллесом прилетел Роберт Кеннеди. Позиция Уоллеса была выражена им ранее и включала в себя знаменитую формулу: «Сегрегация ныне! Сегрегация завтра! Сегрегация навсегда!» Роберт предпринял маневр, он приказал обзвонить всех предпринимателей штата и убедить их оказать нажим на Уоллеса, чтобы избежать кровавых сцен, которыми сопровождался прием черного студента Джеймса Мередита в университет штата Миссисипи. Именно давление бизнеса, сопровождавшееся федерализацией национальной гвардии штата, сломило сопротивление сегрегациониста.

Нужно сказать, что губернатор штата Миссисипи Росс Барнетт оказал серьезное сопротивление. Он отвел из расположения университета полицию штата. В результате расисты городка Оксфорд, где находится университет, и близлежащих графств забросали камнями федеральных судебных приставов. Братья Кеннеди были вынуждены послать туда армейский батальон, что вызвало негодование на Юге. Но показательно другое: пентагоновцы старались саботировать это решение, задержали прибытие батальона на место на много часов, дав возможность озверевшим расистам изувечить не одного судебного пристава.

Опыт, полученный в стычках с расистским Югом, не прошел даром для Роберта. Он понял, насколько сильны предрассудки и как далеко готовы зайти сегрегационисты. «В дни кризиса с миссисипским университетом, — вспоминает Артур Шлезингер, — министр юстиции сказал мне, что теперь он лучше понимает, как Гитлер взял в свои руки Германию. Поясняя свою мысль, Р. Кеннеди сказал, что каждый в Миссисипи принимает на веру любое слово, произносимое Барнеттом¹. Нет возражений ни со стороны профессоров, ни со стороны людей каких-либо профессий».

В день капитуляции Джорджа Уоллеса президент Джон Кеннеди решил выступить по национальному телевидению, полагая, что это подходящий случай показать, что он не боится «мятежников Юга», что он в седле и крепко держит бразды правления страной. Но в тот же вечер белый убийца застрелил друга Джеймса Мередита — Медгара Эверса в Миссисипи. Эверс был активным борцом за гражданские права, помог организовать среди негров кампанию в поддержку принятия Мередита в университет. Это было политическим убийством. На похоронах в Джексоне один из лидеров Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, Рой Уилкинс, сказал, что один человек нажал на спусковой крючок, но «винтовку вложила ему в руки южная политическая система». Похороны происходили на Арлингтонском кладбище столицы, так как Эверс был ветераном войны. На кладбище Роберт Кеннеди сидел с братом Эверса — Чарльзом. После похорон президент под руку отвел вдову и детей Эверса в Белый дом, где те провели день.

Но эти знаки внимания братьев к неграм, не ускользнувшие от прессы, не могли задобрить воинственно настроенных черных борцов. Через несколько дней после убийства Эверса перед зданием министерства юстиции состоялась гневная демонстрация. Ее участники в кратких дерзких выступлениях разделили под орех Роберта Кеннеди, который вышел к ним и ничего не мог возразить.

Вскоре в церкви знакомого нам Бирмингема были убиты взрывом четыре негритянские девочки. По этому поводу на следующий год Р. Кеннеди делает примечательное заявление: «Ответственность за бомбы, может быть, ложится и на тех двух кулуксклановцев. Но в конечном анализе... ответственность падает на губернатора Барнетта, и Джима Истлэнда, и Джона Стенниса², и деловые круги... Ответственны Джордж Уоллес, и политические и деловые лидеры, и газеты. Они все могут порицать это, но именно они создали климат, который сделал возможными подобные акции... Именно они несут основную вину, а не те глупцы, которые думают, что они стали национальными героями, взявшись за эти дела».

Даже человек, не знающий во всех тонкостях биографии Роберта Кеннеди, всех перипетий его взаимоотношений со своими недругами и заклятыми врагами, легко догадается, что такого заявления «джентльмены» белого Юга простить ему не могли. И хотя оно было сделано журналисту Э. Льюису для будущей, так называемой устной биографии, в Вашингтоне подобные секреты долго в тайне не остаются.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Взрывоопасные проблемы внутренней политики, которыми занимался Роберт Кеннеди, наложили отпечаток на его отношения с определенными группами политических деятелей. В ряде случаев они оказались серьезно подпорчены, тактика и методы Роберта Кеннеди пугали сверх меры.

Гувер и его единомышленники боялись потерять власть над «невидимой империей», как называли в те годы ФБР и подвластную ему полицейскую сеть во всех штатах. Южный расизм, в котором Роберт Кеннеди узрел черты гитлеровского фашизма, напоминал раненого зверя, изготовившегося показать всю силу сво-

¹ Барнетт твердил, что Мередита «проталкивают» в университет коммунисты. Он твердил, что скорее готов пожизненно пребывать в тюрьме, нежели допустить негра в университет и «федеральную тиранию» — в штате.

² Истлэнд, Стеннис — сенаторы-демократы от штата Миссисипи.

их клыков и ногтей. Мафия, национальный синдикат преступности жужжали, как разоренные ульи пчел, способных жалить смертельно.

В такой ситуации возникает вопрос: если одна из этих групп или комбинации групп решили уничтожить одного за другим двух братьев Кеннеди, носило ли их решение принципиально политический характер или же было тем, что называют сведением счетов? Было ли оно запланированным, целеустремленным или роковым, неизбежным и в чем-то случайным, как утверждают некоторые в США? Нам кажется, что если оно и выглядело случайным, то лишь потому, что планировавшие оба убийства хотели, чтобы таковым оно врезалось в память современников и от них перешло в таком виде, как по эстафете, к следующим поколениям. Думается также, что правы те американские историки и независимые расследователи, кто не исключает участия в «преступлении века» в Далласе и в его лос-анджелесском повторении ни ФБР, ни южных расистов, включаемых ими в более широкую категорию «ковбоев» (ультраправых фанатиков), ни мафии. И, конечно же, ЦРУ, к чему мы подходим в нашем рассказе.

ПАУТИНА ИНТРИГ

Широко известный факт: ЦРУ мстило братьям Джону и Роберту Кеннеди и продолжает мстить им после смерти. Официальной пропаганде не удалось выправить из сознания многих американцев их убежденность, что ЦРУ приложило руку к убийству президента. Джим Гаррисон, окружной прокурор Нового Орлеана, считал весьма вероятным, что определенная клика в ЦРУ, несущая ответственность за убийство президента, повинна и в расправе над Робертом Кеннеди.

Вот отрывок из беседы Джима Гаррисона с публицистом П. Фламмондом.

Гаррисон: «Часто люди работают на ЦРУ и не знают этого. Например, человек может думать, что он работает, скажем, на движение «Арабы за мир во всем мире» (намек на Сирхан Сирхана.— Прим. авт.), а на самом деле он финансируется ЦРУ и контролируется ЦРУ, и ему могут внушить какой-нибудь мотив для убийства... Если бы Роберт Кеннеди потерпел поражение на первичных выборах в Калифорнии, он был бы жив сегодня; своей победой он становился на пороге возвращения в самого крупного политического деятеля Америки с отличным шансом выйти в президенты».

Фламмонд: «У вас нет сомнений, что он (Роберт Кеннеди) возобновил бы все дело об убийстве (Джона Кеннеди)?»

Гаррисон: «У меня нет никаких сомнений на этот счет. И тот факт, что его убрали так стремительно, свидетельствует о крайней жестокости какой-то клики внутри ЦРУ. В том, что касается Роберта Кеннеди, у нее не было альтернативы. Я уверен, что они неохотно, но вынужденно пошли еще на одно убийство. Однако они не могли рисковать, допуская, чтобы он стал президентом».

Ведь эта клика знала, что после выстрелов в Далласе Роберт без обиняков спросил директора ЦРУ Маккоуна, «не ЦРУ ли убило президента». Читатель, наверное, согласится, что один лишь этот вопрос означал многое. Маккоун заверил Роберта Кеннеди, что ЦРУ здесь было ни при чем. Тем не менее президент Линдон Джонсон в 1967 году высказал заместителю директора ФБР К. Делуучу свое «убеждение», что ЦРУ было «как-то замешано в этом заговоре». Об этой убежденности Джонсона впервые сообщила газета «Вашингтон пост» в номере от 13 декабря 1977 года.

На примере южного штата Луизиана и в меньшей степени на примере другого южного штата — Флорида — Джим Гаррисон показал, как ЦРУ использует в своих внешних и внутренних операциях расистов, консерваторов-фанатиков, мафию, контрреволюционных кубинских эмигрантов. Разумеется, особенно одиозно выглядел союз «рыцарей плаща и кинжала», которых изображали как защитников свободы и демократии, с мафиози, королями торговли наркотиками.

Согласно американским авторам, ЦРУ, не брезгуя «никакими щелями и порами», внедрялось и в ФБР. В результате оно приобрело способность, когда необходимо, вести этот орган по своему компасу. Гувер это знал и якобы брыкался руками и ногами, но в конце концов, будучи обложен в собственном

ведомстве со всех сторон агентурой ЦРУ, смирился с этим. ЦРУ, таким образом, нарушало (в который раз!) закон 1947 года о создании разведки, очертивший ей оперативное поле деятельности за пределами США.

Эти замечания вовсе не означают, что каждая из названных группировок не могла действовать в отношении Кеннеди самостоятельно. Однако нельзя исключать, что ЦРУ приложило руку, чтобы подтолкнуть ту или иную группировку, приложило достаточно незаметно, чтобы для некоторых Освальд казался лишь орудием ультраправой организации Далласа, а для других — агентом ФБР. То же самое и с Мартином Лютером Кингом: на поверхности дело выглядит так, что расправа над ним была учинена белыми расистами или ФБР, а Джим Гаррисон, с его опытом расследования механизма политических убийств, настаивал, что Кинг стал жертвой ЦРУ.

Если исходить из факта, что в ЦРУ были недовольные братьями Кеннеди и что они могли мстить им, то возникает вопрос: в чем, с точки зрения разведки, были «грехи» Роберта Кеннеди?

Начнем с того, что у ЦРУ был мощный союзник, недовольный некоторыми аспектами внешней политики администрации Кеннеди, проистекавшими, по его мнению, из неправильного влияния среднего брата — Роберта на старшего — президента. Этим союзником был Комитет начальников штабов, состоящий из командующих сухопутными войсками, авиацией, флотом и морской пехотой.

Военные и ЦРУ затаили плохо скрытую злобу на Джона Кеннеди, когда он не разрешил флоту и авиации США активно поддерживать в апреле 1961 года организованное ЦРУ с помощью Комитета начальников штабов вторжение на Кубу бригады наемников. Пентагон решил, что второй случай нанести удар по Кубе и уничтожить «революционную заразу» в 90 милях от берегов США представился осенью 1962 года во время Карибского кризиса, спровоцированного ЦРУ и военной и за который поначалу с удовольствием ухватились братья Кеннеди. Предлогом послужило наличие на Кубе советского ракетного оружия среднего радиуса действия, предназначенного для обороны острова Свободы.

Белый дом утверждал с голоса разведки, что советские ракеты на Кубе якобы носят «наступательный характер» и представляют для США «нетерпимую угрозу». Президент Кеннеди дал военным «зеленый свет» на составление планов: 1) бомбардировок острова (те потребовали сразу же 500—800 самолетов-вылетов), 2) десанта на остров и 3) военно-морской блокады.

В обсуждении трех альтернатив действий принимала участие узкая группа наиболее ответственных лиц Пентагона, ЦРУ, Совета национальной безопасности и государственного департамента. В нее входил и Роберт Кеннеди. Мнения в ней разделились.

Именно в те дни в американском политическом лексиконе родились слова, которые активно используются и по сей день. Группа стратегов распалась примерно на две равные группировки. «Ястребы» требовали воздушного нападения на Кубу, уничтожения находившихся там ракет. «Ястребом в квадрате» называл себя сам генерал Максвелл Тэйлор, председатель Комитета начальников штабов. Он допускал даже мысль об использовании ядерного оружия против Кубы. «Ястребам» противостояли «голуби».

«Роберт Кеннеди был с самого начала «голубем», — пишет Артур Шлезингер. — Слушая стенания «ястребов», требовавших бомбежек острова, он написал знаменитую записку Соренсену: «Я теперь знаю, что испытывал Тодзио, когда он планировал внезапное нападение на Пирл-Харбор». Его союзниками были Макнамара, Гилпатрик, Болл, Л. Томпсон, Соренсен, Стивенсон и Ловетт»¹.

Продолжение следует.

¹ Макнамара — министр обороны, Гилпатрик — его заместитель, Болл — заместитель государственного секретаря, Л. Томпсон — бывший посол США в СССР, Стивенсон — постоянный представитель США при ООН, Ловетт — бывший министр обороны.



КНИГА ОБЛИЧАЮЩЕЙ СИЛЫ

В книге журналиста-международника Владимира Большакова «Бизнес на правах человека» излагаются факты и документы, свидетельствующие о коварных психологических операциях, которые ведут против СССР те, кто хотел бы вернуться к мрачным сумеркам «холодной войны». Автор показывает, как же на самом деле обстоят дела с соблюдением прав человека в тех капиталистических странах, руководители которых фарисейски обвиняют мир социализма в нарушении этих прав.

Большое количество фактического материала, подробные ссылки на источники говорят о том, что перед нами серьезное научное исследование. В то же время яркая публицистическая заостренность придает документальным строкам работы дополнительную обличительную силу. Так, в книге убедительно раскрыто, что анти-советская кампания «за права человека» была развязана президентом Картером, чтобы создать в международных отношениях полюс напряжения, противостоящий разрядке. Участие в этой кампании стало своего рода «эталонном благонадежности». В то же время книга открывает занавес над американской действительностью, насыщенной самым грубым пренебрежением к подлинным правам человека. Подобным же образом обстоит дело с правами человека повсюду, где правит капитал.

Нередко с дискриминацией своих прав встречаются и советские журналисты, работающие в капиталистических государствах. Это особенно следует подчеркнуть сейчас, когда продолжает работу мадридская встреча.

Тема прав человека проходит через многие выступления В. Большакова. В разных ракурсах мы находим ее на страницах его более ранних работ, таких, как уже известные широкому читателю книги «В поисках свержения», «Бунт в тупике?», «Сионизм на службе антикоммунизма». К такого же рода работам следует отнести и его другую недавнюю книгу «На скоростной дороге не останавливаются», проникнутую огромной симпатией к трудовым людям Австралии, где автор несколько лет провел в качестве собственного корреспондента «Правды».

«Изучение «свободного мира», — пишет В. Большаков, — многому учит. В первую очередь тому, что между провозглашенными им «свободами» и реальной действительностью — дистанция огромного размера».

Глубоко прав автор, когда он показывает на документах и фактах, что нет такого преступления, перед которым бы капитал остановился. Но человеческая природа такова, что сила справедливости неизменно противостоит злу. В наше время эту силу олицетворяет социализм. И она, эта сила, неизбежно победит.

А. АГАРЫШЕВ

Владимир Большаков. Бизнес на правах человека. М., «Мысль», 1980.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Жизнь устроена так дьявольски искусно,— писал Горький,— что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить...» Пожалуй, одним из самых зримых подтверждений этих слов в мире искусства является судьба и творчество художника Ван Гога, бытие которого является сгусток яростных противоречий, жестоких разочарований и столкновений с буржуазными буднями, заставивших мастера невероятно напрячь все силы своей души и создать неповторимый, колючий, поражающе острый, своеобразный ряд картин, раскрывающих нам удивительный процесс рождения любви к прекрасному, как результат трагической борьбы света и тьмы. Ван Гог пророчески писал: «...Мы живем в последней четверти века, который завершится грандиозной революцией... Важно одно: не поддаваться лживости своей эпохи или, во всяком случае, уметь почувствовать ее нездоровую, удушливую, унылую атмосферу, которая обычно предшествует буре».

Десять лет в многовековой истории живописи — это миг. И, однако, всего десятилетие разделяет жаркое лето 1880 года, когда счастливый Винсент Ван Гог напишет своему брату Тео, что он начал серьезно заниматься искусством, от того поистине страшного лета 1890 года, когда истерзанный лишениями, измученный неистовым трудом, смятенный сомнениями художник уйдет из жизни. Десять лет! Но за этот срок Ван Гог успеет шагнуть в вечность и станет в ряд с великанами живописи. Это было, пожалуй, самое стремительное восхождение к сияющим вершинам творчества...

30 марта 1853 года у Ван Гогов родился сын. Они нарекли его Винсентом, по имени дедушки-пастора. Винсент — значит Победитель. Если бы родители знали судьбу своего сына, они бы не настаивали на этом имени: слишком много при жизни его было поражений и слишком мало удач. Так казалось. Но время рассудило по-своему.

...Торфяники, пески, стонет влажный ветер, хлопает ставнями маленького пасторского домика. Серое скучное небо. Поросшая вереском пустошь. Вот неприглядный портрет земли, которая вскормила маленького Винсента. Он рос в окружении младших детей — брата и сестер. Был нелюдим. Угрюмый, ершистый, с рыжими волосами, ребенок производил странное впечатление. Особенно отпугивали скромных бюргеров глаза мальчика, узкие, чуть раскосые, с недобрим зеленоватым блеском... В восемь лет начал рисовать. Даже в столь юном существе угадывался склад недюжинный. Ван Гог был крепко скроен, и сверстники его побаивались. Рос он, не играя и не дружа ни с кем: необузданный, вспыльчивый нрав нередко приводил к внезапным приступам яростного негодования, казалось, по пустякам. В чем Винсенту трудно было отказать, так это, пожалуй, в редкой самостоятельности, в выборе того, что нравится или не нравится. Конечно, на фоне маленького прихода с устоявшимися веками порядками Ван Гог был своеобразным мальчишкой, и когда пошел в школу, то скоро отцу пришлось взять его домой — так круто и нелепо повел себя сын. Но несправедливо рисовать будущего художника лишь как злоку и грубияна. Он любил природу. Обожал своего младшего брата Тео, которому позже суждено было сыграть главную роль в жизни художника. Тео — славный, уживчивый, скромный, нес в себе добрые традиции Голландии.

Винсенту минуло шестнадцать лет, он провел несколько лет в пансионах. Много читал. Рисовал. Учился не блестяще... Семья решила, что юноше надо идти по стопам дяди Сента и работать продавцом картин. Получив рекомендательное письмо от дядюшки, он едет в Гаагу. Вскоре пишет брату Тео: «Это великолепное дело, чем дольше служишь, тем лучше хочется работать». Эти слова сказаны уже «новым Ван Гогом». Фирма «Гупиль» впервые свела его с искусством, и он был очарован картинами, полотнами, блестящим лаком, запахом красок. Быстро заразил этой привязанностью Тео, и брат идет по его следам, едет в Брюссель, в филиал той же фирмы по продаже картин — «Гупиль».

В ранние годы сложились отношения, которые помогли одному из самых оригинальных и ярких явлений конца XIX века — искусству Винсента Ван Гога. Оно едва ли могло появиться, не имея живописца поддержки в лице единственного «мецената» — Тео, безоговорочно верившего в гений брата и делившегося деньгами — скромными, но достаточными, чтобы жить и творить. Но это было позже. Пока будущий мастер проходил свою жизненную школу. А она была не проста. Ох, как не проста!

Ван Гог в двадцать лет представлял фирму «Гупиль» в Лондоне. Это широкоплечий, энергичный парень в хорошо сшитом костюме и цилиндре. Дела идут. Он любит искусство. Живет им. Восхищается Констеблем, Гейнсборо, Тернером.

Судьба предложила первое испытание Ван Гог: он влюбился в Урсулу, дочь хозяйки квартиры, где снимал комнату. Когда после долгих дней идиллического ухаживания он набрался смелости объясниться

в любви, она подняла на смех неуклюжего увальня из Бранбанта. Первая драма в жизни Винсента, но далеко не последняя. Отчаяние, стыд и неостывшая страсть словно его подменили. Он снова стал угрюм, рассеян, неприветлив. Хозяева фирмы узнали обо всем. Решили помочь юноше — послали его в Париж... Столица Франции. Монмартр. Первая выставка импрессионистов. Скандал вокруг Клода Моне и его друзей — все это не трогает Винсента. Он не может забыть Урсулу. История доходит до того, что хозяева освобождают нерадивого приказчика от работы. С 1 апреля 1876 года он уволен.

Начинается страдный путь Ван Гога. Он был проповедником в Англии, продавцом в книжной лавке Дордрехта и, наконец, отрешившись от жизни мирской, оказался в Амстердаме, в богословской школе, но вскоре бежал и от этой мертвой зубрежки. Не проходит года, как он уже читает Евангелие бельгийским шахтерам. Городок Боринаж изгоняет его как безумца... Рок предлагает Винсенту самые крутые повороты, и он приемлет их. Кажется, катастрофа близка. Один, не понят, изгнан. И тут появляется его ангел-хранитель — Тео! Он уговаривает брата заняться искусством — писать, он высылает ему первые пятьдесят франков. Ван Гог начинает наконец дело своей жизни. Сперва вроде бы нехотя, а потом с неистовой страстью, которая дремала в нем.

В июле 1880 года художник пишет Тео. (К счастью, переписка братьев сохранилась.) Это послание в пятьсот строк. Между ними мольба о помощи. «Я не в силах выразить,— вскоре сообщает он Тео,— как я счастлив, что снова взялся за рисование». Дилетант, с огромным самомнением и мощнейшим темпераментом, он бешено трудится над овладением профессией — копирует, рисует с натуры, компоует. Сперва неуклюже, грубо, угловато. Но сила, ярость дарования пробивается через оболочку неуверенности и ученичества. Перспектива, анатомия, рисунок, цвет, пластика... Земля обетованная лежала перед ним. С усиленным гиганта Ван Гог делает шаг от незнания к мастерству. В первых рисунках, которые он показал своему дальнему родственнику Мауве, были такие задатки, что модный художник был потрясен. В замусоленных листах просматривались, при всей их примитивности, мощь светотени, силуэта, первичность видения. Эти наброски взлетели позже из мрака в свет мирового признания, правда, посмертно. Буквально осязаешь всю нечеловеческую силу прозрения, которое наступило у взрослого, сложившегося человека, прожившего без малого тридцать лет.

Винсент Ван Гог пишет брату: «Тео, какая великая вещь — цвет!» В этом крике души — вся бездна отрадного и страшного опыта, который предпринял Винсент: он пытается осуществить мечту гетевского Фауста. Зрелый мужчина как бы становится вновь юным по первичности взгляда на мир. Опыт происходил в реальной Гааге, в довольно банальном художественном кругу, с обычными представителями богемствующих резонеров, дельцов, карьеристов, пытающихся, фехтуя кистью и палитрой, пробиться «в свет». Этот мир неудачников и талантов, добрых и злых людей стал вскоре ясен новичку Винсенту, на первых порах поверившему было в святость дружеских объятий и поцелуев. Но он быстро разобрался в лживости буффонад юродствующих фигляров, хладнокровных дельцов и почувствовал себя еще более одиноким, чем был до знакомства с ними.

Природа толкнула его к союзу с Кристиной — измученной, истертой жизнью, беременной, больной, с тремя детьми. Син — так называл ее художник. Его связь мгновенно стала достоянием сплетен. «Дока- тился! — шипели вокруг. — Взял девку с улицы». Живописец делает свой вывод: «Научиться страдать, никогда не жалуйся,— это единственный практический урок, великая наука, которую надо усвоить». Наступает нервное истощение, и он ложится в лечебницу. Но больничная койка не мешает мечтать. «Я хочу делать такие рисунки, которые пора- зят многих людей, в них я вложу частицу моего сердца». Убежав вскоре из больницы, он берется писать маслом. Винсент говорит Тео: «Когда я пишу картину, я чувствую, как в моем сознании рождаются красочные видения... полные широты и силы... Создавать,— с горечью продолжает Ван Гог,— все равно, что пробиваться сквозь невидимую железную стену, отделяющую все то, что ты чувствуешь, от того, что ты способен передать». И вот художник мощью своего дара пробивает эту «железную стену». Винсент бежит из Гааги. Впереди черная бездна неизвестности и одиночество.

Однажды он написал: «Самое художественное — это любовь к людям». Гуманизм, доброты взгляда на мир, несмотря на личные несчастья и невзгоды,— вот что отличает Ван Гога. Чем страшнее и невыносимее тяготы, предлагаемые судьбой, тем острее, победоноснее горят краски на его полотнах. Тропа новатора... Путь художника проходит по Земле, но дорога упирается в Вечность. Винсент, пожертвовав собой — здоровьем, самой жизнью,— бесстрашно пробился к победе.

Винсент Ван Гог. АВТОПОРТРЕТ.





Винсент Ван Гог. ЖАТВА В ПРОВАНСЕ.

Он хотел постичь причины движения — цвет, формы, динамику, экспрессию натуры. Его не понимали, над ним смеялись. Но он, подобно быку в ярме, пахал и пахал свое поле. Борозды его кисти лежат на холстах — грубо, коряво, но разительно правдиво и художественно. Мы будто чувствуем удары пульса живописца — так обнажена манера письма, так открыт метод, так поражает суть вещей в полотнах Ван Гога. При всей непривычности его искусство, подвергавшееся поношению в те давние времена, сегодня глядится как гармоничная, почти классическая живопись, но с элементами какой-то таинственной самобытности. На миг представим себе яркую радугу, которая могла бы упасть с неба на землю, неся в себе все краски жизни, — вот ткань лучших полотен Ван Гога; каждое из них — всего лишь часть радуги — сложной, ясной, чистой. Ван Гог прошел великую школу традиций Рембрандта, Делакруа, Милле, Рейсдаля, Коро, Мане, Моне и других больших мастеров. Секрет взрывчатости его холстов не в нарушении традиций, а в их продолжении. Новая красота полотен Винсента в огромном напряжении видения, в колоссальной строгости отбора.

...С пепелища своей жизни с Син Ван Гог бежит к отцу в брабантский городок Нюэнен. Это — возвращение блудного сына, измученного, сломленного стыдом, беспомощного. Снова столкновение с миром традиций страшного буржуазного уюта. Пария не был принят. «Ты не зарабатываешь денег» — вот лейтмотив каждой беседы. «Дома меня побавляются, как побавляются пустить в комнаты большого лохматого пса. Он войдет и наследит своими грязными лапами»... И это пишет художник, картины которого через четверть века будут стоить миллионы франков.

Мастер продолжает свои студии. Неделями рисует руки, башмаки, пейзажи, не теряя ни минуты. Еще один внезапный удар: умирает отец. Ночью у тела покойного сын шепчет: «Мне легче умереть, нежели жить. Умереть тяжело, но жить еще тяжелее».

Винсент порывает с семьей. Отказывается от своей доли наследства. Слишком велик разрыв между ним и всеми остальными. В эти дни он работает над своей первой композицией. Картина «Едоки картофеля» — гимн нищете. Мрачное полотно, изображающее тупик в жизни людей, измученных нуждой и непосильным трудом. Винсент собрал ворох негодующих отзывов об этой своей работе.

Он покидает враждебный Нюэнен, едет в Амстердам и первым делом спешит в музей. У холстов Рембрандта восклицает: «Нужно умереть несколько раз, чтобы написать такие картины!» Три дня безвыходно он провел в музее у холстов Рембрандта, Франса Хальса. «У Хальса по меньшей мере двадцать семь черных тонов. Он четко заявляет свой сюжет сразу, за счет максимального напряжения всех сил ума». Наконец Ван Гог уезжает в Антверпен. Он пишет Тео: «Есть нечто необыкновенное в ощущении, что ты должен ринуться в огонь. Как-никак мы пришли в этот мир не только для того, чтобы наслаждаться жизнью. Продолжай писать, сделай для начала сто этюдов, а если этого мало — сделай двести. Художник должен быть художником и ничем больше».

И снова Ван Гог принимает решение, которое поворачивает его жизнь. В марте 1885 года он в Париже. После печального опыта с учебной в антверпенской Академии Винсент радостно вторгается в мир Монмартра. Здесь он записывается в мастерскую к Фернану Кормону, известному мэтру парижского Салона, изготовлявшего довольно банальные полотна на исторические темы. И поэтому не надо удивляться, что вскоре Ван Гога здесь постигло горькое разочарование. Он говорит, негодуя: «В дешевой мастерской учат писать так же, как и учат жить, — поддельная правда и интрига». Ван Гог подружился с Лотреком, вместе ходили рисовать гипсы. Вскоре к ним присоединился Эмиль Бернар. Но, как и следовало ожидать, Винсент уходит от Кормона. С ним покидает это «святилище древностей» и Тулуз-Лотрек. Кончилось, ушло навсегда школярство... Тео ближе знакомит брата с искусством Мане, Сислея, Писсаро. Ван Гог сражен. Вот то, что он ищет. Вот где царит цвет! Винсента захватил Париж — эта вечная карусель живых и пестрых впечатлений. Столица мастеров пленэра, только недавно пережившая бунт импрессионистов. Он встречал зори на Монмартре, писал в Булонском лесу, бродил по городу.

Ночь. Ван Гог идет по набережным Сены. За ним по воде бежит лунная дорожка. Огромной темной глыбой встал перед ним Нотр-Дам. Ситэ... Остров, где каменной легендой застыл собор средних веков. Винсент подошел ближе к храму. Каменные химеры будто раскрыли зловещие пасти и глядели со своей недостижимой высоты. Художник вздрогнул. Ему показалось, что собор двинулся и поплыл, как древний фрегат, мимо него в века. В этот миг он с какой-то пронзительной ясностью ощутил свою малость. Ничтожность усилий, которые прилагает, чтобы покорить искусство. Луна зашла за тучу. Исчезла бегущая дорожка мерцающей воды.

«Нет, я рано сдаюсь. Надо бороться, бороться до конца. И тогда люди запомнят тебя, твои создания, твою любовь к ним». «Мне нужна только победа», — сказал громко. Гулкое эхо в ночной тишине принесло слова обратно.

«Беда», — услышал Винсент.

«Ах, эти старые храмы, — всегда вокруг них витают призраки».

Порыв холодного ветра сорвал шляпу, и он побежал за ней. Вмиг пропала напряженность. Встречный мужчина в длинном плаще поймал шляпу и со смехом вручил Винсенту.

— Не теряйте голову, пригодится, — пробасил он.

— Спасибо, — ответил художник.

Ван Гог остановился. Луна четко обрисовала Париж, громаду домов, шпилей, куполов... Мастер поглядел на черные баржи, похожие на огромных спящих рыб. В эту торжественную летнюю ночь он наконец поверил по-настоящему в свои силы и в свое призвание. Исчезли сомнения, он перестал бояться встреч с коллегами по искусству.

Происходит парижское свидание, которое войдет в жизнь мастера и приведет со временем к трагедии. Ван Гог и Гоген... Два апостола новой живописи узнали друг друга в 1887 году. Винсент был сражен мощью, талантом и судьбою живописца Гогена, бросившего в тридцать пять лет жизнь буржуа и сменившего фрак на блузу художника.

Париж все же утомлял и расшатывал без того слабое здоровье Ван Гога. Для окружающих он стал невыносим. Тео с горечью пишет сестре: «В нем уживаются как бы два человека: один — на редкость одаренный, чуткий, добрый, другой — эгоистичный и жестокий. Конечно, он сам себе враг, потому что отравляет жизнь не только другим, но и самому себе». Кризис назревал. Кредит у папаша Танги — продавца картин, дававшего Ван Гогу краски под его будущие полотна, закрыт. «Тамбурин» — полукафе-полупритон с вальяжной хозяйкой Агостиной Сагаторе обанкротился, и с молотка вместе с обстановкой пошли и картины Винсента по одному франку за десяток полотен.

Винсент мечтал об отъезде. Куда?

Прованс. Вот где можно «померяться кистью с солнцем». И опять у Ван Гога ощущение: «иду в пламя...» Никто не знал, что будущий великий художник уже носил в душе зародыш нового — еще невиданного по энергии и пластике цвета. Его Голгофа была впереди, и он, предчувствуя беду, все равно шел ей навстречу, высоко подняв гордую голову. Его дерзкие глаза лихорадочно блеснули. Прощай, Париж! Прощайте, блестящие салоны, великолепные ателье — все, все, созданное не для него. До свидания, серое парижское небо; свинцовая Сена, угрюмый Нотр-Дам.

Арль встретил Ван Гога зимней стужей. Дул ледяной мистраль, толстый слой снега покрывал городок. Кто бы мог подумать, что это «столица солнца». Голубые обледенелые горы обступили Арль, и Винсенту показалось, что он видит японскую гравюру.

Как ужасен этот мороз. Влажный ветер делал холод невыносимым. Мастер мечтал о тепле, весне. Ах, Прованс, ты зло подшутил над живописцем. Но вот зима прошла. Могучее южное солнце вскоре показало свою неукротимую силу. Вмиг все зацвело, и художник пишет великолепные розовые сады. Десятки шедевров выходят из-под его кисти. Все страсти, бушевавшие в Винсенте последние годы, благополучно обрели выражение в дышащих свежестью, чистотой, солнцем холстах. Это было упоение трудом, высшее счастье...

1888 год. Совсем немного до конца. Но с какой неистовой силой изливает Ван Гог свои чувства в искрометных, огнендышащих, трепетных полотнах. Все живет, движется в этом рожденном им ликующем мире. Нет, это не спокойная радость холстов импрессионистов. Грозно, трагически выглядит у Винсента даже самый мажорный сюжет. Что-то неведомо тревожное заложено в этих поразительно правдивых, бездонных по глубине видения картинах. Это были холсты, доведенные — при всей своей реальности — до знака символов. Но это только начало прозрения. Чем страшнее становилась его жизнь, чем безнадежней здоровье и меньше запас сил, чем ожесточеннее борьба с роком, тем блистательней его шаги к новым, еще неведомым высотам. Его полотна предельно напитаны соком жизни, любовью к природе-матери, началу всех начал. Два года, всего два года отделяют нас от той трагической минуты, когда иссохшая рука художника схватит пистолет и...

Но повременим. Попробуем проследить этот страшный путь Винсента к гибели и вечности. Ибо с минуты перехода Ван Гога в небытие родится слава мастера, принадлежавшего уже не Голландии, не Франции, а всей планете. Мир вскоре привыкнет к этим шершавым, жутковатым, беззащитным в своей обнаженности холстам. Сегодня Ван Гог — признанный классик. Его имя стало хрестоматийным как пример подвига в искусстве... Арль лукаво взглянул на усталого Винсента. Этот маленький городок, мощный булыжником, белел уютными домиками с красными черепичными крышами. Темный собор строго и одиноко возвышался над черно-зелеными тополями и синими далями. Чистое голубое небо выгорело от жары, казалось серым с фиолетовым маревом у горизонта. Сколько чувств теснилось в воспаленной голове Ван Гога. Он слышал ленивое биение пульса города, уставшего от полдневного зноя. Ритм Арля отличался от тревожной, иногда бессмысленной суety парижан, бегущих как белки в колесе, в погоне за иногда призрачной модой.

Быстро темнело. Зажгли фонари вечерние кафе. У порогов домиков сидели на зеленых скамьях обыватели с трубками, пуская клубы дыма. В тихом вечернем воздухе пахло снудью. Хозяйки готовили ужин. Ван Гог остановился. Сбросил с плеч этюдник.

Ах, как может искусство возвысить или унижить человека! Все зависит от задачи, которую поставил творец. Ведь давно не секрет, что сознание людей незаметно, но прочно формируют поэзия, музыка, архитектура, искусство.

...Воет сирокко. Он дует во все щели размалеванного желтой краской павильона. Как болит все тело, разбитое недугом и работой, голодом и одиночеством. Ведь я, по сути дела, рабочий, думал Ван Гог. Сколько вранья в толках болтунов о жизни «богемы». Я все больше сомневаюсь в том, что пейзажист Монтичелли якобы беспробудно пил. Когда же он создал свои великолепные полотна? Нет, только работа и покой, и так еле выдерживают нервы. Ведь когда пишешь, словно не замечаешь усилий. Как щемит глаза, воспаленные от беспощадного солнца, болит голова...

Спать, спать... Тяжелый, беспробудный сон упал на Винсента. Бредовые кошмарные цветные видения толклись, сменяя одно другим без смысла и связи. Вот он видит себя мальчишкой. Босой бегает по вересковой пустоши, а кто-то грозит ему. Кто? Вот замелькала вереница женщин. Обольстительна лондонская кокетка Урсула Луайе, ее томные глаза, кружевные оборки, маленькие ножки — все чудо. Но почему она смеется, хохочет, убегает? Мрак. И из тьмы выползает Кристина — Син, беременная, жуткая, и рядом с ней, как щенята, копошатся пятеро детей. Она плачет, рыдает и пьет, пьет. Словно тень, исчезает эта зловещая картина, и из солнечного марева встает Марго

Богелгем, она протягивает ему руки, но кто-то ее отталкивает, она бесильна... Заунывный рев оркестра парижского кабаре «Тамбурин». Страстные объятия пышнотелой хозяйки Агостины Сагаторе, сладостливой итальянки. Смех, грохот барабана, и он вдруг видит их всех — Син, Урсулу, Марго и Агостину: они, взявшись за руки, бесшумно ведут хоровод вокруг него. А он мертв! Горят свечи. Тишина.

И вдруг удар грома и стон ливня пробудили Ван Гога. Сверкнула молния. Голова разламывалась. Что за дикий, страшный сон! Ведь все правда. Столько женщин, и ни одной подруги. Как счастлив был Рембрандт со своей Саскией. А он один, один... Убогий павильон ходуном ходил под раскатами грома и напором тропического ливня. «Я здоров, — пишет он Тео, — но, конечно, заболел, если не буду питаться как следует и на несколько дней не прекращу работу... Мне все-таки побережь надо свои нервы».

Наконец приезжает долгожданный Гоген. Кончилось одиночество. Теперь их двое. Ван Гог ликует. Но кто знает ходы судьбы? Трагедия еще ожидает хозяина желтого павильона. Гоген в расцвете сил, мощный, уверенный в себе, полный планов. Главное для него — уехать на Мартинику. Он циничен и беспощаден в своих оценках. Однажды Винсент писал портрет мадам Жину, типичной арлезианки с черно-синими лакированными волосами и оливковым загаром. Гоген, бывший на этом сеансе, иронически заметил: «А знаете, мадам Жину, ваш портрет будет висеть в Париже, в музее Лувра». Зря Поль Гоген подтрунивал, ведь он был очень близок к истине.

Как-то художники блуждали по пустынным золотым осенним садам. Присели отдохнуть. Солнце, тишина, багряные листья — все располагало к отдыху, беседе. Вдруг послышался крик кукушки. Глаза Гогена сверкнули: «Это моя птица. Я буду считать года». Кукушка кричала долго. Поль сбился со счета... Птица умолкла. Ван Гог сидел бледный и молчал. Поль Гоген — огромный, тяжеловесный — опустил свою могучую руку на тощее плечо Винсента.

— Не хандри, — промолвил Гоген, — сейчас кукушка насчитает тебе сто лет жизни.

И — о, чудо! Раздался крик птицы.

Лицо Винсента стало багровым.

«Ку-ку, ку-ку» — повисло в тишине.

— Два года, два года, — твердил Ван Гог, глядя в землю.

— Пустые суеверия, — сказал Гоген.

С этого дня жизнь будто пошла наискосок. Вроде бы все было по-старому. Днем писали, вечером посещали кафе, пили абсент... Но тончайшая нить, которая связывала друзей, была натянута до предела. Гоген давил на Ван Гога. Тот пробовал «писать от себя», но все не получалось. Винсент — истинный сын природы, вся его страсть уходила на постижение ее тайн. Гоген жил в выстроенном дворце эгоцентризма. Они были разные люди, великие, но непохожие. Пропать росла. Гоген решил уехать. Неожиданно Ван Гог бросается на него с бритвой, Гоген останавливает его магнетическим взглядом «человека с Марса». А Винсент? Он убегает домой и в неистовстве отрезает себе бритвой ухо. Кровь, врачи, полиция. Художник в больнице... «Буйное помешательство» — гласит диагноз. Примчался Тео. Казалось, что это финал. Нет, впереди у Винсента еще был год. Так нагадала кукушка. Год страданий и счастья. Через десять дней живописец был вменяем, но очень слаб. Вскоре уже из дома он пишет брату: «Прошу тебя, решительно выкинь из головы твою грустную поездку и мою болезнь...» «Прости меня» — звучит в этом трогательном письме. Мастер вновь обретает силу. Он пишет натюрморты, автопортреты, пейзажи. «Все к лучшему в этом лучшем из миров, как можно в этом сомневаться?» — заявляет Винсент.

«Звездный скиталец» Ван Гог обретает одно из своих последних пристанищ — лечебницу Сен-Поль в окрестностях Сен-Реми. Запущенный парк, заглохший и заросший сорняками, приютил художника с мольбертом. Он пишет в нем ирисы, стволы деревьев, плющ. Пройдет время, и его уже пустят писать «на волю», за ограду. Июньская мягкая погода успокоит Винсента, и он снова создаст пейзажи, на которых серебристые оливковые деревья, темно-зеленые, почти черные кипарисы, летящие облака. Его холсты — сама динамика. Линии, силуэты будто приведены таинственной силой в волнообразное ритмичное движение. Он бесконечно одинок, просит брата прислать ему томик Шекспира, зачитывается им допоздна. Долго не спит. Пишет брату, что нашел у великого англичанина «ту щемлящую душу нежность, то приближение к сверхчеловеческому откровению, которое из художников умел передать едва ли не один только Рембрандт».

Прочтите эти строки. Как далек их автор от безумия!

«Автопортрет». Последний из многих. Созданный на пороге бессмертия... Страшен вопрошающий взгляд... Изможденное лицо голландского крестьянина, гордого и спокойного перед лицом беды. Он был не раз там, за чертой добра и зла, когда каждое мгновение сегодня может быть последним. Губы сжаты. Жуткие морщины раздумий избородили крутой лоб. Будто адский вихрь закрутил мазки фона, складки больничной одежды. Вглядываясь в этот холст, еще раз убеждаешься в традиционности школы Ван Гога, в основательности его конструктивных начал, в пластичности его видения. Новь картины в невиданной экспрессии, в психологическом раскрытии самых глубин человеческого Я. Судьба расставила силки. Капкан готов захлопнуться, но художник смело глядит в лицо Року. Пусть огни преисподней уже обжигают лицо, пусть его часы сочтены, но он живет и творит!

1890 год. Заключительный акт великой драмы — жизни Ван Гога. В феврале у Тео рождается сын. В тот же месяц в парижском «Меркюр де Франс» выходит в свет большая статья художественного критика Альбера Орье. Винсент назван там «ребенком и гигантом», «могучим, неподдельным, чистокровным художником». Трудно подобрать такое собрание лестных эпитетов, которые использовал Орье. Ван Гог благодарит автора статьи, но сетует, что в ней не упомянуты его друзья Гоген и Монтичелли. Он отвечает Орье, что дифирамбы о

фантастичности его мира красок преувеличены: «Но правда и поиски правдивого изображения дороги мне настолько, что я — словом, я чувствую, чувствую, что предпочитаю в живописи тачать сапоги, чем быть музыкантом в цвете. Так или иначе, быть верным правде...» Приходит известие, которое раньше бесконечно обрадовало бы живописца. Купили его «Красные виноградники» — за четыреста франков. Удача, торжество, триумф!

Удача. Она уже не может потрясти человека, прикоснувшегося к смерти.

Наступает последняя весна. Март. Цветут сады. А Ван Гог уже второй месяц во тьме. Жестокий припадок отнял у него кисти, и больше он никогда не напишет весну. Тео сообщает брату по поводу выставки «Двенадцати»: «Гоген назвал твои полотна взвозом выставки. Но бедный Винсент не в состоянии осмыслить это радостное известие. Шестнадцатого мая он покинет монастырь Сен-Поль, посетит Париж, любимого Тео и его семью, встретится со своими работами, которые десятками забивают запасники брата. Художника навещают друзья, все рады его возвращению к жизни. Один Ван Гог знает правду. Его не обманывают ни комплименты «о здоровом цвете лица», ни о том, что он «крепкий». Он-то знает, как устал от Парижа и от всей этой суесть. Скорей, скорей в новую лечебницу. Овер... Доктор Гаше сразу очаровал Винсента. Мудрый врач порекомендовал больному работать, писать и забыть о том, что было. Ван Гог был счастлив. Наконец его поняли. Гаше поглядел на работы мастера и произнес: «Как трудно быть простым». Ему, знавшему Сезанна, Моне, Ренуара, стало ясно — перед ним великий живописец, гениальный художник с лицом крестьянина. «Сумасшедший? — горестно подумал доктор. — Кто же тогда здоров?»

Семьдесят полотен написал Винсент за девять недель жизни в Овере. Среди них изумительный холст «После дождя», написанный мастером в Овере в июне 1890 года за несколько дней до кончины.

Ван Гог уникален. Поверхность его холстов отражает острейший импульс, вызванный у художника ощущением природы. Мастер предельно собран, он безошибочно пишет состояние природы, рельеф ландшафта, его цветовую гамму, видит скрытое внутреннее движение планов, расположение больших форм в пространстве, и что особенно важно — драматургию столкновения холодных, теплых и дополнительных цветов. Вот эта борьба и составляет таинственное единство колеров в пленэре. Увидел, оценил, решил! Отягощенная краской кисть Ван Гога изливает цвет на холст. Пастозно, рельефно. Мазок подчеркивает форму. Он то волнообразен, то пунктирен, то, подобно взрыву, образует сложный кратер, в котором кипит и бушует раскаленная магма колорита. Творчество... Состояние крайнего эмоционального напряжения, сосредоточие всех сил, призванных создавать! Холсты Винсента Ван Гога, как ни у кого из художников, зримо несут следы этого акта сотворения.

Вглядитесь в пейзаж «После дождя», написанный мастером в Овере в июне 1890 года за несколько дней до кончины.

Внимательно всмотритесь!

Спадает почти вековая завеса времени. Слово из растворенного окна на вас дышит свежесть июньского утра, напоенного влагой. Дождь прошел. Он как бы промыл все цвета пейзажа, и вот ландшафт перед вами, в первозданной яркой звонкости. Мозаика маленьких лоскутов — распаханых и цветущих полей. Блестит мокрая дорога. По ней катится одинокая тележка. Белые двухэтажные домики с голубыми растворенными ставнями, покрытые красной черепицей, сверкают от влаги. На горизонте бежит поезд, выбрасывая хвост серого пара. Зеленый, зеленый мир, бесконечно многообразный и сложный, встает перед нами. Правда жизни, движение, состояние природы нанесены на полотно как в одно касание. Будто слышишь биение горячего сердца творца и гудок паровоза, скрип тележки, пение ветра... Ван Гог волшебник. Никому до него и после не удавалось осуществлять такой непосредственный и правдивый контакт с Землей, словно мастер был связан невидимой пуповиной с природой нашей планеты. Трудно поверить, что человек, сотворивший это диво, через неделю-другую покинет нас навсегда молодым, полным сил, но вымотанным болезнью, борьбой с нищетой, непризнанием. Уйдет в тридцать семь лет, оставив людям девятьсот картин.

25 июля 1890 года он пишет последнее полотно: «Вороны над полем пшеницы». Зловещее карканье черных птиц словно кличет беду. 27 июля. Жаркий летний день. Воскресенье. Полдень. По полям бродит Ван Гог. Прохожий случайно слышит сказанные почти шепотом слова: «Это невозможно! Невозможно!..» Вечерет. Винсент остановился. Вынул маленький пистолет, прозвучал выстрел, поднялся дымок. Каркают вороны. Неужели жив?.. Промаяхнул. Мастер бредет домой, обливаясь кровью. Ложится в кровать лицом к стене... В половине второго утра 29 июля 1890 года Винсента не стало.

Родился мастер Ван Гог.

1969 год. Москва. Большая Бронная. Спальня Дейнеки. Маленькая, скромно обставленная. На стене единственная репродукция — «Ирисы» Ван Гога, написанные в нежнейшей гамме сиреневых, серых, бледно-зеленых цветов.

— Ты знаешь, что эти «Ирисы» написаны автором в Сен-Реми за год до кончины? — спрашивает Александр Александрович Дейнека. — Вот и погляди, где здесь следы смятения, депрессии или сломленной психики! Я вижу в этом этюде радость познания, гармонию и красоту.

Спускались сумерки. Пепельный печальный свет обволакивал комнату.

— Да, человеку нужна красота, особенно в наш машинный век, полный суесть и забот.

Передо мною сидел в глубоком кресле один из самых честных и больших художников нашего времени.

— Ван Гог, Врубель были бесконечно несчастные, неустроенные люди, но они оставили нам красоту, которая жила в их душах... Прекрасное, красота, как они сегодня нужны Человеку!

Сергей В Л А С О В,
специальный корреспондент
«Огонька»

Впервые я услышал музыку Бартока в нашем институтском ин-терклубе. Это была небольшая уютная комната с кофеваркой, с дюжиной столиков и стереопроект-орывателем. Примерно раз в месяц одна из активисток клуба, Таня Новадерезкина, устраивала там музыкальные вечера.

Я так благодарен ей, что тогда она не забыла меня пригласить. Весь вечер звучала музыка Бартока: «Варварское аллегро», «Зачарованный мандарин», «Микрокосмос»...

— Ну как, понравилось? — спросила меня потом Таня.

— Понравилось, — солгал я, потому что боялся показаться отсталым. Откровенно говоря, я просто его не понял. Экспрессия его мелодий, обилие диссонансов, непривычных ритмов, необычных сочетаний аккордов — за всем этим я усмотрел тогда не больше чем нарочитую усложненность. Музыка его осталась для меня чужой, а мне всегда казалось, что я способен понимать музыку.

Я стал ходить на Бартока в концерты. Его постижение давалось с трудом. Мой привычный ключ к музыке — подстроить под мелодию свое дыхание — здесь не пошел. Безуспешно я перепробовал множество других способов проникнуться его музыкой. И вот однажды, сидя в партере консерватории и слушая Бартока (на этот раз тоже был «Микрокосмос»), я представил себе, что нахожусь под высоким, устремленным кверху каменным сводом — то ли в храме, то ли в башне, — а через два высоких узких окна с разноцветными стеклами льется солнечный свет. Его лучи колеблются, выхватывают пылинки из темноты башни, вертят и кружат их вслед за мелодией. Такой я увидел его музыку.

Сперва это был дьявольский танец солнечной пыли и больше ничего. Но потом вдруг я услышал ее, музыку. Она увлекла, унесла и потом долго не отпускала...

В произведениях Бартока много страдания и горечи. Впоследствии я понял причину этого.

Его жизнь сложилась трагически. Величайший музыкант века, он умер в нищете, на противоположном от любимой Венгрии краю света. Возможно, он не вовремя родился, с его обостренным чувством гордости невероятно трудно было жить в период, когда правящая клика пресмыкалась перед чужой страной, отравленной ядом фашизма, а родному народу отводилась роль второстепенной нации.

Музыка Бартока стала бунтом против этого. Ее лейтмотив — гимн человеческому достоинству.

...Выдающийся венгерский ком-

позитор, пианист, музыковед и собиратель народной музыки, лауреат Международной премии Мира (присвоена посмертно), лауреат премии имени Кошута (присвоена посмертно), Бела Барток родился 25 марта 1881 года в небольшом селе в Трансильвании. Для его отца, директора сельской школы, и матери, школьной учительницы, музыка значила больше, чем простое увлечение. Все свободное время они отдавали игре на виолончели и пианино.

В четыре года он знал около сорока народных песен и наигрывал их одним пальцем, сам подбирая мелодию на фортепьяно. В одиннадцатилетнем возрасте — первое публичное выступление. В благотворительном концерте он играет собственную фортепьянную пьесу «Течение Дуная». А через десять лет он стал одним из виртуознейших пианистов Венгрии.

Когда ему было девятнадцать, у него обнаружили туберкулез, и врачи предсказывали скорую смерть. Но юноша выжил.

Те трудные месяцы борьбы с болезнью дали ему многое: он научился ценить время, понял, как быстротечна жизнь и что надо спешить сделать то, ради чего человек пришел на землю.

Болезнь подстегнула, прищепила его жизнь. И он спешил. Все время он торопился, словно ему оставалось жить всего несколько месяцев. Если взять любой прожитый им год и перечислить все, что он успел за этот год сделать, не верится, что это сделал один человек.

Какой яркий урок преподавал нам Барток — почти все мы живем, словно в запасе у нас вечность...

В первой половине двадцатого века не было такого направления музыки, которое Барток не изучил бы и не осмыслил. После окончания Будапештской музыкальной академии имени Ф. Листа в поисках музыкального материала он объездил все соседние с Венгрией страны, побывал даже в Турции и в Африке. Он хотел охватить все, не упустить ничего сколь-нибудь значительного.

Бессмертная заслуга Бартока в том, что он ценой невероятного труда записал на фонограф и бумагу мелодии и песни многих европейских народов, систематизировал и положил народную музыку в основу своей композиторской деятельности.

«Моей руководящей идеей, — писал Барток, — которую я, с тех пор как стал композитором, в совершенстве осознаю, является идея братства народов, братства их, вопреки всем войнам и раздорам. Этой идее я стремлюсь по мере сил служить в музыке...»

Народные песни собирали и до него. Но ему удалось с особой яркостью раскрыть для современников чудесный мир народной музыки. Впрочем, современники оценить этого по достоинству не сумели. Деятельность Бартока по собиранию фольклора либо осуждалась, либо замалчивалась, его объявляли даже «изменником родины». Вот уж поистине — пути славы и признания неисповедимы. Трудно найти более нелепое обвинение для человека, который в одном из своих писем матери писал: «...в продолжение всей своей жизни, всегда, постоянно и во всем буду верен единственной цели: верно служить на благо венгерской нации и венгерской родине».

Родина была с ним сурова. Дол-

ЧТОВЫ МЫ СТАЛИ КРАСИВЕЕ

го он находился на правах отщепенца. Особенно откровенной травля Бартока стала после поражения Венгерской Советской республики летом 1919 года — ведь во время ее существования Барток вместе с лучшими представителями венгерской интеллигенции открыто выступил за революционные преобразования. Вместе со своим другом, выдающимся композитором Золтаном Кодаи он разработал демократическую реформу музыкальной жизни в стране.

«Среди нас есть много талантов, родившихся в бедных семьях, они остаются в неизвестности, и ошибки в обучении их совершенно погрешают. Эти ошибки могут быть исправлены только радикальной реформой...» — писал Барток. Вскоре революция была задушена, и все, кто выступал в ее защиту, были подвергнуты репрессиям. Бартока окружили плотной стеной враждебности. Ни один дирижер не хотел исполнять его музыку. Он, один из величайших пианистов двадцатого столетия, был лишен возможности выступать с концертами. Музыкальная академия, где он вел преподавание, вдруг предоставила ему длительный «отпуск», лишив его средств к существованию...

И вот я на родине любимого композитора. Украшение Европы — красавец Будапешт. По его древним улицам ходил Барток. Здесь его помнят. Его именем названы улица, музыкальная школа, концертный зал.

То, о чем когда-то мечтал Барток, сбывается сегодня. Он мечтал открыть путь к музыке миллионам простых людей. Сегодня в Венгрии около пяти тысяч школ, в каждой из которых есть хор и учитель музыки. Барток и Золтан Кодаи мечтали о том времени, когда в школах Венгрии главным предметом станет музыка — самое важное, как они уверяли, средство воспитания личности, ибо лишь музыка способна заложить «истинный фундамент души». Сегодня в стране действует около 150 специальных музыкальных школ.

Людей, которые знали Бартока, остается — увы! — все меньше. Один из них — Антал Молнар, ему уже девяносто, в прошлом — известный альтист и музыковед, сорок лет он преподавал в консерватории. Молнар был участником знаменитого квартета Вальдбауэра, который в 1910 году, по существу, открыл Бартока-композитора венгерской публике.

Когда мы поднимались по стертым ступенькам старого дома, Йожеф Лукач, сотрудник журнала «Орсаг Вилаг», сопровождавший меня в этой поездке (кстати, от-



личный парень с доброй душой и чувством юмора), сказал мне:

— Если хочешь сразу расположить к себе профессора, называй его Антал-бачи, дядюшка Антал. Ему пошел уже десятый десяток, и он каждому из нас не то что в дядюшки, а в дедушки годится.

Ровно в шесть мы позвонили в дверь. Нам открыл сам хозяин, высокий худой человек с копной седых волос и яркими молодыми глазами. На вид ему было не больше семидесяти. Крепко пожимая нам руки, он сказал:

— Вот молодцы, что вовремя. Я люблю пунктуальность. Барток тоже ее любил, он часто назначал встречи, например, в шесть часов три минуты. И всегда был точен... Дядюшка Антал вдохновенно рассказывал, видно, забыв, что мы стоим в прихожей:

— Ах, как же он не любил неточности. Однажды я покритиковал в специальной статье его скрипичный концерт. И там у меня была фраза о том, что побочная тема начинается на пятьдесят втором такте. Вскоре я получил от него послание, в нем было только одно предложение: «Побочная тема, к твоему сведению, начинается на 53-м такте». И ни слова о моей критике...

Мы проходим в большую гостиную, уставленную старинной мебелью. На столах, на подоконниках — книги, раскрытые или с закладками. Мемуары, воспоминания, исторические романы.

— В моем возрасте тянет именно на такую литературу, — говорит дядюшка Антал, усаживаясь в глубокое, удобное кресло. И сразу же, без всякого перехода:

— Мы познакомились с Бартоком в 1906 году. Он трудно схо-

дился с людьми. У нас были приятельские отношения, но он долгое время не приглашал меня на свои концерты. Наконец, только на четвертом году нашего знакомства он позвал меня. В тот вечер я понял, что Барток — создатель совершенно нового стиля и что он гений.

Еще в Москве, знакомясь с материалами о Бартоке, я прочел его политическое завещание. Вот строки из него: «До тех пор, пока будапештские площади Октогон и Керенд не перестанут носить имена этих людей (Барток имел в виду Гитлера и Муссолини)... и пока в Венгрии будет хотя бы одна улица или площадь, носящая их имена, нельзя называть моим именем в Венгрии ни площадь, ни улицу, ни общественное здание...»

После захвата нацистами Австрии и Чехословакии он выступил с публичным заявлением, что запрещает исполнение своей музыки в странах, где установлена фашистская диктатура. Когда в 1938 году он получил от реорганизованного нацистами музыкального издательства в Вене, которое печатало многие его произведения, анкету, где был вопрос и об «арийском происхождении», он отказался отвечать на нее, хотя знал, что тем самым прерывает отношения с издательством, а значит, и материальное положение его станет хуже...

— Что для вас было главным в Бартоке как человеке, дядюшка Антал?

— Его чистая совесть и высокая нравственность. И еще — неравнодушие. Он был очень беспокойным человеком, нет, не суетным, именно беспокойным. Его волновало все — и бедственное положение крестьян, и здоровые поранившие себе лапу соседской собаки, и судьба Европы, судьба мира... Вы знаете знаменитые слова Генриха Гейне о мировой трещине, проходящей через сердце поэта. Это сказано точно о Бартоке. Да, трещина мира проходила через его большое сердце. Я помню, он однажды сказал мне: «Душа человеческая должна постоянно пребывать в состоянии волнения и тревоги. Не за себя — за других, за все живое. В этом волнении — суть человеческой жизни. И человеком стоит называть лишь того, кто понял это».

Такие знакомые, близкие мне слова! Где же я слышал нечто похожее?.. Ах да, конечно, — Блок. Помните: «Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем».

И вдруг меня охватывает уверенность, что я понял Бартока. Впрочем, тут же я спохватываюсь. «Понял» — какая самонадеянность. Понять Бартока — многим ли удавалось это? «Проблема Бартока» — существует в мире даже такое устойчивое выражение. И все же, когда я теперь думаю о нем, именно эти его слова о постоянной тревоге и волнении человека делают его для меня особенно понятным и близким.

...И все же нелегко понять, как он решился покинуть родину. Барток уехал в Америку в 1940 году, он собирался уехать еще раньше, но не мог оставить мать, которую нежно любил. В конце 1939 года она умерла, Барток переживал ее смерть мучительно.

Он был максималистом. И в любви и в ненависти.

Его ненависть к фашизму понятна, но родина есть родина. Она одна. И человек без нее не может быть счастливым. Когда он вдали от родины, его беды становятся вдвое горше, а ее беды вдвойне жгут сердце.

Он не должен был оставлять Венгрию. Впрочем, кто мне дал право судить? Любовь к Бартоку. Но дает ли она это право?

Я обращаюсь к его старому другу:

— Дядюшка Антал, вы осуждаете Бартока за то, что он покинул родину?

— Что я! Он сам себя осудил. Он много раз порывался вернуться. Сначала мешала гордость, потом не позволила неизлечимая болезнь. Он писал в своих письмах: «Вот я вернусь домой и тогда уже никогда больше не уеду из Венгрии...» В его последнем, написанном в Соединенных Штатах концерте для фортепиано с оркестром, самом романтическом, по-моему, его произведении, в каждом звуке слышна тоска по родине. Когда я слушаю эту ностальгическую музыку, я каждый раз не могу удержаться от слез...

Я вспоминаю его прощальный концерт в Будапеште перед отъездом, — говорит профессор, перебирая старые газеты. — Вот, нашел, послушайте: «Вчера вечером большой зал Музыкальной академии наполнили выдающиеся представители нашей духовной жизни. Венгрия прощалась с Белой Бартоком и его женой Диттой Пастори. Всемирно известный мастер очаровал слушателей, приветствовавших артистическую пару...» Его жена была прекрасной пианисткой, — вставляет дядюшка Антал. — «Воодушевление охватило слушателей, зал устроил Беле Бартоку бесконечную овацию». Теперь, когда стало ясно, что он уезжает, публике было позволено аплодировать.

Последние пять лет, проведенные в США, были самыми тяжелыми годами его жизни. Первые контракты на выступления с концертами скоро закончились. Прежние издатели были потеряны, а новых не нашлось. Барток жил с ощущением, что его композиторский путь окончен, что его музыка объявлена бойкотом.

Из его писем того времени видно, как он внонец измучен жизнью, невниманием к своему творчеству, симптомами страшной надвигающейся болезни. Она еще более мучила его тем, что диагноз был ему неизвестен. Врачи скрывали от Бартока, что он болен лейкозием.

«Я могу лишь сказать, — писал он друзьям, — что никогда еще в моей жизни, с тех пор как я сам зарабатываю свой хлеб (то есть с 20-летнего возраста), я не был в таком ужасном положении...»

Ему становилось все хуже, лечение требовало денег, а их не было. Ничем не могла помочь и жена, которая после переезда заболела тяжелой, психической болезнью.

Умер он нищим...

Умер он богачом. Сокровища его музыки, так же как и богатства, собранные им во многих странах Европы, еще долго будут восхищать ценителей прекрасного.

Хотя, конечно, не он один у себя на родине собирал фольклор. Собирали его и друг Бартока Золтан Кодаи, и еще несколько человек. Был в их числе и Антал Молнар.

— Обычно я приходил в корчму, — рассказывает дядюшка Антал, — собирал вокруг себя крестьян, ставил им по стакану вина и просил петь. Многие сначала боялись фонографа, но потом привыкали и пели от души. Для крестьян песня никогда не была искусством, она была продолжением их нелегкой жизни, самой жизнью.

— Музыка — народная потребность, говорил еще Бетховен.

— Да-да, простой народ в песне, в музыке искал способ выразить свои страдания, поведать о своих бедах и тем облегчить душу. Как-то я зашел в один деревенский дом, кроме старухи никого там не было. «Где все ваши?» — спросил я. Она не ответила, она запела. В этой песне гово-

рилось, что все ее родные умерли от нищеты и голода. Дети и внуки тоже. Она пела, и по ее лицу текли слезы. Я сумел записать эту трагическую песню.

Всего я собрал 380 народных мелодий. Барток собрал их более 30 тысяч. Он часто возвращался из деревни больным, ведь спать иногда приходилось под открытым небом. Он почти ничего не рассказывал о своих впечатлениях, но я уверен, он глубоко переживал все увиденное и услышанное. Вообще он был очень скрытен.

Я хорошо знал его, во всяком случае, значительно лучше многих; тридцать лет мы были друзьями, но я так и не смог его понять. Он был чрезвычайно замкнутым человеком, говорил очень мало, мог по двадцать минут молчать, будучи с вами вдвоем в комнате. Когда я приходил к нему домой, он часто, ни слова не говоря, садился за фортепиано и играл свои новые вещи. Потом вставал и молча ходил по комнате. Однажды он мне признался: «Я не умею говорить с людьми, я не умею выразить словами то, что думаю и чувствую. На это способен только моя музыка. Я, наверно, просто не умею говорить...» Но это было не так — он был очень красноречив в те редкие минуты, когда говорил. Он никогда не объяснял своей музыки и никогда не спрашивал о ней вашего мнения.

— Может быть, он сознавал, что его искусство не все понимают?

— Я думаю, да, — вздыхает профессор.

— Но ведь это же несчастье для композитора!

— А Барток и был несчастен. Он мог только мечтать о том времени, когда его музыка будет понята многими. Это время только сейчас наступает, но истинное признание Бартока еще не пришло. Он намного опередил свою эпоху. Когда люди станут совершеннее, станут более тонкими, более восприимчивыми, им легче будет понять Бартока, и тогда они назовут его поистине великим композитором!

...Мы тепло простились со старым музыкантом.

«Когда люди станут совершеннее» — эти его слова еще долго мне не давали покоя. Могу ли я согласиться с тем, что время Бартока еще не пришло? Да, он сложен, понимание его музыки требует усилий, но разве истинное искусство когда-нибудь давалось человеку легко? Разве оно не требовало от него работы души, самоотдачи, тем самым делая его совершеннее?

Разве человек, желающий постигнуть прекрасное, не должен каждый раз приносить в жертву часть своей души, чтобы разжечь тот огонь, который потом вырвет для него из темноты лик Красоты...

Да, тысячу раз да! И когда-нибудь это понимает каждый.

«Барток, это самое крупное явление венгерской культуры двадцатого века, в сердце у каждого венгра!» — сказал мне ректор Будапештской консерватории Йожеф Уйфалуши.

Хочется, чтобы пронзительное и страстное искусство Бартока вошло в сердце каждого из нас — он ведь так много сделал, чтобы мы стали красивее.

Будапешт — Москва.

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО, МЕРЫ ПРИНЯТЫ

«Редакции журнала «Огонек» сообщаем, что письмо тов. ШАЙДУРОВА В. Т. о неритмичной работе предприятий и недостатках в обеспечении продуктами населения г. Лабинска рассмотрено и приняты меры к устранению этих недостатков. В октябре 1980 года в городе создан самостоятельный хлебозавод, который передан в подчинение управления хлебопекарной промышленности крайисполкома. В настоящее время потребности жителей города в хлебе полностью удовлетворяются.

Коллектив маслоэкстракционного завода выполнил текущие планы 1980 года и десятой пятилетки в целом по реализации продукции и другим технико-экономическим показателям. Штаты на заводе полностью укомплектованы, дефицита в рабочей силе предприятие в настоящее время не испытывает.

В целях увеличения мясных ресурсов в гор. Лабинские и Лабинском районе все более широкое распространение находит откорм скота на пищевых отходах предприятий перерабатывающей промышленности.

Зам. зав. отделом легкой и пищевой промышленности Краснодарского крайкома КПСС
В. ПАНИН

«По жалобе гр. ЛУЧШЕВА В. Г., проживающего в г. Экибастузе, на несвоевременную и нерегулярную доставку газет и журналов сообщаем, что с целью удовлетворения претензии неполученные номера журнала «Огонек» за август 1980 года доставлены.

Почтальон, по вине которого вместо газеты «Учитель Казахстана» доставлялась «Учительская газета», строго наказана.

В настоящее время периодическую печать гр. ЛУЧШЕВ получает регулярно, о чем имеется его отзыв.

Зам. начальника Павлодарского производственно-технического управления связи
Г. Р. ХРИСТОДОРОВ

«Крайком КПСС сообщает, что факты перебоев в продаже мяса, мясных средств и некоторых других необходимых товаров в магазинах Новоселовского района действительно имели место.

В настоящее время приняты меры по ликвидации указанных «дефицитов».

Недостаток продуктов животноводства по государственным фондам возмещен увеличением закупок этих продуктов у населения. Продажа мяса, колбасных изделий осуществляется в магазинах Новоселовского райпо бесперебойно, в широком ассортименте. Организовано внеочередное торговое обслуживание в магазинах, прием заказов с доставкой на дом для инвалидов и участников Великой Отечественной войны».

Секретарь Красноярского крайкома КПСС
Н. СИЛКОВА

«По письму гр. СМЕРНОВОЙ Л. В., проживающей в Москве по ул. Кравченко, д. 20, кв. 50, о ремонте в доме исполком сообщает, что в настоящее время в доме производится комплексный текущий ремонт. Руководству производственного жилищно-ремонтного объединения дано указание в течение I квартала 1981 года выполнить наладку сантехнического оборудования в квартирах с частичной заменой, срочно очистить подвальное помещение дома и обработать его хлорной известью. Для нормальной и бесперебойной подачи горячей воды руководству СУ-8 объединения «Мосинжремонт» предложено обеспечить соблюдение графика работы насосных агрегатов в бойлерной».

Зам. председателя исполкома Октябрьского райсовета
Ю. И. ЛАРИОНОВ

Москва.

И СТАНОВИТСЯ ТАЙНОЕ ЯВНЫМ!

Виктор ПРОНИН

В сентябре 1889 года юристы Петербурга были взбудоражены шумным делом по обвинению неких Рокосовского и Юнгерца в подделке финансовых документов. С помощью мошенничества они якобы сумели получить около десяти тысяч рублей — сумма по тем временам немалая. Но судебное разбирательство зашло в тупик, когда неожиданно возник вопрос: настоящая ли подпись кассира Бернгарда стоит на одном из документов? Когда обе стороны исчерпали все доводы, решили обратиться к фотографу Петербургского окружного суда, бывшему сотруднику журнала «Российская библиография» Евгению Федоровичу Буринскому. Поговаривали, что он давненько занимался фотографированием текстов для определения их истинности.

Евгений Федорович сфотографировал подпись кассира, увеличил ее и сразу получил доказательство подделки — из-за чернильных линий выступили четкие карандашные штрихи. Продолжая исследовать документ, Буринский сфотографировал его в фиолетовых лучах и даже сам удивился наглядности и убедительности результата: чернильная подпись исчезла, а на ее месте проступила карандашная, сделанная мелкими частыми черточками, — преступники набросали подпись кассира карандашом, а потом навели ее чернилами.

Это был первый в мире случай, когда фотографию применили для судебной экспертизы.

А через несколько лет эффективность разработанного Евгением Федоровичем Буринским метода прочтения скрытых надписей, обнаружения невидимых изображений получила блестящее подтверждение. В 1843 году в одном из подвалов Московского Кремля случайно нашли большой медный сосуд, в котором оказались несколько десятков кусков кожи с прикрепленными к ним печатями из свинца и воска. По этим печатям ученые установили, что кожи относятся ко временам Дмитрия Донского и что, по всей видимости, они представляют собой важные государственные документы. Однако прочесть, что именно было написано на кожах, оказалось совершенно невозможно. Время, сырость, несовершенство обработки материала привели к тому, что в руки ученых попали лишь черные, расплывающиеся в руках клочья. К счастью, их не выбросили, а сдали в архив, где они и пролежали пятьдесят лет. И вот после того, как о достижениях Е. Ф. Буринского заговорили в юридических, научных кругах Петербурга, кто-то вспомнил о старых кожах.

И, надо сказать, Евгений Федорович прекрасно справился с этим испытанием. Для начала он размочил высохший за полвека кусок кожи в глицерине, расправил его и сфо-

тографировал несколько раз. Потом, сложив вместе все негативы, сфотографировал несколько раз получившееся изображение. Расчет изобретателя был таков: при многократной съемке контраст между темными и светлыми частями кожи должен постепенно возрастать. И действительно, после недели напряженной работы он получил первый отпечаток с четким текстом. Это был триумф. Невиданное дело — общее собрание Российской Академии наук устроило настоящее чествование Евгения Федоровича Буринского.

Со времени первых опытов Е. Ф. Буринского прошло сто лет, и, конечно же, нынешнее вооружение судебных экспертов не идет ни в какое сравнение с примитивными фотоустановками изобретателя. Многочисленные лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз оснащены всем, что может предложить современная наука: электронно-вычислительные машины, лазерные установки, мощные микроскопы, а что касается фотосъемки, то ее разнообразие поистине безгранично — используется фотографирование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, люминесцентная фотосъемка, успешно применяются самые разнообразные светофильтры.

Как-то в институт поступила расписка на 1300 рублей. Требовалось установить, не поддельна ли она. При микроскопическом исследовании и в рассеянном и в направленном под различными углами свете ничего подозрительного обнаружено не было. Не принесло результатов и исследование со светофильтрами, с помощью цветоделительной съемки, съемки инфракрасной люминесценции. Однако, когда сотрудники института применили так называемый адсорбционно-люминесцентный метод и перенесли записи на поливинилхлоридную пленку, обработанную различными растворителями, запись, обозначающая единицу и слова «одна тысяча», проявилась значительно лучше, ярче, нежели остальная запись, хотя внешне насыщенность всего текста была совершенно одинакова. Когда же полученные оттиски исследовали на специальном микроскопе, у экспертов отпали последние сомнения — цифра «1» и слова «одна тысяча» светились красноватым цветом, а остальная запись — светлосиреневым. Подделка стала очевидной.

А вот работа, выполненная сотрудниками лаборатории технической экспертизы документов, была на первый взгляд и вовсе невероятной: в институте попытались узнать содержание записей в блокноте на страницах, которые преступник вырвал и уничтожил. По предположению следователя на отсутствующих страницах находились адреса соучастников. Не станем подробно описывать всю технологию. Важен результат: записи были прочтены, преступление раскрыто, виновники, как говорится, получили по заслугам.

Однако не следует думать, что все сделалось чуть ли не само собой, что достаточно было заложить уцелевшие листки в какую-то невероятную умную машину, как она тут же выдала результат. Работа оказалась на редкость тяжелой, кропотливой, продолжалась не один день, и, хотя эксперты пользовались многими современными приборами, основная тяжесть работы пришла на них самих.

Заведует лабораторией кандидат юридических наук Александр Александрович Гусев. Рассказывая о своей работе, он постоянно подчеркивает, что каждая экспертиза в чем-то уникальна, неповторима — и методом, и исследуемым материалом, и поставленной задачей. Каждый раз, беря в руки поступивший доку-

мент, исследователь испытывает невольную робость, потому что все приходится начинать как бы сначала. Вещества, методика, приборы, блестяще показавшие себя при исследовании одного документа, оказываются совершенно бесполезными, когда на экспертизу поступает другой документ.

Случай с прочтением отсутствующих записей в блокноте Александр Александрович не считает слишком уж сложным — текст удалось восстановить по микроскопическим вмятинам на сохранившихся листках. Гораздо сложнее оказалась задача, когда потребовалось узнать, что было на оборванном уголке листа бумаги, поступившего в лабораторию. Как выяснилось, там была печать, которая, собственно, и подтверждала подлинность документа.

Известен случай, когда экспертам института удалось помочь оперативной службе разоблачить опасного преступника всего лишь по одному клочку бумаги, причем в отличие от авторов детективных романов, которые в подобных случаях на бумажке оставляют непонятные многозначительные значки, зашифрованные записи, таинственные цифры, на этом клочке не было ровным счетом ничего. Чистый, слегка помятый листок, о котором только и известно было, что им пользовался преступник. После тщательных исследований подтвердилось, что на бумаге действительно никогда не делалось никаких записей, на ней нет никаких пятен и следов. Но экспертам удалось установить, что бумага изготовлена на одном из комбинатов Сахалина, причем изготовлена прошлой весной. Поскольку клочок обнаружили в местности, куда сахалинская бумага не поступает, это доказывало, что преступник был недавно на острове или же поддерживает с ним связь. Этого оказалось достаточно.

— Знаете, приходится иногда удивляться самоуверенности или, скорее, наивности некоторых мошенников, полагающих, что можно ловко, без следа подделать, исправить какую-либо запись, — говорит Александр Александрович Гусев. — Это невозможно в принципе, ловкость рук, так называемое мастерство здесь не играют ровно никакой роли. Мы сейчас довольно легко обнаруживаем допечатанный на машинке текст, даже если он допечатан на той же машинке, тем же человеком. И дописанные от руки слова, цифры, дописанные той же рукой, той же ручкой, мы узнаем. О всевозможных подчистках, исправлениях, попытках залить нежелательные сведения чернилами, красками, химикатами даже говорить не приходится — это совершенно бесполезное занятие.

Нередко случается так, что от вывода эксперта зависит большая многомесячная работа других людей, одним своим выводом он может или подтвердить важность проделанных ими поисков, или же обесценить их. Не столь давно в одном из южных городов было совершено опасное, циничное преступление. Подозрение пало на молодого парня, который при задержании и не отрицал своей вины. Однако у следователя закралось подозрение — уж больно не вяжались весь облик этого парня, его характер,

...И НЕБО, РАСКОЛОТОЕ ПОПОЛАМ

круг интересов с совершенным преступлением. И он решил продолжить поиски. Через некоторое время следователь, как говорится, вышел еще на одного подозреваемого — родственника этого парня. Неоднократно судимый, большую часть жизни проведший в заключении, он жил в другом городе, за несколько тысяч километров. Но все застопорилось, когда этот человек представил следователю доказательство своей невиновности — рецепт врача, выписанный как раз в тот день, когда было совершено преступление. Следователь усомнился в истинности рецепта и, хотя врач подтвердил его, все-таки отправил на экспертизу. И тут сразу выяснилось, что дата поставлена другим человеком, причем позднее, нежели выписан рецепт. Оказывается, тот врач вообще имел привычку не ставить дату, а преступник вписал дату сам.

Этот случай интересен тем, что показывает, как эксперты не только помогают уличить преступника, но и оправдать невиновного. Именно такую задачу — защитить доброе имя человека — нередко приходится решать сотрудникам почерковедческой лаборатории, которой до недавнего времени руководила доктор юридических наук Валерия Федоровна Орлова, ныне она заместитель директора института. На какие только уловки не идут всевозможные клеветники и «доброжелатели»! Они и почерк подделывают, стараясь изменить его до неузнаваемости, пишут левой рукой, иногда выводят свои «разоблачения» печатными буквами, пишут в автобусах или трамваях, чтобы случайные толчки сделали их почерк неузнаваемым. Но все равно их тайные деяния становятся явными.

Сотрудник почерковедческой лаборатории Людмила Ивановна Купряшова рассказала о драматической истории, когда такие письма анонимщика привели к человеческой трагедии. В сельской школе учителя начали вдруг получать письма, где неизвестный «доброжелатель» описывал мнимые похождения коллег. Письма были злобные, издевательские, преступник посылал их сразу в несколько адресов, чтобы создать некое общественное осуждение выбранной им жертвы. Молодой учитель, не выдержав нервотрепки, покончил с собой. За дело взялись местные «знатоки» и без труда установили, что анонимки якобы писала старая учительница, уже несколько лет не работавшая в школе. Какая после этого жизнь началась у старушки, представить нетрудно. В институт поступили анонимки «доброжелателя» и образцы почерка этой женщины. Внешне почерки были похожи. Но не больше. Достаточно было провести серьезный анализ, чтобы сказать совершенно твердо: подметные письма учительница не писала.

О сложности задач, которые могут решать сегодня эксперты почерковедческой лаборатории, достаточно говорит такой пример. В институт обратился пожилой человек, участник гражданской войны, который еще в те далекие годы был награжден Почетным оружием. Сейчас ему было около восьмидесяти, годы, конечно, не прошли для него бесследно, передвигаться самостоятельно он мог с большим трудом, правая рука работала очень плохо. Необходимо было установить подлинность документа, подтверждающего высокую награду, полученную им за мужество в борьбе с белогвардейцами. Недоразумение возникло из-за того, что в 1921 году при оформлении документов перепутали его отчество — написали «Алексеевич» вместо «Александрович». Перед экспертами была поставлена задача: сравни нынешнюю подпись этого человека с той, сделанной на наградном документе, установи, принадлежат ли эти подписи одному человеку. И эксперт Купряшова ответила совершенно твердо: да, сегодняшняя подпись и та, сделанная почти шестьдесят лет назад, принадлежат одному человеку.

О характере работы специалистов лаборатории судебно-биологической экспертизы дает представление такой пример. В центре города был обнаружен труп человека. Эксперты лаборатории, исследовав одежду потерпевшего, обнаружили на ней пыльцу сибирской сосны. Заметьте, не иглы, не веточки или частицы коры, а пыльцу. Ни в самом городе, ни в его окрестностях этого дерева не было. Обратились за консультацией к ботаникам, а те, не колеблясь, ответили: в трехстах километрах шумит на радость всей округе целый бор сибирской сосны. Нашли этот бор, а в бору деревеньку, а там человек пропал...

Сотрудники биологической экспертизы до-

бились той степени мастерства и знаний, когда они могут по мельчайшим частицам почвы определить, откуда она — из лесу, с соседнего сквера, из деревенского огорода, придорожного пустыря, с берега реки. А этого иногда бывает более чем достаточно для правильных поисков или доказательного обвинения.

Директор института, доктор юридических наук Александр Романович Шляхов рассказывает:

— Использование новейших методов позволило создать научные основы криминалистической экспертизы, в частности методик исследования материалов, веществ в микроколичествах. Мы проводим эксперименты по применению кибернетической техники, математических методов анализа. Например, применение электронно-вычислительных машин расширяет возможности почерковедов, позволяет надежнее делать выводы об умышленном искажении почерка, устанавливать пол исполнителя письма. Эксперты, исследующие следы, также применяют математические методы и ЭВМ. Мы можем установить человека не только по отпечаткам пальцев, но и по любым другим отпечаткам его тела — губ, носа, ушей и так далее. Использование физико-технических и химических методов в баллистике позволяет надежно определять, с какого расстояния сделан выстрел, кто стрелял, а по отдельным дробинкам определяется, из какого именно оружия стреляли. При всем этом следует учесть, что наш институт научно-исследовательский и то, что сегодня кажется невозможным и что действительно невозможно, завтра станет делом простым и естественным.

Сотрудникам института судебных экспертиз нередко приходится выполнять почетные задания, связанные с историей нашего народа, восстановлением исторических и духовных ценностей. Как-то в институт поступил на исследование редчайший документ — рукописный экземпляр книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Для литературоведов, историков, исследователей творчества писателя было очень важно узнать дату изготовления книги. Внимательно ознакомившись с рукописью, эксперты пришли к выводу, что определить дату можно лишь по водяным знакам, оставшимся на листе бумаги, которая была использована для форзаца. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что задача эта не столь проста, как показалось вначале, — на форзац когда-то был наклеен лист цветной бумаги, а клей развел, уничтожил водяные знаки.

Чего только не пробовали эксперты: фотографировали бумагу в проходящем свете, в мягких рентгеновских лучах с последующим усилением изображения, так называемым контрастированием и обработкой негативов усилителями — нечто подобное делал когда-то Е. Ф. Буринский с кожей времен Дмитрия Донского. Но все ранее применяемое для подобных исследований оказалось безрезультатным. Тогда провели большую экспериментальную работу по созданию новых методов, позволяющих увидеть невидимое. Испытывали радиоактивные изотопы, негативные материалы, меняли экспозицию. И, наконец, на отпечатке появились четкие знаки, позволившие сделать твердый вывод: бумагу изготовили в 1789 году.

Сотрудники лаборатории технической экспертизы расшифровали, восстановили и сделали пригодными для прочтения ценнейшие документы, которые рассказали об удивительном подвиге калужских колхозников из деревни Зловодка, сумевших все годы гитлеровской оккупации сохранять колхоз, помогать партизанам. Расшифровка невнятных записей, сделанных между строк книги «Очерки истории ВКП (б)», позволила восстановить десятки имен мужественных людей, героически действовавших в тылу фашистов.

В течение последних лет в лаборатории проделана большая работа по восстановлению записей, сохранившихся в проржавевших солдатских медальонах, — их обнаружили на территории Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Около пятидесяти имен без вести пропавших воинов Великой Отечественной войны сумели назвать эксперты. Открытие мемориала погибшим с выгравированными именами солдат и офицеров стало волнующим событием.

Познакомившись с институтом судебных экспертиз, невольно хочется сравнить его с неким храмом Истины, где все тайное, нередко тщательно скрываемое становится явным, очевидным, бесспорным. Разоблачая злодейство, отстаивая доброе имя честного человека, раскрывая тайны прошлого, возвращая народу его духовные, исторические ценности, сотрудники института преследуют все ту же цель — восстановить Истину.

Вслед за театрами Ростова-на-Дону, Ленинграда, Волгограда, Пензы, Кишинева обратился к сценическому воплощению «Тихого Дона» М. Шолохова Кемеровский драматический театр имени А. В. Луначарского. Кемеровчане (режиссер Б. Соловьев) взяли за основу ленинградскую инсценировку гениального романа, однако же проделали над ней тщательную, скрупулезную работу. Иные эпизоды, — например, смерть Дарьи, смерть Натальи, остались «за кадром». Иные, как, скажем, избиение Аксиньи мужем, возникают лишь в радиозаписи; это воспоминание о днях, уже ставших давними. Зато заметно выросла, укрупнилась в инсценировке и спектакле роль Ведущего (К. Левашов), чей голос звучит тоже в радиозаписи. Актер нашел необычайно простую, мудрую, повествовательную интонацию, что позволяет театру не только более обширно прокомментировать события романа, а глубже, пронзительнее раскрыть их внутренний смысл, передать все нарастающее напряжение, страстный темперамент авторской мысли.

Необычайно поэтичен зрительный образ спектакля, найденный В. Вольским. На заднем плане сияет Дон. Он словно бы сливается с небом, расколотым пополам и не раз по ходу действия меняющим свою окраску. На самом верху сцены повис полог, напоминающий огромное плывущее облако. Но когда погибает кто-то из персонажей спектакля, полог этот опускается, закрывая от нас погибшего, окрашиваясь — в зависимости от того, за справедливое или несправедливое дело боролся погибший, — то в светлый-красный, то в темный тон. Треск выстрела и свист пули не слышны нам. Звучит лишь музыка, символизирующая гибель человека. А на переднем плане часть мелеховского дома и с другой стороны — дорога, по которой Григорию суждено пройти свой долгий страдный путь.

Играющий Григория Мелехова А. Дахненко создает образ подлинно трагический. В короткое сценическое время актер проживает всю жизнь Григория в романе — от беззаботного, озорного парня до безмерно уставшего,

Л. Копылова в роли Аксиньи и А. Дахненко — Г. Мелехов. Фото С. Долгова.



ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕ ПРОЩАЕТСЯ

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Б. ПРОПОПОВ

В прошлом году («Огонек» № 30) был напечатан очерк «Брильянтовые сережки». Затем журнал поместил на своих страницах подборку откликов читателей — «Цена счастья» (№ 43), а письма все идут и идут...

Поступок студентки Тани, откавшейся в роддоме от своего ребенка, «чтобы не осложнять жизнь», буквально потряс читателей. Это естественно. Молодая женщина из обеспеченной семьи сама себя лишила материнства! Нарушила самый священный долг женщины перед природой, перед обществом, перед тем, кому дала жизнь. Особенно возмущены матери. Я не буду приводить здесь все эпитеты в адрес Тани и ее родителей, одобрявших решение единственной дочери; по-моему, они все справедливы. Но не только возмущение поступком Тани содержится в письмах, многие искренне, по-матерински жалеют ее.

«Неужели Таня не понимает, что быть матерью — самое большое счастье, какое только может быть на земле?! Неужели никогда не увидит она свое милое родное дитя?» — пишет Нина Петровна Белая из города Беломорска.

У Нины Петровны нет обеспеченных родителей, как у Тани. Она одна воспитывает двух дочерей, причем младшая тяжело больна. Было все: и одиночество, которое могло довести до отчаяния, и лишения, которые ей, ровеснице Тани, пожалуй, не снести бы, и даже «сердобольные», нечеловеческой жестокости пожелания: «Хоть прибрал бы бог у тебя младшенькую, полегчало бы!» — все было, и все помогла преодолеть святая материнская любовь: «...Смотрю сейчас, как сладко спят, обнявшись, мои дочурки, или вижу, как бегут они наперегонки, чтобы помочь мне вымыть посуду, пол подмести, и — слезы на глазах от счастья!»

Тяжело сложилась жизнь и у Нади Ф. Но... «Пусть мне трудно, — пишет она, — но я знаю, что с каждым годом подрастает, набирает сил сын Сережа — моя защита и опора!» Надя просит не называть ее фамилии: «Подумают еще, что жалуясь!»

Я нарочно выбрал эти письма из трудных семей. Но у них есть главное — уверенность в будущем. А что впереди у «благополучной» Тани? Кто в тяжелую минуту скажет: «Мама, я с тобой!»?

Конечно, она еще молода, может быть, появится и у нее семья, но все равно память о покинутом ею человечке незатихающей болью будет жечь ее всю жизнь, и никогда не пройдет чувство вины перед своим первенцем, рожденным для любви и счастья и безжалостно оставленным, хоть и в заботливых, но все же чужих руках.

«Твой ребенок — твое бесценное сокровище, — пишет Ракия Са-

тичино из Башкирии. — Считаешь, бывало, минуты, когда принесут тебе покормить его... Он самый красивый, твой родной! Таня, поверь мне, стоило тебе обнять свое дитя, коснуться его щекой, и сама мысль оставить его показалась бы тебе кошмарной. Как же ты теперь будешь жить?!»

«Дети — самое драгоценное в жизни!» — вторят ей Ира Торопова из Ашхабада, Степан Николаевич Поляков из Читы, Т. Г. Мирошниченко из Запорожья, учительница Шейбулатова из Караганды и многие, многие другие.

Преподаватель из города Сорочки Молдавской ССР В. Н. Огнев на себе испытал жестокость своей матери, подобно Тане, бросившей его совсем маленьким.

«Спасибо добрым людям, которые не оставили меня в беде, — пишет он. — Навсегда в моей памяти сохранился светлый образ воспитательницы детского дома Марии Григорьевны Киселевой, которая сумела стать матерью нам, сиротам. Низкий, земной поклон ей!»

Да, дети, покинутые родителями, не останутся беспризорными, говорит далее В. Н. Огнев, государство возьмет их в свои заботливые руки, но от этого поступок Тани не выглядит менее отвратительным.

Софья Ивановна Валева из Казани шести лет осталась круглой сиротой. Но у ее родственников и мысли не возникло отдать ребенка в чужие руки. Дедушка и бабушка, старенькие, немощные, сделали все для того, чтобы девочке заменить родителей. Чувство глубокой благодарности к ним Софья Ивановна пронесла через всю жизнь. Сейчас она тоже бабушка и безмерно счастлива, воспитывая внучат.

«А если бы мои дедушка и бабушка были такими, как Таня и ее родители, — спрашивает она, — как сложилась бы моя судьба?.. Таня и ее родители предали своего ребенка. Нужно полностью опубликовать их фамилии. Пусть о них узнают все!»

На этом настаивают многие авторы писем. «Отказ от своего ребенка! Вдумайтесь только в страшный смысл этих слов! Предательство, вот как это называется! (В. Б. Ягодка, село Седельниково, Омской области). «Я уже пожилой человек, перенесла все ужасы войны, испытала холод и голод, все казалось бы, самое страшное видела в жизни, но чтобы мать бросила свое дитя — такое слышу впервые. В корне не согласна с автором очерка «Брильянтовые сережки»: нужно опубликовать фамилию Тани!» (Н. Д. Дорошенко, г. Ангрэн). От имени своей большой семьи этого требует Л. Свиницкая из Джанкоя, учащаяся Марганцевской технической школы (16 подписей), Г. А. Бакшан из г. Березники и многие другие.

Мне, автору очерка, понятны чувства читателей. Но, как я уже

объяснял ранее, фамилии Тани и ее родителей не названы только в интересах ребенка. Ведь в минуту раскаяния, как часто бывает, «кукушки» начинают разыскивать своих детей, и кто-то из «доброхотов» может сообщить им адрес. Тогда начинается трагедия.

О таком случае, кстати, пишет нам читательница В. Кастрицина.

«У нас в школе была учительница, которую мы все очень любили. У них с мужем не было детей, и они взяли на воспитание девочку, брошенную матерью. Два года они ее растили, души в ней не чаяли, и вдруг появляется и та «мама»! Жизнь дружной семьи превратилась в кошмар. Они были вынуждены все здесь бросить и уехать».

Быть матерью — великое счастье. Но и воспитывать ребенка, если бы осталась одна, нелегко, особенно если даже близкие к тебе люди отказывают тебе в помощи. А такое бывает. Надежда Кирилловна Д. вынуждена была уйти от пьяницы-мужа, несмотря на то, что уже ожидался ребенок. И первое, что она услышала в родительском доме от матери, — совет избавиться от будущего ребенка, чтобы «не срамить родню». Надежда Кирилловна не послушалась, но и в родильном доме «близкие» не оставляли ее в покое, довели до такого состояния, что врачи опасались за ее жизнь. Но вот... «Принесли мне дочку, а она носиком водит, ротик трубочкой складывает, гримасничает... Я и засмеялась. Боялась даже, что ее мне по ошибке могут подменить, и повязывала на ручки ребенка свои ниточки. Нянечки сердятся, а врач говорит: не обижайтесь на нее — раз так боится за своего ребенка, значит, будет, будет жить!»

А дома — опять попреки матери: «Чему радуешься — растет безотцовщина!»

Решила вернуться к мужу, а там свекровь с молчаливого одобрения супруга: «Надо еще выяснить, чей это ребенок. Мы ублюдка воспитывать не будем!»

О, эта домостроевская дубина! Оказывается, еще существует с нашей советской моралью. Хоть и притаилась в самых глухих, потаенных местах, но еще бьет без пощады, без милосердия!

Ошибка Надежды Кирилловны в том, что, ожесточенно замкнувшись в себе, она ниоткуда уже не чаает помощи (она и редакцию обязала не называть ее подлинного имени!). Но, если дело происходит так, как она рассказывает, закон на ее стороне. Он в силах обуздать ее домостроевскую родню, обеспечить ее права, ибо нет в нашей стране звания почетнее, чем Мать. А льготы и привилегии, предоставленные ей государством, одинаково распространяются и на тех, кто воспитывает ребенка в семье, и на тех, кто растит его без отца.

Спасибо всем, кто откликнулся на выступление журнала.

поседевшего человека. Вроде бы и не задумывавшийся над тем, что значит для него Аксиныя, герой Дахненко вдруг остро, с громадной пронзительной силой ощущает, что нет для него жизни без этой женщины, которая коли уж полюбила, так безоглядно, безудержно, навек. А именно такой играет Аксиныю Л. Копылова, наделяя свою героиню не только страстностью натуры, но глубокой поэтичностью, внешним и внутренним изяществом. Поначалу образ кажется несколько непривычным, но постепенно все сильнее и сильнее захватывает наше воображение, и думаешь, что другой Аксиныю уже и невозможно представить.

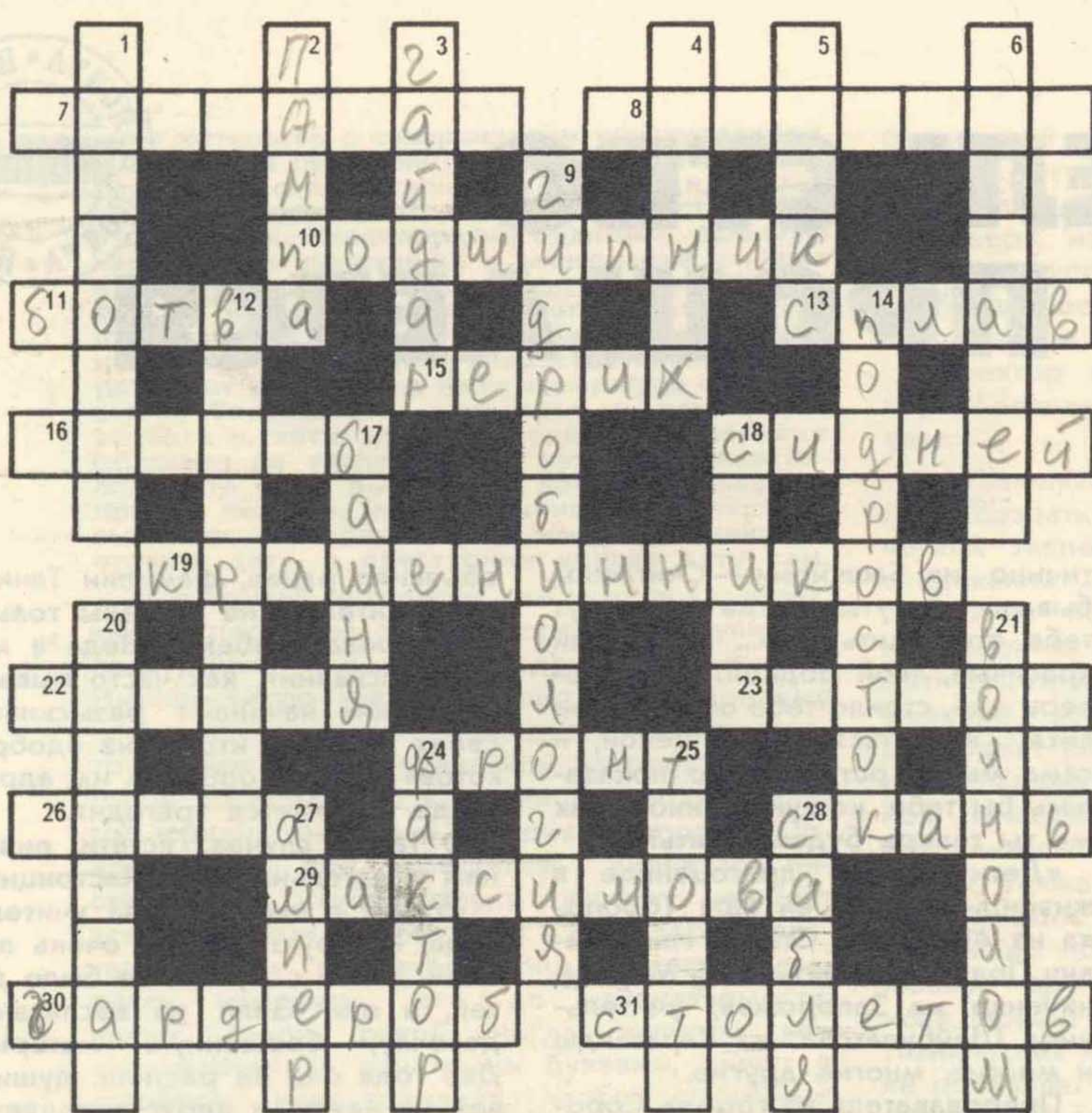
Едва ли не самым главным достоинством спектакля является высокий уровень исполнения у всех занятых в нем актеров. Нет здесь ни одной стертой, проходной, незапоминающейся фигуры.

Особо хочется выделить образ Котлярова, созданный Е. Шокиным. Столько в этом человеке, рядом партии коммунистов, внутренней убежденности, такой обладает он несгибаемой силой, столько в нем человеческого достоинства, стремления понять других людей, помочь им разобраться в круговерти событий, что образ, занимающий в инсценировке романа место весьма ограниченное, запоминается в ряду ведущих образов спектакля. Как, прочтем, и большевик Гаранжа (Б. Суров), появляющийся лишь единожды в воспоминаниях Григория.

Не покорность, не рабскую бабью любовь передает Л. Цуканова в Наталье, а натуру сильную, сдержанную, чувство гордое. Не ее — Аксиныю полюбил Григорий. Но она-то, Наталья — Цуканова, любит. Надеется, когда надеяться почти уже не на что, верит, ждет... Что ни образ в спектакле, то рельефно очерченная, колоритная, словно бы выхваченная из самой жизни фигура — вплоть до совсем крохотных ролей Тюрникова (В. Мирошниченко) и Пленного красноармейца (В. Мироедов)...

Чего хочется пожелать создателям спектакля? Прежде всего более четкого, более точного звучания сцен, имеющих важное значение в судьбе Григория Мелехова, мечущегося между белыми и красными. Уже, видимо, в последний момент театр исключил образ генерала Фицхелаурова (роль эта еще есть в программке спектакля), полагая, что достаточно сцены Григория с капитаном Копыловым. Но тогда, вероятно, необходимо рисовать Копылова (А. Храмцов) более жесткими и резкими, взвинченными, что ли, красками. Сейчас разрыв Мелехова с белыми именно после этого разговора выглядит недостаточно убедительным. В сцене же разговора Григория с Михаилом Кошевым (Л. Титов) у последнего нет да и проглядывает ехидца, желание побольше ужалить Григория. А это ведь упрощает образ Кошевого. Григория же как бы освобождает от ответственности за его решения и поступки...

Спектакль кемеровчан — в самом начале пути. Театр предложил свое, самостоятельное решение шолоховского романа, пронизанное поэзией высокой, одухотворенной любви Григория и Аксины. В решении этом — крепкие основы для дальнейшего роста и долгой сценической жизни.



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Вещество для химического исследования. 8. Гимнастический снаряд. 10. Деталь опоры вала, оси. 11. Стебли и листья корнеплодов. 13. Вещество, смесь из нескольких металлов. 15. Русский живописец, театральный художник, археолог. 16. Белорусский актер, народный артист СССР. 18. Порт в Австралии. 19. Русский путешественник, исследователь Камчатки. 22. Приток Северной Двины. 23. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 24. Пьеса А. Е. Корнейчука. 26. Узбекский и таджикский музыкальный инструмент, бубен. 28. Вид ювелирной техники, филигрань. 29. Балерина, народная артистка СССР. 30. Шкаф для одежды. 31. Русский физик XIX века.

По вертикали: 1. Город во Франции. 2. Равнинные территории в Южной Америке. 3. Один из основоположников детской советской литературы. 4. Немецкий живописец-график XVI века. 5. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце. 6. Альпийская фиалка. 9. Наука об организмах, обитающих в воде. 12. Прибор для определения изменений магнитного потока. 14. Роман Ф. М. Достоевского. 17. Высокое узкое строение специального назначения. 18. Яркая звезда в созвездии Девы. 20. Грызун. 21. Гидротехническое сооружение для защиты акватории порта. 24. Причина, движущая сила процесса, явления. 25. Древко смычка. 27. Единица силы электрического тока. 28. Спортивное оружие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 7. Цитология. 9. Умножение. 10. Непер. 11. Сирия. 14. Вьюга. 15. Диссертация. 16. Тираж. 18. Кизим. 19. Гарнитур. 21. Коленкор. 22. Стерлядь. 23. Вершинин. 27. Жесть. 31. Квиуду. 33. Новолукомль. 34. Щерба. 35. Франс. 36. Аруба. 37. Эдельвейс. 38. Джульетта.

По вертикали: 1. Баянист. 2. Штурман. 3. Сицилия. 4. Корица. 5. «Деньги». 6. Пингвин. 8. Опарин. 12. Числительное. 13. Миттельшпиль. 17. «Журавель». 18. Кокошник. 20. «Русь». 21. Киев. 24. Теберда. 25. Каучук. 26. Планета. 28. Табель. 29. Лопасть. 30. Ромадин. 32. «Вертер».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Контрольный мастер дизельно-испытательного цеха Михаил Владимирович Гацанов — один из тех, от кого зависит качество судовых двигателей, выпускаемых производственным объединением «Брянский машиностроительный завод». (См. в номере материал «Брянское правило».)
Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мотокросс.
Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.03.81. Подписано к печати 17.03.81. А 00348. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 779. Заказ № 163.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.



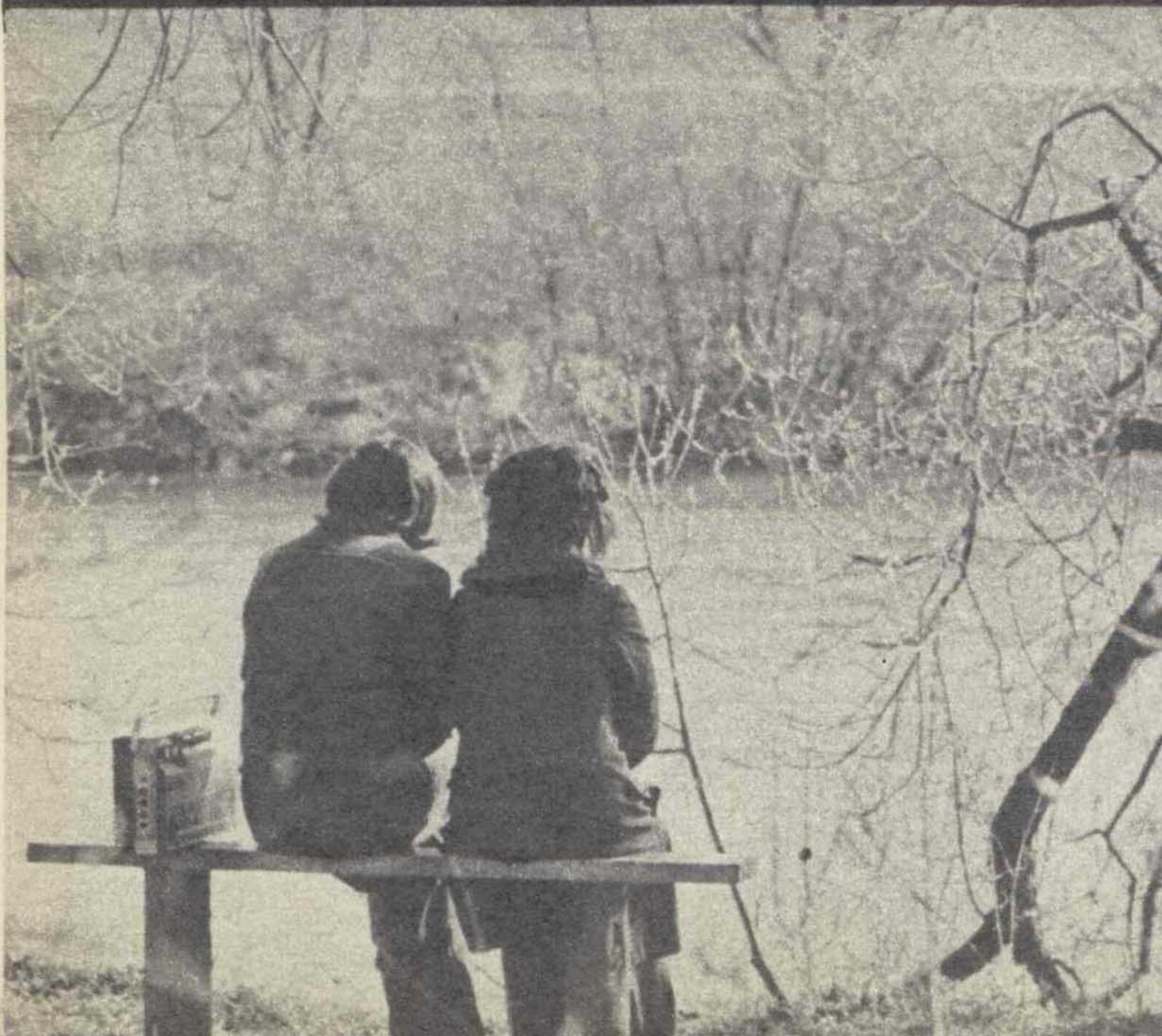
Фото В. МАТВЕЕВА

М





A P T





ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663